
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. Том 22, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Шевченко А. А. Не-идеальная эпистемология и эхо-камеры 5
- Смоляк А. В. Концепт «ризом» и его перспективы в области онтологии и литературы (на примере романа «Страх и ненависть в Лас-Вегасе») 15

Социальная философия

- Кудряшов И. С. Антропология versus философия: вопрос о концептуализации психоаналитических идей 28
- Морозов К. Е. Почему оговорки достаточности недостаточно 46
- Бачило М. Д. Виртуальная коммуникация и подходы к ее изучению 66

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

- Головкин Н. В. Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности. Рецензия на книгу: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8). 79

- Информация для авторов 116

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2024. Volume 22, issue 2

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Shevchenko A. A.* Non-ideal epistemology and echo chambers 5
- Smolyak A. V.* The concept of «rhizome» and its prospects in ontology and literature (exemplified with the novel «Fear and Loathing in Las Vegas») 15

Social Philosophy

- Kudryashov I. S.* Anthropology versus philosophy: conceptualization of ideas of psychoanalysis 28
- Morozov K. E.* Why the sufficiency proviso is not enough 46
- Bachilo M. D.* A socio-philosophical analysis of virtual communication 66

Scientific Life, Polemic and Discussions

- Golovko N. V.* Metajustification, and necessity to reflect objective reality. Book Review: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) 79

- Instructions for Contributors** 116

Научная статья

УДК 165.1

DOI DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-5-14

Не-идеальная эпистемология и эхо-камеры

Александр Анатольевич Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

На примере эпистемических эхо-камер рассмотрены особенности закрытых информационных сообществ – как их пороки, так и выполняемые ими познавательные и социальные функции. Особое внимание уделено попыткам превратить очевидные недостатки (такие как изолированность, некритическое отношение к контраргументам, предвзятость) в преимущества, обеспечивающие в определенных случаях защиту и доступ к информации маргинализированным сообществам. Такая смена фокуса предполагает отказ от идеализированных нормативных представлений о субъекте и процессе познания. Вместо этого используется набирающий популярность подход – «не-идеальная эпистемология». Сформулировано предположение о том, что не-идеальная эпистемология является наиболее радикальной и «честной» формой социальной эпистемологии, так как не просто постулирует определенную зависимость субъектов познания от социальных контекстов, но и допускает существенную ревизию эпистемических обязательств в зависимости от социального статуса и положения.

Ключевые слова

субъект познания, процесс познания, эпистемическое сообщество, эпистемическая нормативность, эпистемические «пузыри» и камеры, эпистемические обязательства

Для цитирования

Шевченко А. А. Не-идеальная эпистемология и эхо-камеры // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 5–14. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-5-14

Non-ideal epistemology and echo chambers

Alexander A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

Considering the phenomenon of epistemic echo chambers the paper analyses the features of closed knowledge communities, both their disadvantages and cognitive and social functions. Particular attention is paid to the attempts to treat their obvious flaws (such as isolation, dismissal of counter-arguments, prejudice) as advantages that, in certain cases, provide protection and access to information for marginalized communities. This change of focus implies a rejection of idealized normative understanding of epistemology. Instead, some of the provisions of the so-called “non-ideal epistemology” are used. It is suggested that non-ideal epistemology is the most radical and “honest” form of social epistemology, since it not only postulates a certain dependence of epistemic subjects on various social contexts, but also allows for a substantial revision of epistemic obligations depending on the social status and position.

Keywords

subject of knowledge, cognitive process, epistemic community, epistemic normativity, epistemic bubbles and chambers, epistemic obligations

For citation

Shevchenko A.A. Non-ideal epistemology and echo chambers. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 5–14 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-5-14

От *homo sapiens* мы обычно ожидаем не только разумного, но и рационального поведения. Императивы рациональности строже и сильнее, хотя и находятся в довольно широком диапазоне – от слабых, таких как интенциональность и способность к мотивированному выбору, до сильных, которые в теоретической области связываются с требованиями логики и научной методологии, а в сфере практического поведения располагаются в диапазоне от оптимальности до включения этического в сферу рационального. Тема рационального поведения важна для нас потому, что проблемное поле эпистемологии в том числе можно трактовать как «совокупность процессов и механизмов принятия решений в условиях неопределенности» [Begby, 2021, p. 43]. Регулятивами для такого принятия решений выступают эпистемические нормы. А они, в свою очередь, основываются на ряде предпосылок как о природе познающего субъекта, так и характеристиках процесса познания. В данной статье мы рассматриваем поведение людей в сообществах, которое (с точки зрения традиционной эпистемологии и нормативных поведенческих моделей) обычно считается нерациональным. Хотя люди часто ведут себя нерационально, самые сложные случаи возникают в связи с сознательным нарушением требований рациональности.

Первая проблемная ситуация – это общий разрыв между нормативными поведенческими моделями и реальным поведением. Примеры таких разрывов легко обнаруживаются во многих областях. В экономике, например, это расхождение между моделью идеального актора, которая предполагает полную рациональность экономических агентов, обладание полнотой информации и обязательное стремление к максимизации полезности (utility). В то же время поведенческая

экономика, изучающая поведение реальных экономических агентов, признает, что люди ведут себя нерационально, зависимы от различных социальных контекстов и эффектов, подвержены социальному давлению и зачастую пытаются не столько максимизировать полезность, сколько минимизировать ущерб и избежать риска, предпочитая синицу в руках журавлю в небе. При этом выбор стратегии поведения далеко не всегда включает расчет вероятности того или другого курса действий. Аналогичный разрыв можно наблюдать в сфере политики – между моделью идеального избирателя и реальным поведением людей на выборных участках, которое может определяться преобладанием эмоциональных факторов, некритическим восприятием пропаганды, «эффектом безбилетника» и множеством других факторов.

Другая проблемная ситуация, которая нас и будет интересовать, связана с полным и принципиальным отрицанием общепризнанных фактов, теорий или позиций и конструированием альтернативных научных или конспирологических объяснительных схем. Эта проблема проявляется, например, в *science denialism* – феномене отрицания науки в современном западном обществе (см., например, [Specter, 2009]). Отрицание науки – это отказ от научных концепций, доказательств или теорий в пользу личных убеждений, предубеждений, идеологических или конспирологических конструкций. Примеры общеизвестны: отрицание изменения климата, движения противников вакцинации, споры о влиянии курения на здоровье, попытки создания «альтернативной» истории и др. При этом сторонники «отрицания науки», как правило, действуют не в одиночку, а формируют различные тематические сообщества, чему весьма способствует распространение современных сетевых технологий.

Однако и отрицание науки – лишь частный случай более общего феномена, суть которого в объединении людей в закрытые информационные сообщества, отказе не только воспринимать общеизвестные факты, но и в активном им противодействии. Такое явление в современной эпистемологии получило название «эхо-камеры». При всей, казалось бы, очевидной ущербности такого поведения оно требует прежде всего объяснения и понимания, хотя бы по причине его распространенности и устойчивости. Объяснять его можно в рамках набирающих популярность представлений о так называемой «не-идеальной» эпистемологии с акцентом на тех позитивных функциях, которые играют эхо-камеры в познавательной активности и на тех преимуществах, которые может давать субъектам познания нахождение в таких социальных и познавательных пространствах (см., например, [Campbell, 2023]). Цель заключается не в оправдании «нерационального поведения», но в выявлении резонансов, которые его поддерживают и воспроизводят, а также в попытке понять, какие эпистемические выгоды получают люди, выбирающие эхо-камеры в качестве комфортного познавательного и социального пространства.

Традиционная и не-идеальная эпистемология

Традиционная эпистемология делает акцент на идеальных, точнее идеализированных условиях работы со знанием. Основные предпосылки традиционной,

«идеальной» эпистемологии – полная рациональность субъекта, полнота информации, отсутствие когнитивных предубеждений и предрассудков. Однако такие эпистемические нормы, основанные на идеализированных моделях рациональности, нередко оказываются плохо применимыми в реальных ситуациях выбора. Так, например, требование принимать на веру только то, для чего имеются достаточные свидетельства, предполагает доступ к полной и непредвзятой информации, что нередко оказывается невозможным в реальных условиях. Требование быть готовым к изменению своих убеждений, сталкиваясь с контраргументами или противоположными свидетельствами, может оказаться трудно выполнимым при наличии глубоко укорененных предрассудков, социального давления или ограниченных когнитивных, временных или материальных ресурсов. Признание подобных ограничений требует признания ограниченности идеальных моделей, а также выработки более реалистичных и эффективных подходов к принятию решений в разных областях. Один из путей – принятие «не-идеальной» эпистемической перспективы (см., например, [Begby, 2021; Mckenna, 2023]).

В самом общем виде «не-идеальная» эпистемология представляет собой, пожалуй, самую радикальную или, можно сказать, самую честную форму социальной эпистемологии. В ее рамках мы не просто признаем некоторую общую зависимость субъектов познания от самых разных социальных контекстов, а также неизбежную зависимость одних субъектов познания от других, сохраняя при этом ориентацию на идеализированные представления как о субъектах, так и о процессах познания. «Не-идеальная» эпистемология предполагает самое серьезное отношение к социальным статусам или субъектам познания, признавая (самое главное), что эти позиции и статусы могут существенно менять и локализовать эпистемические обязательства таких субъектов, зачастую радикально меняя шкалу приоритетов этих обязательств или порождая новые. В качестве примера можно привести феминистскую эпистемологию, в рамках которой проблематизируется ряд ключевых положений эпистемологии «идеальной» или классической. Это, прежде всего, сомнения в самой возможности объективного знания, отрицание привилегированного положения разума над чувствами и эмоциями, акцент на важности реального жизненного опыта, особенно опыта маргинализированных групп, и ряд других положений, задающих нормативные эпистемические модели, во многом альтернативные классической. Вполне естественно, что при такой смене базовых ориентаций существенно меняется и общий эпистемический фокус. Так, например, одной из центральных становится тема эпистемической справедливости и соответствующих эпистемических обязательств (см.: [Fricker, 2009]).

Эхо-камеры как социальные и познавательные пространства

Современное информационное пространство, особенно сетевое, сильно фрагментировано и поляризовано. Этому во многом способствуют алгоритмы социальных сетей, которые на основе имеющихся у нас предпочтений предлагают друзей, информацию или близкие по взглядам сообщества. В результате люди постепенно оказываются в замкнутом информационном пространстве, где по-

вторяются и усиливаются уже существующие убеждения, а альтернативные точки зрения игнорируются или подавляются.

Выделяют две разновидности такой среды: «эпистемические пузыри» и эхо-камеры (см.: [Ngyuen, 2020; Грачев, 2023]). «Пузыри» представляют собой замкнутые информационные среды, в которых люди ограждены от альтернативных идей посредством умолчания (*omission*). Противоречащая их убеждениям информация до них просто не доходит. Это может происходить за счет целенаправленного отбора источников информации или алгоритмической фильтрации. Последняя, как известно, широко применяется в социальных сетях, ограждая нас от нежелательных источников информации. Вторая разновидность такого замкнутого информационного пространства – эхо-камеры. Они представляют собой сообщества, в которых альтернативные взгляды не просто отсутствуют или игнорируются, а активно вытесняются или дискредитируются. Хотя члены сообщества знают о существовании противоположных взглядов, они не доверяют тем, кто находится за пределами эхо-камеры, что подкрепляет и усиливает уже существующие убеждения. Именно в активном отрицании подавлении или дискредитации «противных» точек зрения и состоит отличие эхо-камер от эпистемических пузырей. Характерным признаком является и жесткая поляризация позиций внутри таких сообществ. «Эхо-камеры построены на жестком принципе различия “свой – чужой”, осуществляя жесткий эпистемический контроль над состоянием умов и формируя специальные структуры противодействия и разоблачения авторитетных мнений представителей оппозиции...» [Бажанов, 2022, с. 156].

Один из инициаторов дискуссии об эпистемических пузырях и эхо-камерах, Тхи Нгуен предлагает более богатое понимание пространства эхо-камер, делая акцент на психологии таких групповых сообществ и межличностном взаимодействии участников друг с другом, а не только на их отношении к информации. «Я использую термин “эхо-камера” для обозначения эпистемического сообщества, которое создает значительную диспропорцию в доверии между членами и не-членами. Это неравенство создается путем исключения не-членов сообщества посредством эпистемической дискредитации, одновременно усиливая эпистемические полномочия членов-инсайдеров. Наконец, эхо-камеры таковы, что общее согласие с некоторым основным набором убеждений является предварительным условием для членства, где эти основные убеждения включают убеждения, которые поддерживают различие в доверии» [Ngyuen, 2020, p. 146].

Оба этих феномена (эпистемические пузыри и эхо-камеры) имеют очевидные негативные последствия. Эпистемические пузыри могут приводить к чрезмерной уверенности в своих убеждениях вследствие искусственно организованного консенсуса и отсутствия независимых источников внутри пузыря. Они также ведут к неполноте знаний из-за ограниченного доступа к разнообразной информации. В случае с эхо-камерами ситуацию усугубляет круговая порука и активная дискредитация источников, противоречащих уже существующим убеждениям. Это ведет к эпистемической изоляции, затрудняя пересмотр убеждений даже при столкновении с противоположными свидетельствами. Эхо-камеры не только способствуют искаженному восприятию, как в случае с эпистемическими пузырями. Внутри эхо-камеры информация фильтруется таким образом, что она

подтверждает и усиливает уже существующие (пред)убеждения, что и создает «эхо-эффект». Эхо-камеры, в частности, усиливают когнитивные искажения, такие как «предвзятость подтверждения» (*confirmation bias*), когда люди склонны искать и интерпретировать информацию, подтверждающую их мнение, игнорируя противоречащие данные. Социальные негативные последствия включают поляризацию общества, усугубляя разрыв между группами с разными убеждениями и затрудняя диалог и взаимопонимание. Постоянное подтверждение существующих убеждений ведет к снижению уровня критического мышления и способности к объективной оценке информации. Здесь можно вспомнить пример Л. Витгенштейна с утренней газетой, в котором он описывает человека, который убеждает себя в истинности какого-то положения, читая несколько экземпляров одной и той же газеты. «Разве мысленный образ расписания мог бы подтвердить правильность первого воспоминания, если бы он сам не подлежал проверке на правильность? Это было бы равноценно тому, что кто-то купил множество экземпляров сегодняшней утренней газеты, чтобы удостовериться, пишет ли она правду» (1.265) [Витгенштейн, 1994, с 176]. Понятно, что такая «эпистемическая работа» не увеличивает достоверность получаемой информации.

Плохие и хорошие эхо-камеры

При все очевидной ущербности такой замкнутой информационной и познавательной среды рассмотрим теперь возможные стратегии в защиту эхо-камер. Можно выделить две линии защиты эхо-камер и, соответственно, находящихся в них членов таких сообществ. Первая линия защиты состоит в утверждении, что сами по себе, по своей сути эхо-камеры не являются эпистемически проблематичными. Так, Дженнифер Лэки определяет эхо-камеры как замкнутые системы, в которых единомышленники делятся мнениями и укрепляют их, часто через социальные сети, а несогласные голоса отсутствуют или заглушаются (см.: [Laskey, 2021]). При этом Дж. Лэки рассматривает два основных критических замечания в адрес эхо-камер. Первое состоит в том, что эхо-камеры создают ложное ощущение сильной эпистемической поддержки вследствие отсутствия независимых мнений. Однако она полагает, что индивиды в эхо-камерах все равно могут проявлять автономию в потреблении информации, т. е. фильтровать и оценивать ее, основываясь на собственных убеждениях и критическом мышлении. Второй стандартный контраргумент состоит в том, что отсутствие в эхо-камерах разнообразных точек зрения препятствует ознакомлению с противоположными убеждениями. Признавая ценность разнообразных точек зрения, Дж. Лэки утверждает, что ограничение источников информации может иметь эпистемические преимущества и что, напротив, простое добавление источников без учета их надежности может причинить вред. Дж. Лэки, таким образом, делает вывод о том, что распространенный диагноз эхо-камер как эпистемически проблематичных по своей сути является ошибочным. Хотя эхо-камеры действительно создают проблемы, их структура сама по себе не является главной проблемой. Напротив, реальная опасность кроется в содержании, циркулирующем в этих пространствах, и появлении «не-человеческих» акторов (ботов), которые сильно затрудняют ра-

боту с информацией в Интернете (см.: [Lackey, 2021]). Кроме того, она предлагает оценивать значимость эхо-камер, исходя из их возможности способствовать установлению истины. Согласно такому подходу, эхо-камеры, способствующие истинным убеждениям, полезны, даже если они исключают или дискредитируют инакомыслящих.

Интересный аргумент для сторонников эхо-камер предлагает Андре Бегби, идея которого заключается в том, что заведомое и упреждающее отрицание противоположных убеждений может быть вполне рациональной и эффективной стратегией, предвосхищая и нейтрализуя развитие аргументации оппонента. Он вводит трудно переводимое понятие *evidential preemption* (свидетельское упреждение), когда говорящий не только предлагает свидетельство того, что *p*, но и предупреждает слушателя о том, что другие попытаются убедить его в противоположном мнении. При последующем развитии событий доказательная сила этого предполагаемого контрсвидетельства фактически нейтрализуется. Такое упреждающее пресечение контрдоводов может служить своеобразным аналогом «эпистемической прививки», гарантирующим, что член сообщества не сможет воспользоваться противоположным свидетельством для корректировки своих убеждений (см.: [Begby, 2021, ch. 6]).

Самая, пожалуй, «принципиальная» защитная стратегия состоит в том, чтобы представить известные пороки эхо-камер в виде их преимуществ. Так, Дуглас Кэмпбелл (как и Дж. Лэки) оспаривает сложившееся мнение о том, что онлайн-вые эхо-камеры порочны по своей сути. Но он строит свою аргументацию на том, что пытается общепризнанные недостатки эхо-камер выставить как преимущества или, во всяком случае, показать, что предлагаемые такими сообществами выгоды перевешивают их потенциальные недостатки (см.: [Campbell, 2023]). Так, например, изоляция от «инакомыслящих», по его мнению, может быть полезной, особенно для маргинальных групп или людей, ищущих поддержки своим непопулярным или стигматизированным убеждениям. Онлайн-вые эхо-камеры предоставляют таким своим членам пространство для общения и самовыражения, защищая от враждебного отношения или социального давления. Примерами могут служить группы людей, переживших Холокост, сообщества приверженцев анорексии, а также верующие в плоскую Землю. Признавая потенциальный вред некоторых эхо-камер, Д. Кэмпбелл в то же время призывает понимать и уважать ценность изоляции в некоторых конкретных (эпистемических) контекстах.

Он также отстаивает принцип, называемый «суверенитет потребителя» (*consumer sovereignty*), который позволяет пользователям настраивать свой онлайн-опыт, выбирая контент в соответствии со своими предпочтениями. Этот принцип, хотя и критикуют за то, что он способствует возникновению эхо-камер и поляризации общества, может также расширить возможности пользователей и обеспечить их самостоятельность в выборе информации, которую они считают ценной. Именно этот принцип, по его мнению, и привел, в результате, к появлению эхо-камер в современном информационном пространстве. Лучшей формулировкой этого принципа он считает предсказание, сделанное Биллом Гейтсом в 1995 году: «Естественное продолжение – это персонализированная информация.... Чтобы получать ежедневную порцию новостей, вы можете подписаться

на несколько сервисов по их мониторингу и позволить компьютерной программе или человеку выбирать из них информацию для составления вашей полностью персонализированной “газеты”. Такие подписки, человеческие или электронные, будут собирать информацию, соответствующую определенной философии и набору интересов» [Gates, 1995, p. 167–168].

Принципу «суверенитета потребителя» противостоит еще один трудно переводимый принцип *serendipity*, который поощряет знакомство с разнообразным или непривычным контентом. Хотя основной словарный вариант перевода – «счастливая случайность», в данном контексте будем использовать перевод «разнообразие». По мнению Д. Кэмпбелла, несмотря на ценность разнообразия, этот принцип может быть и вредным, особенно когда подвергает уязвимых людей потенциально опасному контенту. Кроме того, он полагает, что значение его часто «преувеличивают в качестве инструмента для решения проблем эхо-камер» [Campbell, 2023, p. 7]. И, наконец, переоценке подлежит и такой «порок» эхо-камер, как «поляризация» мнений и общества в целом. Признавая негативные аспекты поляризации, когда люди укореняются в своих убеждениях и становятся невосприимчивыми к противоположным точкам зрения, Д. Кэмпбелл считает, что поляризация может быть и полезной для формирования твердых убеждений по важным моральным вопросам, а понимание механизмов поляризации полезно для развития нравственного воспитания и формирования общественных ценностей.

В целом же можно сделать вывод, что позиция защитников эхо-камер сводится не столько к их реабилитации, сколько к более сбалансированному к ним отношению, учитывая ту социальную роль, которую такие закрытые сообщества нередко играют в жизни различных маргинализированных сообществ. Кроме того, в основе аргументации можно обнаружить и ряд фундаментальных принципов. Помимо уже упомянутого принципа «суверенитета потребителя» встречается и апелляция к общеэтическому «принципу уважения», призыв не забывать, что даже в эхо-сообществах люди автоматически не превращаются в пешки, а сохраняют значительную степень индивидуальной автономии, фильтруют и оценивают информацию, основываясь на собственных убеждениях и опыте.

Что касается содержательных рамок «не-идеальной» эпистемологии, то представляется, что эхо-камеры как раз могли бы использоваться в качестве экспериментального объекта для такой теоретической работы. Так, оценивая попытки выработки более сбалансированного отношения к эхо-камерам, А. Бегби формулирует перспективную идею о том, что в эхо-камерах мы имеем дело с особым типом рациональности (см.: [Begby, 2022]). Действительно, в таких сообществах мы наблюдаем очевидные нарушения классических постулатов рациональности – как индивидуальной, так и коллективной, однако, учитывая все приведенные выше резоны и, самое главное, объективные потребности, которые такие сообщества позволяют реализовать, можно осторожно согласиться с тем, что, возможно, здесь мы имеем дело с рациональностью особого типа – социально-эпистемической.

Список литературы

- Бажанов В. А.** Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 4. С. 152–164.
- Витгенштейн Л.** Философские исследования / Л. Витгенштейн. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 74–319.
- Грачев М. Н.** Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // *Российская школа связей с общественностью*. 2023. № 29. С. 41–54.
- Begby E.** From Belief Polarization to Echo Chambers: A Rationalizing Account // *Episteme*. [Online First View]. DOI: 10.1017/epi.2022.14
- Begby E.** *Prejudice. A Study in Non-Ideal Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Campbell D.** In Defense of (Some) Online Echo Chambers // *Ethics and Information Technology*. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 1–11.
- Fricker M.** *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Gates B.** *The Road ahead*. London: Penguin Books, 1995.
- Lackey J.** Echo Chambers, Fake News, and Social Epistemology // *Epistemology of Fake News* / Eds. by S. Bernecker, A.K. Flowerree, Th. Grundmann. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 206–227.
- Mckenna R.** *Non-Ideal Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Nguyen Thi C.** Echo chambers and epistemic bubbles // *Episteme*. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 141–161.
- Specter M.** *Denialism: how irrational thinking hinders scientific progress, harms the planet, and threatens our lives*. New York: Penguin Press, 2009.

References

- Bazhanov V. A.** The features of cognitive mechanisms in the information age: echo bubbles and echo chambers // *Filosofskiy zhurnal*. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 152–164. (in Russian)
- Begby E.** From Belief Polarization to Echo Chambers: A Rationalizing Account // *Episteme*. [Online First View]. doi:10.1017/epi.2022.14
- Begby E.** *Prejudice. A Study in Non-Ideal Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Campbell D.** In Defense of (Some) Online Echo Chambers // *Ethics and Information Technology*. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 1–11.
- Gates B.** *The Road ahead*. London: Penguin Books. 1995.
- Grachev M. N.** Echo chambers, epistemic bubbles and filter bubbles as actors of network communication space // *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvenost'yu*. 2023. No. 29. P. 41–54. (in Russian)
- Fricker M.** *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

- Lackey J.** Echo Chambers, Fake News, and Social Epistemology // Epistemology of Fake News / Eds. by S. Bernecker, A.K. Flowerree, Th. Grundmann. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 206–227.
- Mckenna R.** Non-Ideal Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Nguyen Thi C.** Echo chambers and epistemic bubbles // Episteme. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 141–161.
- Specter M.** Denialism: how irrational thinking hinders scientific progress, harms the planet, and threatens our lives. New York: Penguin Press, 2009.
- Wittgenstein L.** Part I // L. Wittgenstein (auth.). Philosophical investigations. Moscow: Gnozis, 1994. P. 74–319 (in Russian)

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Shevchenko Alexander A., Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024*
*The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024*

Научная статья

УДК 18

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-15-27

Концепт «ризомы» и его перспективы в области онтологии и литературы (на примере романа «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»)

Алексей Владимирович Смоляк

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

smolyak_av@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6901-228X>

Аннотация

В статье рассматривается концепт «ризомы» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Автор очерчивает проблему «древовидной структуры», реакцией на которую стала «ризомы», осуществляет диалектический анализ «дерева» и «ризомы». Автором прослеживаются истоки «ризомы» в мысли французских философов, последовательно анализируются и комментируются выделенные ими принципы работы «ризомы». Затем «ризомы» из онтологической области переносится в область литературную и иллюстрируется на примере романа «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» Хантера С. Томпсона. Отдельное внимание уделяется перспективам понятия субъекта в контексте ризоматичности.

Ключевые слова

ризомы, Ж. Делез, Ф. Гваттари, философия литературы, литературная теория, Х. Томпсон

Для цитирования

Смоляк А. В. Концепт «ризомы» и его перспективы в области онтологии и литературы (на примере романа «Страх и ненависть в Лас-Вегасе») // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 15–27. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-15-27

The concept of «rhizome» and its prospects in ontology and literature (exemplified with the novel «Fear and Loathing in Las Vegas»)

Alexey V. Smolyak

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

smolyak_av@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6901-228X>

© Смоляк А. В., 2024

Abstract

The article considers the concept of «rhizome» of G. Deleuze and F. Guattari. The author outlines the «tree-like structure» problem, the reaction to which «rhizome» became, carries out the analysis of «tree» and «rhizome». The author traces the origins of «rhizome», sequentially analyzes and comments on the principles of «rhizome». Then «rhizome» is transferred from the ontological field to the literary field and illustrated with the example of the novel «Fear and Loathing in Las Vegas» by Hunter S. Thompson. Special attention is paid to the prospects of the notion of subject in the context of rhizomaticity.

Keywords

rhizome, G. Deleuze, F. Guattari, philosophy of literature, literary theory, H. Thompson

For citation

Smolyak A. V. The concept of «rhizome» and its prospects in ontology and literature (exemplified with the novel «Fear and Loathing in Las Vegas»). *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 15–27 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-15-27

Использование структуры в качестве инструмента анализа объектов, подлежащих интерпретации – или, в более широком смысле, способа мышления, – как кажется, влечет за собой ряд ограничений. Главным из таких ограничений является тот факт, что классическая структура фиксирует феномены синхронически, упуская аспект их развития и становления. К тому же структура опирается, как правило, на *представление* о своем объекте как об упорядоченной, логичной, рациональной системе. На представление во многих смыслах этого слова, в том числе представление как репрезентацию. Наконец, структура немыслима без центра, который навязывает ей сценарии смыслопорождения, ограничивает варианты трактовок. Структура похожа на дерево. Французские философы-постструктуралисты Жиль Делез и Феликс Гваттари за свою карьеру разработали множество концептуальных проектов, которые, по замыслу их авторов, позволили бы помыслить нечто, наделенное функциями и эвристическим потенциалом структуры, но при этом согласованное с парадигмальными постструктуралистскими эпистемологическими установками и ценностями.

В этой статье речь пойдет об одном из таких проектов – о «модели, которая не перестает воздвигаться и углубляться, и о процессе, который не перестает продолжаться, разбиваться и возобновляться» [Делез, Гваттари, 2010, с. 36] – это, собственно, и есть ризома или, скажем, описание некоторых ее особенностей. Концепт ризомы обладает, как представляется, выдающимся потенциалом для применения во множестве областей мысли, однако он подвергался дальнейшей проработке и теоретизации на удивление редко. В рамках этой статьи мы последовательно рассмотрим свойства ризомы, описанные Делезом и Гваттари в главе «Введение: Ризома» из книги «Тысяча плато», затем исследуем возможности концепта ризомы для интерпретации литературных текстов, в частности, мы перенесем этот концепт из общего онтологического поля в поле эстетическое, текстуальное, чтобы применить его как к форме, так и к содержанию романа Хантера С. Томпсона «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»¹. В конце мы сделаем шаг в обратном направлении и вернемся с осмысленным эстетическим концептом ризомы в область

¹ Выбор именно этого романа мы обоснуем далее по тексту.

эпистемологии, чтобы ответить на вопрос о том, что он способен нам сказать о сущности субъект-объектных отношений или, точнее, каким образом при его посредстве переосмысляются эти отношения.

Сам термин вводится Делезом и Гваттари в работе «Кафка: за малую литературу» (1975). Корпус кафкианских текстов обозначается французскими философами как ризоматический, т. е., в первую очередь, избегающий традиционной линейной хронологически обусловленной повествовательной структуры: «Как войти в творчество Кафки? Это – ризома, нора» [Делез, Гваттари, 2015, с. 5]. Она открывает бесчисленное количество входов и выходов в себя, лишена центра, выстроена случайным образом. В тексте «Кафка» французские философы, впрочем, делают лишь набросок этого концепта. Однако то осмысление линий ускользания, малой литературы, детерриторизации, репрезентации и деформации, которое представлено в «Кафке», послужит, на наш взгляд, уместным введением в контекст ризоматичности.

Итак, рассмотренный в терминах желающего производства, Франц Кафка в совокупности (в «состыкованности») со своими текстами представляет собой «машину письма» (таким образом, как мы видим, инстанция писателя уже выводится за рамки субъектности, а его романы – за рамки объектности). Биографический же Кафка конструирует себе своим творчеством линии ускользания из эдиповой ситуации всепроникающего влияния отца-угнетателя, т. е. линии ускользания выполняют для машин (т.е. людей, мыслей, концептов и т.д.) функцию путей отхода за пределы сверхкодированных структур. Обилие же линий ускользания является сущностной чертой того, что Делез и Гваттари называют «малой литературой», представителем которой и является Кафка: пользуясь средствами чужого языка (будучи чешским евреем, он писал по-немецки), дискурсом «большой» литературы, малая литературы лишает эти средства их устоявшихся схем построения содержания и выражения – детерриторизирует их: «Выражение должно ломать формы, помечать разрывы и новые разветвления» [Делез, Гваттари, 2015, с. 36]. Малая литература, согласно характеристике, данной ей Р. Боутом, провоцирует в языке нестабильности – «грамматические, синтаксические или семантические аномалии, неожиданную интенсивность удара ритма, неологизмы, умножение образов, аскетические итерации намеренно обедненного лексикона и т. д. – все это отменяет языковые условности» [Vogue, 2012, p. 294]. Отсюда следует, что, в то время как в больших литературах содержание предпосылается выражению, «малая, или революционная, литература начинается с того, что высказывает, и лишь затем видит и осмысляет» [Делез, Гваттари, 2015, с. 36] – язык здесь работает не по принципам классической репрезентации, но из некоего изначально нонсенса производит смыслы посредством работы деформации в процессе письма.

В этом смысле творчество Томпсона устроено по принципам малой литературы. Будучи практиком журналистики соучастия, он сам встраивается в предмет своего репортажа. Сюжеты, описываемые им, имеют возможность осуществиться только после того, как машина-Томпсон подключается к машине-событию: «Страх и ненависть» пишется по мотивам случая, когда Томпсон отправился в Лас-Вегас, чтобы сделать репортаж о гонке «Минт 400», однако текст вместе

с Томпсоном и его альтер-эго Раулем Дьюком детерриторизуют эту стандартную журналистскую рутину и посредством разрывов и разветвлений воплощаются в роман о Томпсоне. Журналистика по линиям ускользания устремляется в повествовательную литературу и наоборот, а затем литература и/или журналистика подрывается средствами журналистики и/или литературы соответственно.

В «Тысячах плато» концепты, очерченные нами выше, претерпели существенные изменения, сохранив при этом свои ценностные ориентации и некоторые функции: в первую очередь установки на хаотичность, множественность и процессуальность.

Далее мы последовательно опишем характеристики и логику работы ризомы, продемонстрируем потенциал этой работы, используя роман «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», а также покажем, как концепт ризомы объясняет механизмы рецепции текста читателем. Ризома являет собой чрезвычайно удобный и подготовленный концепт для того, чтобы описывать эти механизмы, ведь книга, вероятно, есть предельное воплощение ризомы. Делез и Гваттари, предвзято концептуализацию ризомы, пишут, что книга имеет свои «линии артикуляции или сегментации, страты и территории; но также и линии ускользания, движения детерриторизации и дестратификации» [Делез, Гваттари, 2010, с. 7] – здесь имеется в виду, что текст, с одной стороны, работает как классическая структура, со своими определенными элементами, группами элементов, объединенных в соответствии с тем или иным критерием, и логическими связями между этими элементами; впрочем, в то же время текст всегда стремится разрушить эту упорядоченность, навязанную конвенциональной «древовидной» поэтикой и герменевтикой, вырваться по линиям ускользания за рамки сопутствующих им смысловых ограничений. «На таких линиях сравнительные скорости потока влекут за собой феномены относительного замедления, вязкости или, наоборот, стремительности и разрывов» [Там же] – синхроническая структура текста приходит в ризоморфное движение, в состояния непрерывного становления и производства. Книга, пишут французские философы, во-первых, есть сборка (подробнее об этом концепте – далее), она есть множественность, а не семантическое единство; во-вторых, «нет разницы между тем, о чем говорит книга, и способом, каким она сделана» [Там же] – означающее и означаемое или планы выражения и содержания (эти термины Л. Ельмслева у Делеза и Гваттари в «Тысячах плато» – в большем ходу) сливаются в плоский и неиерархичный план консистенции; в-третьих, то, о чем сама книга намеревается сказать, не представляет никакого интереса, потому как спрашивать у книги следует о том, «с чем она функционирует, в соединении с чем она передает или не передает интенсивности, в какие множественности она встраивает и трансформирует свою множественность, с какими телами без органов ей нужно свести свое тело без органов» [Делез, Гваттари, 2010, с. 7–8], т. е. инспирированная ризоморфностью интерпретация / экспериментация осуществляется во многом в пространстве того, что можно назвать контекстуальностью или понятой широко интертекстуальностью.

Далее по тексту Делез и Гваттари, задаваясь вопросом «что есть тело без органов книги?», предлагают три типа книг: книга-корень, книга – мочковатый корень и книга-ризома. Мы здесь сразу же хотели бы рассмотреть эти типы не как вари-

анты книг-продуктов авторского письма, но как разновидности текстуальных машин, сцепляющих воедино письмо и интерпретацию. Иными словами, мы здесь осуществим попытку описать три подхода к чтению, сделав предварительную ремарку о том, что, как мы предполагаем, всякая книга может быть прочитана любым из описанных ниже способов.

Итак, первый тип – это *книга-корень*. «Это классическая книга, подобная прекрасной органической интериорности, означающей и субъективной» [Делез, Гваттари, 2010 с. 8], она стремится к тому, чтобы репрезентировать мир, отразить его. Соответственно, интерпретатор здесь преследует цель вскрытия означающих, ведущих к глубине исходных, предзаданных означаемых, или, если выражаться более метафорично, читатель здесь ощупывает ветви дерева, ведущие к корню-смыслу или корню-истине. Такому подходу к интерпретации, безусловно, соответствует и определенный древовидный образ мышления, и, важно отметить, что, по Делезу и Гваттари, «такая мысль никогда не постигала множественность – ей требуется крепкое основное единство» [Там же, с. 9] как единственная привилегированная трактовка. Второй тип – это *система-корешок, или мочковатый корень*, который, кажется, является в некотором роде промежуточным звеном между двумя другими типами. В этой фигуре книги «главный корень абортирован или почти до конца уничтожен; к нему прививается и обретает чрезвычайное развитие непосредственное и неопределенное множество вторичных корней» [Там же, с. 10], впрочем, будучи нанизанными на некую на этот раз амбивалентную структурность, они лишь имитируют хаос, становление и подлинную множественность. Такое произведение имеет выходы в другие произведения посредством интертекстуальности, но такие выходы заранее прочерчены. «Единство продолжает свою духовную работу» [Там же], пусть и скрыто оно под имитацией множественного. Проблема, если ее считать таковой, прочтения книги как мочковатого корня заключается, пожалуй, в вертикальной иерархичности, которую оно выстраивает – здесь интерпретация все же стремится к систематизации или редукции текста. Как, собственно, утверждают Делез и Гваттари, самого факта провозглашения и воспевания множественного недостаточно – необходимо его создать, причем не посредством внедрения чего-то извне, но, напротив, посредством изъятия из некой совокупности единого как такового. Подобное образование авторы и называют ризомой. Далее пойдет речь о ней и ее основных характеристиках, таких как принципы соединения и неоднородности, множественности, а-означающего разрыва, картографии и декалькомании. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Принципы соединения и неоднородности. Дерево есть некое число неподвижных элементов или точек, выстроенных в определенном порядке, причем выстроенных таким образом, что связи между этими точками запрограммированы некоей иерархией, ограничены в своем потенциальном количестве и даже, вероятно, заранее определены. К примеру, если прочитывать роман «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» Хантера Томпсона таким образом, чтобы внедрить в него древовидную структуру, то большую часть его элементов возможно осмыслить в контексте концепции «американской мечты». Все путешествие центральных персонажей – Рауля Дьюка и доктора Гонзо – в этом случае следует свести к по-

пытке обрести «американскую мечту»², которая составляет их изначальную мотивацию. В ходе повествования они постепенно разочаровываются в самой идее «американской мечты» (когда на месте «Клуба старого Психиатра», выполняющего для них функцию первого символа «американской мечты», они обнаруживают лишь «огромный обгоревший и растрескавшийся бетонный каркас на заросшем сорняками пустыре» [Томпсон, 2022]), решая, впрочем, ее переизобрести. Однако вскоре они понимают, что даже переизобретение ее породит лишь фантазм, чья иллюзорная природа становится для них очевидна ближе к концу романа (второй символ «американской мечты», казино «Цирк-цирк», предлагает реализацию этой мечты только людям состоятельным, тем, кто изначально готов делать крупные ставки за игровым столом). Отсюда возможно сделать, например, следующий вывод: сама «американская мечта» возникла как порождение капитализма и продолжает функционировать лишь обслуживая интересы тех, кому капитал принадлежит; «американская мечта» есть лишь инструмент идеологического аппарата государства, помогающих генерировать больше прибавочной стоимости. Итак, пусть мы и предложили прочтение с позиций левого дискурса, тем не менее мы свели (точнее, показали потенциал сведения) всего текста к одной центральной, а значит репрессивной, идее. Подобное древовидное прочтение, как правило, открывает читателю конвенциональную или классическую трактовку романа, которая была зафиксирована в литературоведческой традиции.

В противоположность этому «любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой ее точке» [Там же, с. 12], соответственно, преумножение смысла – пролиферация при ризоматическом подходе достигается, с одной стороны, за счет того, что случайные и неожиданные конфигурации фрагментов и дискурсивных элементов внутри литературного текста образуют смысловые единства или, вернее, плато (подробнее о которых – позже); с другой стороны, за счет того, что точки – фрагменты, элементы, направления – данного текста присоединяются к точкам текстов, которые сами по себе уже являются ризомами, а значит смысл их подвижен и открыт новым преобразованиям. Но ризоматика не ограничивается только текстом: «Семиотические звенья любой природы соединяются здесь с крайне различными способами кодирования – биологическими, политическими, экономическими и т.д., запускающими в игру не только разные режимы знаков, но также и статусы состояния вещей» [Там же]. Ризома посредством своего выхода за пределы пантекстуальности и языка вообще подрывает властные отношения, имманентные любому дискурсу и подчиняющие мышление и желающее производство собственным кодировкам, т.е. принципам, логике и политическим интересам. Ризома децентрирует и ретерриторизирует текстовые фрагменты в других «машинных сборках» – недискурсивных множественностях тел или вещей и в других «коллективных сборках» – дискурсивных множественностях бестелесных эффектов и слов, причем соединяя их друг с другом в неочевидном или даже случайном порядке. И мы, пожелав воспользоваться этими дискурсивными инструментами, уже прочитывали «Страх и ненависть...»

² Нам известно, что Томпсон задумывал свой роман как высказывание, в первую очередь, на эту тему.

через учение об аффектациях и аффектах Б. Спинозы или через теорию множеств в интерпретации А. Бадью – варианты этих конфигураций бесконечны.

Помимо этого, говоря о ризоматических соединениях и неоднородности, следует уделить внимание и проблеме иерархии, которая связана с центрированностью древовидных систем. Центр детерминирует положение элементов и направление движения между ними, но эту ограничивающую детерминацию как раз желательно преодолеть, что и делают ризомы – «а-центрированные системы, сети конечных автоматов, где коммуникация осуществляется от одного соседа к какому-то еще соседу, где стволы и каналы не существуют заранее, где все индивиды взаимозаменяемы и определяются только *состоянием* на данный момент» [Томпсон, 2022, с. 30]. «Страх и ненависть» отражает и эти тенденции ризомы, так как этот роман весьма а-центрирован. Центр неизбежно будет задавать иерархию, и в литературном тексте эта иерархия, например, проявляется в фиксированной последовательности его частей и внутренней логике их связывания. Скажем, завязка должна обуславливать все последующее развитие действия, и она таким образом это действие подавляет и подчиняет себе. Однако текст Томпсона устроен как множество фантазмов, порожденных наркотическим опьянением, его реальность всасывается в бредовые сны, он начинается и заканчивается будто в середине логического развития сцены, в середине предложения, на полуслове... Ход его повествования осуществляется не в привычном движении от завязки к кульминации и к развязке, поэтому точку входа или фрагмент, с которого начинается чтение, можно найти на любой странице и уже в процессе интерпретации отталкиваться от этого «центра» или выстраивать связи между другими частями текста произвольно, ведь он – череда навеянных дурманов образов, хронологически первый из которых происходит в неопределенном месте пустыни, а последний – в неопределенном состоянии человеческого существования.

Принцип множественности. Делез и Гваттари в стремлении избежать в своем мышлении диалектических бинарных оппозиций начинают изложение этого принципа с предложения отказаться от противопоставления многого и единого: «Когда многое действительно рассматривается как субстантив – множество, или множественность, – нет более никакого отношения с Одним» [Там же, с. 14]. Это призыв мыслить все как множественное, даже если укоренившиеся в традиции метафизические мыслительные схемы пытаются выдать единое за необходимость. Но что значит помыслить многое как субстантив? Еще в системе идей Платона, описанной в том числе в диалоге «Парменид», единое мыслится как нечто, фундированное принципом равенства себе или тождества, а отношение со многим оно устанавливает по принципу подобия, то есть многое здесь лишь представляет единую Идею. Если же принять множественное или многое за субстанцию как первичное основание, то отношения подобия будут проследиваться только между множественными элементами, а, говоря точнее, они уже будут не отношениями подобия или тождества, но отношениями – здесь мы апеллируем к более раннему концепту Делеза – повторения некоторых характеристик. Внутри ризомы множественные означающие отсылают не к трансцендентальному означаемому, но к другим означающим, и в этом процессе они «ускользают», преобразуясь и детерриториализуясь. Единство же «появляется лишь тогда, когда в мно-

жестве власть захватывает означаемое» [Томпсон, 2022, с. 15]. Иными словами, дерево стремится подвести все множество под единое понятие, однако последнего в железо-гваттарианских ризоматических множествах быть не может даже в виде управляющего или иерархизирующего центра, придающего множественности некую целостность и организованность или, если угодно, тотальность.

Таким образом, нечто, представляющееся на первый взгляд единым, в такой онтологии множественного работает как фантазм, образующийся на пересечении множества потоков. К примеру, такая модель, как герой-трикстер, коим является Рауль Дьюк, есть не некий архетип, закодированный в коллективном бессознательном или укорененный в бытийных структурах. Трикстер, с этой точки зрения, есть лишь характерная совокупность черт персонажей некоего множества текстов, которые, будучи потоками, на своем пересечении создают эффект единства. Термин «потоки» здесь используется в том смысле, что «в ризоме нет точек или позиций, какие мы находим в структуре — дереве или корне. Есть только линии» [Там же, с. 14]. Мы видим, что замена точек на линии необходима для преодоления статичности структуры. Ризома, в противоположность последней, характеризуется непрерывным становлением и трансформациями по линиям ускользания, которые детерриторируют данное множество, т.е. позволяют ему взаимодействовать с внешним ему множеством, вступать с ним в интертекстуальную игру.

Для прояснения этих особенностей ризомы Делез и Гваттари отсылают к другому своему концепту: «Сборка и есть такое пересечение измерений в множестве, которое с необходимостью меняет природу в той мере, в какой наращивает свои соединения» [Там же]. Концепт сборки (*agencement*) важен для понимания ризомы, поэтому необходимо остановиться на нем подробнее.

В «Анти-Эдипе» авторы, осмысляя дихотомию организмического и механистического, обнаруживают у английского писателя Сэмюэля Батлера особый способ установления взаимоотношений между ними, когда «они уже не могут противопоставляться друг другу, [доходя] до точки безразличия или рассеяния» [Делез, Гваттари, 2008, с. 449]. В рамках этого типа взаимоотношений воспользуемся примерами, приведенными самими Делезом и Гваттари: шмель может рассматриваться как элемент репродуктивной системы клевера, а человек — как элемент репродуктивной системы какого-нибудь аппарата [Там же, с. 450]. Иными словами, они составляют друг с другом «сборку», где различие между статусами машины и организма лишено всяческого смысла, а множество частей каждой сборки «должны сравниваться с совершенно различными деталями разных машин, отсылающих друг к другу и прорабатываемых друг другом» [Там же, с. 449]. В тот момент, когда нечто — например, человек, произведение искусства, социальная практика или любой феномен — начинает осмысляться как сборка, оно утрачивает свою структурную целостность и, более того, свое внутреннее и внешнее как изолированные друг от друга сферы.

Продолжая разрабатывать этот концепт в «Тысячах плато», авторы добавляют к нему такие атрибуты (или, скорее, в большей мере акцентируют на них внимание) как, во-первых, становление: сборка феномена являет собой процесс его непрерывного производства, причем в ходе этого процесса имеют место бесконечные трансформации, восполнения и дифференциации смысла собираемого

множества; во-вторых, то, что мы здесь обозначим как интертекстуальность. Делез и Гваттари пишут: «Книга, как сборка, является лишь самой собой – в соединении с другими сборками и в отношении к иным телам без органов» [Делез, Гваттари, 2010, с. 7]. Иными словами, литературный текст будет лишен смысла, стоит изъять его из серии прочих литературных текстов и литературной традиции. Аналогично изъятие его из философского, политического, исторического, социального или лингвистического контекстов ограничит потенциал производства смыслов в данном тексте как сборке [Ажимов, 2010].

По нашему мнению, все вышесказанное возможно отнести также и к ризоме, потому как, вероятно, правомерным было бы утверждение о том, что ризома состоит из сборок или же является сборкой сборок – комплексом неоднородных вещей и дискурсов, которые в совместной открытой и нефиксированной работе обуславливают взаимную изменчивость. Иными словами, именно будучи сборкой, текст дает возможность интерпретировать себя в контексте некоего концепта, теории, идеи и т. д.

Принцип а-означающего разрыва. Вдохновленный лингвистикой структурализм видит структуру как синхроническую целостность, нововременная концепция телеологической истории видит историю как диахроническую целостность или последовательность. Иными словами, то, что Делез и Гваттари называют деревом, целостно, континуально, недискретно, преемственно. Ризома же зиждется на разрывах, обитает в них, т. е. развивается благодаря им.

Этот принцип в ризоме, по Делезу и Гваттари, работает «против сверхозначающих купюр, разъединяющих структуры или пересекающих одну структуру» [Делез, Гваттари, 2010, с. 16]. Здесь стоит вспомнить описанную Ж. Деррида проблему центрации или трансцендентального означаемого, которое обеспечивает структуре цельность, устойчивость и самоидентичность: каждый литературный жанр стремится кристаллизироваться, превратиться в канон, центрированный, например, вокруг структуры потеря-поиск-обретение, к которой так или иначе при желании можно свести любое повествовательное произведение, или сверхозначающей купюры, загадки, управляющей жанром детектива. В противовес этому «ризомы, – пишут авторы, – может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям» [Там же]: в «Страхе и ненависти» герои, пожалуй, ничего не теряют и ничего не обретают, здесь нет очевидного конфликта – повествование существует не за счет канонов, а за счет их разрывов, детерриторизаций. Литературный аналог роуд-муви или бадди-муви здесь сменяется хоррором, затем параноидальным триллером, затем притчей с историческим и политическим подтекстом. В этом романе мы имеем дело с сопряжением множества детерриторизованных потоков.

Принцип картографии и декалькомании. Репрезентация неизменно становилась одним из главных объектов критики постструктурализма. Возможно было бы даже предположить, что все прочие атрибуты метафизической рациональности, проблематизируемые в постструктурализме, непосредственным образом проистекают из проблемы репрезентации, сопряжены с ней или являются ее симптомами. И речь здесь идет, например, о платонической репрезентации единых

идей во многих видимостях, лингвистической репрезентации означаемого в означающем или о репрезентации модели в продукте.

Ризома, напротив, «не ответственна ни за структурную, ни за порождающую модель. Ей чужда любая идея генетической оси как глубинной структуры» [Делез, Гваттари, 2010, с. 20–21], ведь по этой оси воспроизводятся продукты, которые стремятся – и этому стремлению ризома всячески себя противопоставляет – быть в той или иной мере идентичными модели, иными словами, они желают ее калькировать. Стихотворение, следующее правилам рифмы, строфы и размера, желает калькировать поэзию как глубинную структуру. В этом, пишут Делез и Гваттари, и заключается логика дерева – «в калькировании чего угодно, что дано нам уже готовым... Дерево артикулирует и иерархизирует кальки» [Там же, с. 21]. Проблематично здесь то, что калька, очевидно, неспособна создавать иное, ведь в своем обсессивном желании воспроизводить исходную модель как канон или идеал она вязнет в повторении без различия, в повторении тождества и, уничтожая множественности, низводит весь ризоматический потенциал текста до корней.

Именно поэтому Делез и Гваттари призывают рисовать карту, а не срисовывать кальку: «Если карта противопоставлена кальке, то потому, что она полностью развернута в сторону эксперимента, связанного с реальным... Она способствует соединению полей, разблокированию тел без органов, их максимальному раскрытию на плане консистенции» [Там же]. Иными словами, если трактовать «план консистенции» как совокупность всех возможных в данном контексте множеств серий означаемых и означающих, то именно метод картографии позволяет нам писать текст как ризому на теле без органов, т. е. в пространстве без фиксированных и предзаданных идентичностей, таких как мотив, архетип и т. д. Карта, в отличие от кальки, не требует соединять свои части и элементы по траекториям готовых схем, она желает быть разорванной и склеенной в ходе эксперимента. Таким образом, картографирование, в теории, создает ризому или ее часть.

Впрочем, держа в уме все вышесказанное, можно было бы возразить, что субъект в своем опыте практически никогда не имеет дело ни с чем сравнимым с ризомой по степени хаотичности, по характеру непрекращающегося и нестабильного становления, и ризома якобы, сама будучи сугубо абстрактным конструктом, подходит лишь для интерпретации других совершенно оторванных от реальности абстрактных конструктов, а объекты и системы в действительности гораздо более постоянны, упорядочены, логичны и гармоничны, чем нам внушают Делез и Гваттари. Однако здесь уже сами авторы, кажется, парировали бы, сказав, что все эти качества – постоянство, порядок, логичность и т. д. – возникают лишь как иллюзии на поверхностях ризоматических *плато*.

Ризома внутри себя переживает моменты «странной интенсивной стабилизации» таким образом, что наблюдателю может показаться, будто нечто, являющееся ризомой, внешне состоит лишь из таких стабилизаций, но в действительности подобные внешние стабилизации, или плато, в ризоме скрывают внутренние метаморфозы, разрывы и т. д. Делез и Гваттари пишут: «Мы называем “плато” любое множество, соединимое с другими посредством близких к поверхности подземных стеблей так, чтобы формировать и распространять ризому» [Там же, с. 39]. В литературе плато действует, с одной стороны, как представленное читателю

поле эксплицитных означающих на поверхности текста, под которыми скрывается виртуальное поле означающих, некоторые из которых читатель актуализирует для производства смысла. Каждое отдельное плато действует, с другой стороны, как мизансцена, как набор персонажей, действий и смыслов. Иными словами, плато – это некое настоящее время текста, некое присутствие текста, пусть и мнимое, данное читателю на мгновение в форме некоего неизбежно промежуточного представления о том, во что данный текст собирается, где он сейчас территориализуется; это присутствие, данное читателю на мгновение, чтобы тут же в хаотичном потоке ускользания пересобраться из комбинаций линий произведенных и производящихся смыслов; плато есть, вероятно, само условие возникновения и фиксации смысла.

Здесь мы переходим к другой области применения ризомы: она, будучи практическим механизмом означивания бытия и текста, является и особым инструментом понимания производства субъективности или сознания как такового. Следовательно, можно предположить, что ризома также поможет нам описать процесс субъективации читателя.

История мысли, как нам представляется, во многом состоит из попыток подчинить работу сознания некоей упорядоченной организации. По Делезу и Гваттари, такие попытки, воплощающие фигуру дерева или корня, «инспирируют печальный образ мысли, не перестающий имитировать множественное, начиная с высшего единства, центра или сегмента» [Там же, с. 28]. Критике здесь подвергается эта «имитация множественного», которая в действительности остается лишь воспроизведением ограниченного количества инвариантов. Проблема здесь заключается в том, что субъект в своем становлении ограничен неким рядом схем, в одну из которых ему лишь остается «интегрироваться» как «в заданное место», эта схема «всегда-уже» заранее означена, она принадлежит кому-то, помимо самого субъекта.

Ризома же, вероятно, открывает путь – и мы здесь включим референс к Макс Штирнеру – к «принадлежности себя» для «единственного» [Штирнер, 2019], что обеспечивается такими свойствами ризомы, как картография, линии ускользания, детерриторизация и т.д. Ризома в свете всех свойственных ей принципов становится способом экспериментального конструирования тех инстанций, что называются субъектом, индивидом, сознанием.

Нам здесь, разумеется, не следует в строгом смысле говорить о читателе как субъекте и о книге как объекте. Скорее, читатель как ризома детерриторизирует книгу как ризому, т.е. пересобирает ее в новом контексте, позволяет ей по линиям ускользания выйти к другим книгам и сформировать новую конструкцию смысла. Есть и другой вариант / параллельный процесс (повторим, что древовидные и ризоматические тенденции сосуществуют и обитают друг в друге) – читатель ретерриторизирует книгу, т.е. привязывает ее к репрессивным традиционным сценариям интерпретации. Но и книга как ризома в акте экспериментации с сознанием читателя как ризомой детерриторизирует и ретерриторизирует его схожим образом.

Как можно заключить, концепт ризомы открывает нам новую точку зрения на процесс становления и снабжает нас дискурсивым и логическим инструмента-

рием для пролиферирующей интерпретации или экспериментации как в области онтологии, так и в области литературной текстуальности. Пожалуй, всякий текст возможно прочесть как ризому, хотя, безусловно, некоторые тексты в большей степени предрасположены к ризоматическому прочтению – прочтению, которое подрывает властные отношения в тексте, прочтению, которое открыто свободе, хаосу и множественности.

И «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», несомненно, является одним из таких текстов, ведь в нем все разрывается и стыкуется в неожиданных местах: автор и персонаж, журналист и писатель, адвокат и потребитель наркотиков, репортаж и наркотический трип. Томпсон не занимается калькированием, не подчиняется общим законам драматургии – в его романе сложно обнаружить нечто соответствующее структурам завязки, развития действия, развязки. Вместо этого он прочерчивает карту, будто конструирует некую череду событий-плато, с любопытством экспериментатора наблюдая, какие разрывы, линии ускользания, сборки эти события-плато произведут.

Список литературы

- Ажимов Ф. Е.** Метафизические проблемы взаимоотношения философии и литературы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 56–62.
- Делез Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.** Введение: Ризома // Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 6–45.
- Делез Ж., Гваттари Ф.** Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 112 с.
- Томпсон Х.** Страх и отвращение в Лас-Вегасе / Пер. с англ. А. Керви. М.: АСТ, 2022. 318 с.
- Штирнер М.** Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2019. 464 с.
- Bogue R.** Deleuze and literature // The Cambridge Companion to Deleuze / Eds. by D. Smith, H. Somers-Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 286–306.

References

- Azhimov F. E.** Metaphysical problems of the relationship between philosophy and literature // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2010. No. 3. P. 56–62. (in Russian)
- Bogue R.** Deleuze and literature // The Cambridge Companion to Deleuze / Eds. by D. Smith, H. Somers-Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 286–306.
- Deleuze G., Guattari F.** Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoria, 2008. 672 p. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F.** Introduction: Rhizome // A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. P. 6–45. (in Russian)

- Deleuze G., Guattari F.** Kafka: for small literature. Moscow: Institute for General Humanitarian Studies, 2015. 112 p. (in Russian)
- Stirner M.** The only and his property. Moscow: RIPOL Classic, 2019. 464 p. (in Russian)
- Thompson H.** Fear and loathing in Las Vegas / A. Kervi (Transl.). Moscow: AST, 2022. 318 p. (in Russian)

Информация об авторе

Смоляк Алексей Владимирович

ассистент департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета

Information about the author

Alexey V. Smolyak

Assistant of the Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University

*Статья поступила в редколлегию 10.04.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024
The article was submitted 10.04.2024;
approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024*

Научная статья

УДК 101.1 + 141.319.8:159.964.2

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-28-45

Антропология versus философия: вопрос о концептуализации психоаналитических идей

Иван Сергеевич Кудряшов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

i.kudriashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Аннотация

Статья предлагает критическое переосмысление устоявшегося в отечественной философской литературе представления об идеях психоанализа. Выделение психоаналитических концепций и необходимость их рассмотрения в истории философии XX века, а также в других учебных курсах привели к созданию ничем не обоснованного теоретического конструкта – «философии психоанализа». На фоне целого ряда проблем такого типа концептуализации мы предлагаем конкретизировать область взаимодействия философии и психоанализа до серии антропологических вопросов, которые имеют следствия для культурологической, этической и социально-философской проблематики, но уже в переработанном виде, не имеющем прямой связи с теорией и практикой современного психоанализа. Подобное уточнение, как показано в статье, позволяет более адекватно и корректно (без вольностей поверхностного и философски ангажированного перевода) представить оригинальность психоаналитических идей. Такой подход ставит нас перед вопросом, как именно современная психоаналитическая мысль может быть использована в качестве методологии в философско-антропологических исследованиях.

Ключевые слова

психоанализ, философия психоанализа, антропология психоанализа, философская антропология, желание, философия психологии, метапсихология

Для цитирования

Кудряшов И. С. Антропология versus философия: вопрос о концептуализации психоаналитических идей // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 28–45. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-28-45

© Кудряшов И. С., 2024

Anthropology versus philosophy: conceptualization of ideas of psychoanalysis

Ivan S. Kudryashov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

i.kudryashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Abstract

This article offers a critical rethinking of the view on ideas of psychoanalysis that have been established in Russian philosophical texts. The need to consider psychoanalytic concepts in the history of philosophy of the twentieth century, as well as in other educational courses, led to the creation of an unsubstantiated theoretical construct – «the philosophy of psychoanalysis». Against the backdrop of a number of problems of this type of conceptualization, we propose to concretize the area of interaction between philosophy and psychoanalysis to a series of anthropological questions that have consequences for cultural, ethical and socio-philosophical issues, but in a revised form that does not have a direct connection with the theory and practice of contemporary psychoanalysis. Such a clarification, as shown in the article, allows us to more adequately and correctly (without the inaccuracies of a superficial and philosophically biased translation) present the originality of psychoanalytic ideas. This approach confronts us with the question of how exactly contemporary psychoanalytic thought can be used as a methodology in philosophical and anthropological research.

Keywords

psychoanalysis, philosophy of psychoanalysis, anthropology of psychoanalysis, philosophical anthropology, desire, philosophy of psychology, meta-psychology

For citation

Kudryashov I. S. Anthropology versus philosophy: conceptualization of ideas of psychoanalysis. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 28–45 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-28-45

Значительное влияние психоанализа и на философию, и в целом на культуру XX–XXI вв., – как в лице Зигмунда Фрейда, так и в лице его крупных «продолжателей» и «отступников» – столь очевидно, что немногие учебники, методические пособия и словари готовы игнорировать и само направление, и отдельные его персоналии¹. Конечно, содержание идей психоанализа, равно как и оценка его влияния на мысль и общество, остаются предметом дебатов, однако само существование дебатов – одна из важных причин, почему в рамках «истории философии» и других курсов (в том числе по вопросам философии языка и культуры, по этике, эстетике и антропологии) существует настойчивая необходимость корректного и качественного изложения психоаналитических идей. В противном

¹ Среди наиболее цитируемых в философских статьях персоналий «продолжателей» можно выделить Жака Лакана, Эриха Фромма, Карен Хорни, Шандора Ференци, иногда фрейдистом называют и Славоя Жижека. «Отступниками» в психоаналитической историографии принято называть теоретиков, которые, оттолкнувшись от учения Фрейда, создали самостоятельные учения. Наиболее актуальны для философских исследований такие авторы как Альфред Адлер, Карл-Густав Юнг, Вильгельм Райх и Фредерик Перлз.

случае все споры с Фрейдом и его последователями у одних философов окажутся столь же неясными, как и ссылки на заимствования у других ².

Решая задачу представления психоаналитических идей в учебной и философской литературе, отечественные авторы пошли на довольно спорный шаг: была изобретена рубрика «философия психоанализа», в которой в очень специфической манере излагаются идеи Зигмунда Фрейда и Карла-Густава Юнга, а иногда и других авторов ³. Само подобное словосочетание «философия/философские идеи психоанализа» мало того что никем толком не обосновывалось, так ещё и вызывает обоснованную критику со стороны как философов, так и психоаналитиков. Как и на каких основаниях можно считать существующей «философию отдельной психотерапевтической практики»?

Наиболее существенное противоречие подобной репрезентации психоанализа состоит в том, что в отличие от разного рода учений, которые пусть и не всегда в системном и непротиворечивом виде, но могут быть приведены к имплицитным философским высказываниям ⁴, психоанализ сам способен к сложной концептуализации своих учений, которая производится несколько иным способом, чем это принято в философии и науке. Психоаналитики строят свои теории, тщательно поддерживая своё отличие от философских концепций, в том числе широко используя критику философского знания как такового. Ведь и Фрейд, и его известные последователи (Лакан, Перлз и др.) отчётливо отличали себя от философии, критикуя последнюю по разным основаниям (от непонимания сути бессознательного до обслуживания невротических симптомов) ⁵.

Столь противоречивое представление ставит нас перед двумя наиболее разумными вариантами решения: либо термин «философия психоанализа» должен быть заново переосмыслен и затем переопределён на философских основаниях, либо от данного термина следует отказаться, заменив его другим, более обоснованным с обеих позиций (и философской, и психоаналитической). В данной статье мы покажем, что целый ряд проблем устоявшейся формы репрезентации психоанализа не имеет разрешения, и поэтому будет предложена другая форма концептуализации через «антропологию».

Предварительные замечания

Взглянем на возможные критические замечания о «философии психоанализа» более детально. Существует ряд философов, которые критикуют соседство

² Например, сложно себе представить изучение Франкфуртской школы или постструктурализма без качественного представления у студентов о том, что заимствовали и как интерпретировали представители этого направления Фрейда или Лакана.

³ В последние десять лет авторы российских учебников отходят от этой формулировки, заменяя её соображениями о том, что психоанализ – синтез психологических и философских идей. Однако во вступительных билетах многих вузов так и остается вопрос с формулировкой «философия/философские идеи Фрейда/психоанализа».

⁴ Например, в таком формате историко-философские тексты обращаются с некоторыми писателями, что и позволяет говорить о «философии Льва Толстого», «философии Федора Михайловича Достоевского», «философских идеях Марселя Пруста» и др.

⁵ Некоторым исключением из этого ряда можно считать Альфреда Адлера, который открыто опирался на идеи Фридриха Ницше и симпатизировал идее сближения своего учения с философией.

этих терминов, просто потому что их раздражают или ценностно не устраивают отдельные положения психоанализа, но мы не станем опираться на подобную критику. И хотя носителей подобного мнения много, проблема с их критикой в том, что она не отдаёт себе отчёта в собственной ангажированности.

Более разумно опереться на какое-то определение философии: так мы обнаружим, что психоанализ как сложное сочетание теории и практики с трудом уместается в эти рамки. Например, понимая философию как «рефлексивную мета-мировоззренческую теорию» [Горан, 2007], мы обнаружим, что психоанализ не выражает конкретного единого мировоззрения, претендующего на универсализм познающего субъекта и объективной истины о мире. Психоаналитическая теория и практика служат специфической формой проявления и работы личных мировоззрений анализируемых субъектов. Будь у аналитика какое-то общее «психоаналитическое мировоззрение», оно бы проявлялось в рекомендациях, советах, оценках, ведь по аналогии с наукой оно представлялось бы более близким к универсальной истине. Но психоаналитик так не поступает, именно эти формы реакции (оценка, совет и др.) вынесены за рамки аналитического опыта: благодаря личному анализу психоаналитик обучается не привносить свою личность в коммуникацию с анализантом. Психоанализ вообще никак не комментирует устройство мира, поэтому его невозможно однозначно располагать в онтологических координатах (например, таких как идеализм-материализм, монизм-плюрализм и т. п.), зато его участие в дискуссии о человеческой сущности довольно заметно. Однако это целая серия гипотез и теорий, которые выстроены путём особой рефлексии, избегающей идеализации или сведения какого-либо из психоаналитических утверждений к норме/сущности человека.

Если понимать философию как «творение концептов» [Делёз, Гваттари, 1998] или как интеллектуальное творчество, направленное на создание определённых программ мышления (наборы предписаний и практик, которые создают когнитивные карты и сети для описания реальности)⁶, то психоанализ окажется своеобразной формой теоретизирующих инструкций без онтологии. Психоанализ создаёт свои концепты, но не для схватывания мира, а для клинических (практически осуществляемых в речи) разграничений. Психоанализ как метапсихология картирует не реальность, а зоны взаимодействия с субъективной психической реальностью человека, и поэтому он больше похож не на философию вообще (с классической троичной структурой, идущей от стоиков, разделяющей философию на онтологию, теорию познания и этику), а на этику в её наиболее практическом воплощении или на философскую антропологию, понятую как теоретизацию вокруг проблем и лакун знания о человеке.

Для сравнения отметим, что существует хорошо обоснованная концептуализация в области философии науки: помимо базовых вопросов науки в целом авторы выделяют «философию биологии», «философию математики» и т. п. На подобной аналогии существует ряд статей, предлагающих узаконить исследование оснований психологии как «философию психологии». Нельзя ли включить сюда

⁶ См., например: Negarestani R. What is philosophy? Part One: Axioms and Programs // e-flux Journal, November 2015, issue 67. [Электронный ресурс] URL: <https://www.e-flux.com/journal/67/60702/what-is-philosophy-part-one-axioms-and-programs/> (дата обращения: 16.05.2024)

психоанализ или подобным же образом создать для него свой метанаучный кластер исследования? Так, В. А. Мазиллов, разрабатывающий идею «философии психологии», отмечает, что данное понятие необходимо для решения как минимум двух задач. Во-первых, чтобы отделить её от «философской психологии» как исторического этапа развития психологии до своего появления в качестве отдельной науки. Во-вторых, чтобы вписать «философию психологии» в единое пространство психологии как её верхний уровень, занимающийся методологическими вопросами психологии (см.: [Мазиллов, 2019]).

Ничто подобное к психоанализу не приложимо. Психоанализ не отделяет разработку методологии от вопросов теории и этики, а в отношении своей истории занимает довольно скромную позицию (психоанализ возник в работах Фрейда и несмотря на сходство с рядом более ранних идей не нуждается ни в самоудревлении, ни в обосновании авторитетом прежних мыслителей). Психоанализ не является наукой, это уже метапсихологическая теория, поэтому психоанализ можно назвать конкурирующим проектом по отношению и к «философской психологии», и к «философии психологии» (если бы она занималась не только методологией, но и этикой). Собственно, здесь, на наш взгляд, и нужно поставить вопрос о том, если взаимодействие с психоанализом столь затруднено, то где оно всё-таки уже происходило в активной форме.

Ряд философов XX–XXI вв. с большим интересом исследовали вопрос о возможности дискурса общего для философии и психоанализа, а также для науки, искусства и политики. Наиболее удачными стоит признать решения, в которых преобладают диалектический и региональный подходы, т.е. допускается одновременное существование разных оптик взгляда на одни и те же реалии, что ведёт к выводу о возможности обмена мнениями между разными типами знания, но недопустимости теоретического фантазма о редукции одного дискурса к другому. Подобные варианты мы находим у Алена Бадью, Кодзина Каратани и Славоя Жижека (см. подробнее: [Тупинамба, 2024, с. 54–57]). Жижек и Каратани используют идею «параллакса мышления», при котором ясное представление о какой-либо самостоятельной области возможно только через опосредование (обычно исключенного) элемента. Каратани использует в «Транскритике» логику вычитания: по его мысли, кантовские сферы человеческого духа становятся только через абстракцию остальных – чтобы увидеть науку, необходимо приостановить все вопросы из области этики и эстетики (аналогично с другими областями) [Karatani, 2003]. Жижек, напротив, задействует логику сложения, в его «боромеевой»⁷ логике психоанализ, политика и философия создают нестабильное взаимодействие, которое проявляется, только если мы используем один из элементов для стабилизации отношения двух других. В этом смысле прояснить в истинном свете отношения психоанализа и философии можно, только обратив внимание на сходства/различия их политических импликаций и институциональных структур.

В данной работе мы склонны опереться на подход Бадью, который утверждает в своей концепции События, что психоанализ, политика, искусство и наука

⁷ По названию «боромеева узла» – лакановского понятия, служащего иллюстрацией сочленения регистров Реального–Воображаемого–Символического.

не сводимы друг к другу, так как у каждой сферы своя «родовая процедура», она же «процедура истины» (см.: [Бадью, Тарби, 2013]). Психопроанализ делает ставку на существование субъективной истины как истины устройства собственного бессознательного, и не имеет дела (что не равно «не признаёт») с истиной универсальной, имеющей место в науке и классической философии. Философия с точки зрения Бадью не может и не должна быть арбитром (судящим об истинности их суждений), но она способна творчески систематизировать общий горизонт мыслимого в этих сферах в рамках отдельного исторического периода. На наш взгляд, антропология, особенно в её современном звучании, в котором тесно взаимодействуют философское и научное знание, – наилучший кандидат на роль теоретического систематизатора, критично осмысливающего, но в то же время уважающего специфику «иного типа знания».

Ситуация со стороны психоаналитиков выглядит несколько иначе. Как уже отмечалось, Фрейд и его ученики критиковали философию, даже обвиняли само устройство философского знания в усилении невротизации. Парадоксальное место занимает Лакан и его учение: он много опирался на философию (список его цитирований и обращений огромен: Платон, Аристотель, Августин и другие теологи, Спиноза, Бентам, Кьеркегор, Кант, Гегель и Кожев, Пирс, Фреге, Витгенштейн, Хайдеггер и мн. др.), подталкивал своих учеников изучать их тексты, но вместе с тем регулярно подчёркивал, что философы говорят о своём (не фрейденом) бессознательном. Его анализ структур философского знания и университетского дискурса сформировал у целого ряда лакановских аналитиков нечто вроде дистанции и даже высокомерия по отношению к привычным процедурам философского мышления. Хотя Лакан не утверждал ничего подобного, среди его последователей часто встречается сведение философии до тщетных попыток отдельного субъекта избежать разрывов в знании, залатать их логическими аргументами. На этом фоне ещё более странно то, что лакановские психоаналитические структуры с большой готовностью приглашают на свои мероприятия философов, но главным образом интересующихся учением Лакана. Как замечает Габриэль Тупинамба, особенно противоречиво выглядит тот факт, что психоаналитики предпочитают «иметь дело с «философией искусства, философией науки, философией политики, а не с самими этими процедурами» [Тупинамба, 2024. с. 64].

Таким образом, если философия при определённой скромности притязаний и отказе от редукции способна выстроить некоторое смежное знание (что-то вроде философского комментария на полях корректного пересказа психоаналитических концепций), то психоаналитики, особенно лакановского толка, склонны к отвержению академического (университетского) дискурса, хотя признают и поддерживают подлинный интерес философов к психоаналитическому учению. Эта асимметрия, на наш взгляд, и оказывается причиной фундаментальной невозможности «философии психоанализа», потому что у неё нет «естественного носителя» ни внутри, ни вне университета. В то же время области этики и шире антропологии не сталкиваются с подобной проблемой, если обнаруживается живой интерес и желание обмена идеями и методами между специалистами, объе-

диненными темой «человека желающего, действующего, мыслящего и говорящего»⁸.

Сближение психоанализа и антропологии (не только философской, но и научной) происходит, несмотря на скептиков с обеих сторон. Небольшая доля культурных антропологов ссылается на Фрейда и психоанализ для расширенных интерпретаций материала, да и часто это Фрейд в кавычках (речь идёт не о знании его идей, а о теоретической легитимации прямолинейных указаний на сексуальный подтекст). Психоаналитики нередко занимают консервативную позицию в отношении научных фактов: им важнее отстоять состоятельность своей теории, чем изменить её в свете новых знаний о человеке и сообществах. И это совсем не в духе Фрейда, который подробно проштудировал ключевые работы современной ему антропологии (прежде всего английскую школу – Льюиса Генри Моргана, Эдварда Тайлора, Джеймса Фрейзера) и многие свои гипотезы стремился согласовать с существующей наукой. И хотя во многих аспектах на сегодняшний день две эти сферы знания далеки друг от друга, несложно обнаружить как минимум три точки схождения.

Первая и наиболее важная точка схождения состоит в том, что антропология и психоанализ структурно похожи во взгляде на человека. Для антропологии значимое место играет идея показать человека как существо сложное, многомерное, обнаруживаемое на пересечении (тело/душа, культура/природа и т.д.). Выделение в теории одного фактора/ракурса с вытеснением других резко снижает значимость такой теории в антропологии. Однако и в психоанализе аналогично: необходимо разбираться с речью и телом, с прошлым и настоящим, с природой и историей/биографией, со скрытой логикой и данностью симптомов и влечений. Психоанализ в ходе своего развития был вынужден противостоять как биологизации учения, так и излишнему сращению с гуманитарно-герменевтическими исследованиями. Даже на уровне клиники психоаналитик знает, что человек, который приходит в кабинет, не только несёт в себе всё то, что как-то уже укомпановал дискурс, но и всегда что-то осталось вытеснено и превратилось в проблему.

Вторая точка схождения заключается в том, что генетически психоанализ тесно связан с антропологическими исследованиями примитивного и магического мышления. Эта точка встречи называется «теории регресса», которые не без взаимного влияния возникали в антропологии и психоанализе XX века. Психоаналитики считают антропологические теории о мифах и древних сообществах полезным материалом, равно как и знания о разных культурно-языковых картинах мира. В свою очередь, в антропологии после 70–80-х гг. XX века наметилась целая серия теоретико-методологических заимствований из структурного психоанализа, призванных помочь иначе говорить о соотношении субъекта, его желания и социальности. В какой-то степени европейцы учились описывать особенности детской психики и кризисных состояний взрослого мышления через сведения о тотемизме, магическом мышлении и ритуалах незападных народов, объявленных с лёгкой руки Жан-Жака Руссо (а затем и романтизма, и позитивизма)

⁸ Стоит оговориться, что этика здесь понимается не как классическая «философия морали» или «учение о благе», а как теоретико-практическое учение о поступке, «практическая философия», изучающая границы и элементы человеческого поступка и праксиса.

«детством человечества». Однако важно то, что после прихода психоанализа антропология смогла преодолеть часть своих мифов, его знания позволяют скорректировать имплицитные предпосылки теорий, сохранивших в себе эти реликты ранней фазы антропологических исследований. Современный взгляд на многие этнографические явления больше не строится на суждениях о примитивности. Примитивной – и в кабинете психоаналитика, и в модели антрополога – может быть лишь интерпретация. Способность противостоять идее примитивности важна там, где психоаналитик движется от «покрывающих» интерпретаций бессознательного (которые частенько задействуют словечко «просто»: просто сказал, просто сделал и т. д.) к высвечивающим выбор и даже достоинство субъекта.

Третья точка схождения пока является скорее одной из неиспользованных возможностей, хотя существуют примеры и её реализации. Суть в том, что психоаналитик может быть рассмотрен как антрополог «в поле», добывающий и приносящий материал для осмысления. Как отмечает Томас Хилланд Эриксен, для антропологов становится привычной необходимость работать в сложных условиях, требующих долгого и глубокого взаимодействия с информантами (см.: [Эриксен, 2014]). На этом фоне у психоаналитика огромное преимущество по сравнению с привычными форматами (вроде опроса, интервью или включенного наблюдения): к нему «информант» приходит сам, да ещё и с крайней заинтересованностью рассказать о своих проблемах и мнениях. Уникальное знание психоаналитика о том, что вытесняют, как в фантазиях или проблемах отношений выражают люди свою связь с обществом и господствующим дискурсом, оказывается и более точным по сравнению с разного рода социологией, в которой опрошенные редко заинтересованы говорить правду (к тому же хорошо известно, что говорить правду и думать, что говоришь правду – это порой ощутимо разные вещи). Конечно, для этого у психоаналитика должен быть интерес антрополога, некоторый вкус к обоснованным обобщениям. Но если таковой есть, то по сути он уже антрополог, который взаимодействует со сложной и разнообразной человеческой натурой.

Пять антропологических постулатов психоанализа

Как и многие мыслители от Античности до современных, Фрейд и Лакан интересовались не только частностями, но прежде всего фундаментальными вопросами о том, кто такой человек и какова его судьба. Психоаналитический дискурс если и избегает слова «человек», то не потому, что его интересует лишь узкий план психики (бессознательное), а чтобы избежать ненужных спекуляций и нормативного дискурса. Психоаналитическая концепция человека формулируется в сложном взаимодействии между философскими идеями и собственными (психоаналитическими) интуициями и понятиями, не имеющими точных аналогов в философском дискурсе. В качестве резюме мы предлагаем выделить пять ключевых идей, которые доступны реконструкции и соотношению с философскими антропологическими концепциями. В философском ключе их можно было бы называть постулатами, хотя на деле это скорее пять ракурсов во взгляде на человека, которые, на наш взгляд, можно назвать прологом к антропологии психоанализа.

Ракурс первый: человек – это существо с бессознательным. Для психоанализа гипотеза о бессознательном – фундаментальное допущение. Речь идёт именно о психоаналитическом, «фрейденом» бессознательном, которое нельзя уравнивать с хорошо знакомыми философии подсознанием, иррациональным истоком, неосознанным содержанием или органическими автоматизмами. Это бессознательное, заявляющее о себе в поступках и речи, указывает на существование другой логики, сложных сцепок внутренних закономерностей, влияющих на человека. Здесь принципиально важно пользоваться аккуратными формулировками – человек, обладающий бессознательным, но ни в коем случае не раб бессознательно-го или (по большей части) бессознательное существо. Психоанализ не занимается оценкой сил и приоритетов в психике, он использует бессознательное как эвристическое основание для работы с теми аспектами жизни, которые без него остались бы необъяснимым повторениями, ничего не говорящими нам. Идея беспричинных событий в психике вызывает резонную критику у Фрейда: так мы лишь поддерживаем искусственный запрет на исследование самих себя.

Допущение бессознательного – не описание сущности человека (такой скачок мысли обычно делают философы), это способ организовать и поддержать определённую этику в отношении субъектов. Бессознательное предполагается в силу того, что только так его можно услышать, дать ему место. Представление о том, что человек – это только его сознательная часть, легко превращается в подавляющее и даже унижающее требование. Возможность помыслить свои неразумные симптомы и несогласованные с общим благом удовольствия как проявления другой, властной, но всё-таки не сознающей себя части психики – избавляет человека и от утверждения злонамеренности его природы, и от обесценивания его сознательной жизни.

Быть существом с бессознательным означает прежде всего иметь психику, отзывчивую к воздействиям среды. Вместе с тем это ведёт к признанию, что чтобы быть (существовать, адаптируясь и реагируя), не обязательно знать это бытие. Язык, культура, влияние родителей, воспитателей и деталей биографии делают вопрос изучения человека очень сложным. Мы не помним в точности ранний период жизни, а потому не можем самосознанием и самоанализом реконструировать всё, что повлияло. Адаптирующаяся к условиям живая психика открывает множество путей к тому, как именно мы научаемся согласовывать телесные и психические побуждения с внешними условиями. Поэтому для конкретных личностей одни и те же вещи могут представать в разном свете, что доказывает и обыденный опыт, обнаруживающий отличия даже у схожих людей, живших в одинаковой среде.

«Человек с бессознательным» как антропологический принцип позволяет увидеть в человеке внутренний конфликт и многозначность, допускать, что вопреки эволюционным механизмам и здравому смыслу отдельные люди и целые сообщества могут быть захвачены сильными страстями и иллюзиями, порой настойчиво противоречащими самосохранению или приспособлению к внешним условиям. В психоанализе человек по умолчанию – существо, склонное к вытеснению и активно им пользующееся. Отсюда способность игнорировать, забывать или не брать в расчёт даже крайне важные вещи, в том числе касающиеся

здоровья, карьеры, социального положения. Модели человека, предполагающие только рациональные мотивы, давно изжили себя, а само наличие не только девиантного, но и инертного, повторяющегося поведения – важный пункт при взгляде на антропологическую реальность. Любая антропология, принимающая подобный взгляд на человека, нуждается не только в объяснении изменений, но также способна к проблематизации повторения – для неё то, что повторяется в культуре и обществе, также нуждается в объяснении через укоренённость в тех или иных бессознательных структурах.

Ракурс второй: человек – существо желающее (несводимое к потребностям). Желание – столь же фундаментальное понятие для психоанализа, сколь и бессознательное. Антропологическая модель психоанализа строится на том, что не существует человеческого опыта, который бы не был связан с вопросом желания. Желание – то, что направляет человека в череде разных индивидуальных и социальных феноменов: от вины до морали, от чувств до мыслей и решений, от интуиций до ценностных выборов. Без допущения желания реальность человеческих действий превращается в запутанный клубок слабых или слишком сложных объяснений, да и само понятие личности оказывается непонятной конструкцией.

Понятие «желание» позволяет психоаналитикам и антропологам снизить оценочный фактор в своих суждениях: выбирает человек сознательно или стихийно, отказывается выбирать или даже не знает о возможности выбора, выбирает самопознание и ответственность за свою жизнь или незнание и бегство – всё это модусы желания, которые необходимо увидеть в их таковости. Расшифровка желания, понимание себя как желающего существа в мире – важная часть самопознания с точки зрения психоанализа. Настолько важная, что даже лечение считается скорее эффектом от самопознания, чем прямой, а тем более основной целью личного анализа.

Индивидуальное желание и его претворение в дискурсе объясняет устойчивость и развитие таких феноменов как искусство и творчество, наука и познание, воспитание и образование, традиции и новации в культуре. Все формы коммуникации, все элементы бытия-с-другими предполагают сложное отношение к конкретному желанию: в одних случаях это собственно продукты желания, в том числе поиска формы реализации для бессознательного желания, в других это требования и идентификации, которые стремятся желание остановить, поставить под контроль или проигнорировать. Не будет никаким преувеличением сказать, что абсолютно вся символическая и практическая деятельность человека обязана своим существованием желанию. Поэтому Лакан прямо считает, что человеческий мир «не является ни миром вещей, ни миром бытия. Он является миром желания как такового» [Лакан, 1999, с. 317].

Идея человека как желающего задаёт вектор к принятию комплексного и противоречивого характера антропологических реалий. Желания конкретны и уникальны, одновременно с этим желание подчиняется универсальному принципу метонимии – оно не привязано к объекту, способно скользить от одного объекта к другому. Наличие желания само по себе ничего не объясняет, так как наравне с ним могут существовать другие, в том числе прямо противоречащие первому

желания. Желание часто неуловимо, обладает множеством форм, в нём всегда содержится элемент эротизации, даже перверсии. Желание не только бессознательная реальность, в отношении с желанием всегда есть элемент выбора. Искажения на пути принятия своего желания чреваты самыми разными проявлениями девиаций и социально осуждаемых поступков. Человек желающий – это также человек поступка и проступка. Фрейд и Лакан отмечали, что желание существует на фоне запретов, а потому существует явная притягательность проступка, без которой невозможно правильно помыслить этическую перспективу существа с бессознательным.

Говоря о желании как о человеческой реальности, психоанализ даёт возможность выделить онтологический и диалогический ракурсы этого понятия. Онтологический ракурс задан выражением «желание – это отношение бытия к нехватке», а диалогический ракурс – формулой «желание субъекта заявляет о себе как желание Другого». Онтологический аспект желания позволяет продемонстрировать, что в отличие от реального бытия (где я равен себе, целостен) желающий субъект – это всегда дисбаланс, та самая нехватка, но также и порой избыток. Желать объект, требовать любви другого, искать признания – всё это модусы, указывающие на нехватку, на неспособность человеческого существа быть удовлетворённым только собой и только насущным моментом. Автономию я могу лишь воображать, но появление желания явно демонстрирует, что человек – это существо, которое не просто чувствует, что ему чего-то не хватает, но также способно занимать позицию со стороны, буквально смотреть на себя в связи с объектом, который (вероятно) закроет какую-то нехватку во мне. Диалогический аспект указывает на то, что вся человеческая реальность пронизана связью с другими и Другим. У Лакана желание – универсальная форма связи с миром Символического и с собственным бытием. Желание – условие бытия субъекта, а его мир – арена желаний. Поэтому истолкование и понимание желаний и их связи с другими элементами жизни человека – важно и в психоаналитическом лечении, и в изучении любых антропологических реалий.

Ракурс третий: человек – существо говорящее (но не знающий целиком, что на самом деле он говорит и почему). Осмысленная речь всегда числилась у философов одним из важнейших признаков человеческой природы, отличной от животных (наряду с разумом и орудийно-технической деятельностью), однако психоанализ привнёс совершенно иной взгляд. Не считая язык ни частью изначальной сущности людей, ни инструментом, который они вырабатывают, Фрейд и затем Лакан видят в говорении проявление структур, формирующихся в психике в ходе раннего развития и социализации. Для Фрейда необходимость говорить – прежде всего указание на «неполноту» человека, на вынужденную необходимость обратиться к другим. Речь – это обращение к другому с запросом, причём за всяким конкретным запросом всегда стоит требование любви, жажда признания. Речь фиксирует разрыв – непонимание, фрустрацию потребности, отсутствие значимого другого. Самые первые попытки ребёнка сказать «мама» начинаются только тогда, когда он заметил, что она уходит, не всегда в доступе.

Лакан добавляет ещё более радикальное заявление: люди говорят не чтобы коммуницировать с другими людьми, но для того чтобы поддержать (символическую) реальность себя и мира (например, в акте разговора с собой). Через слово мы утверждаем внутреннюю и внешнюю реальность и пытаемся справиться как с внутренними нехватками, так и с нескоординированностью меня и мира. Мир для нас – источник не только удовлетворения, но также разочарований и неудовольствий, а размещение себя в языке – способ справиться с этим, хотя бы немного компенсировать отсутствие словом. Язык не просто создаёт возможность речи и мысли, но буквально является тем самым агентом, который мыслит в человеке. Язык сказывается через субъекта, язык – основа всего человеческого, а не только вербальной части культуры.

Лакан тесно сближает два понятия: дискурс и социальная связь. По его мысли, это взаимозаменяемые термины, так как любая организация дискурса предполагает и ограниченное количество форм социальной связи, а всякая социальная связь затребует свой способ говорить (она не может оставаться немой, хотя и может «говорить» без слов, через вещи, жесты, говорящее молчание). Желание создаёт бытие-с-другим, в котором всегда есть что-то «проговариваемое», но при этом всегда не до конца. Сказать всё невозможно, потому что желание изменчиво, но также и потому, что далеко не вся реальность помещается в языке. Каждый человек с самого рождения входит в язык, причём конкретный – родной язык, язык, данный через речь окружающих, язык, в котором уже прописываются какие-то слова о бытии этого человека (от его имени до слов окружающих о том, какой он, на кого похож, что его ждёт в будущем). Язык оставляет след на живом теле, делая его телом с бессознательным.

Ракурс четвёртый: человек обнаруживает себя между смыслом и удовольствием. Фрейд установил сложное переплетение двух логик в бессознательном. С одной стороны, человек – это организм, который на уровне всех систем (в том числе психической) стремится к гомеостазу, к стабильности и оптимально низкому напряжению. Человеческое тело живёт в пространстве удовольствий и неудовольствий, используемых как ориентиры в адаптации к внешней среде. С другой стороны, человек – это говорящее, ориентированное смыслом существо, создаваемое культурой и языком через широкий круг практик инкультурации и социализации. Человек носит на себе смыслы, приписывает их миру и другим, посредством них организует свою деятельность в мире и коммуникацию с другими людьми. Смыслы меняются, но оставляют следы: прежние смыслы не забываются целиком и полностью, а формируют внутреннюю историю, некий пласт памяти, который может включаться в работу актуальных смыслов, в том числе помимо нашей воли (от коннотаций и культурных ассоциаций до проявления бессознательного в выборе слов, принятии решений, в оценке и интерпретации событий).

Концепция «бессознательного» – это попытка увидеть сложный объект, объединяющий логику механизма и логику смысла. Психоанализ обнаружил специфическое пространство, состоящее из смыслов, которые перестали быть смыслами и работают как причины (удовольствия/страдания) и внутренних причин, которые при генетическом рассмотрении оказываются некими смыслами. Вот почему только на первый взгляд психоанализ – это «лечение разговором», наце-

ленное на поиск смыслов и значений всего, что «я думаю» и «думается мною». Второй план и в каком-то смысле цель анализа – исследование причин личного удовольствия и страдания, которое способно открыть путь к изменению. Психоанализ вводит в теоретическое рассмотрение целый ряд различных феноменов, касающихся сферы удовольствия: удовольствие, удовлетворение, страдание, фрустрация, желание, влечение, наслаждение, прибавочное наслаждение, симптом.

Отметим: сфера смысла и сфера удовольствия рассматриваются через материал речи анализанта, а это речь неудовлетворённости, дискурс жалобы. Фрейд отмечал, что психоанализ открывает точки соприкосновения этих двух сфер жизни человека (которые обычно в культуре резко разводятся) благодаря отказу от морализаторства, оценочности и предрассудков. В любом человеке, исследуя его удовольствие, мы обнаруживаем элемент перверсии. Психоанализ не мыслит от «нормы», но он не занимается и патологизацией норм. Признавая элемент психопатологии в обыденной жизни, Фрейд не пытается объяснить людей через диагнозы, а указывает на то, что одни и те же страсти (и стоящие за ними психические механизмы) могут выступать и как дисфункция, и как устраивающие индивида и даже общество проявления жизни. Корень «патос» в слове «патология» в психоанализе отсылает не к «нарушению», а к феноменам страстей и страданий.

Принципиальный отказ от редукции человеческого бытия и попытка выстроить промежуточный уровень, уровень встречи смысла и удовольствия – важнейшие теоретические достижения психоанализа. Достижения, которые не смогли поддержать многие последующие течения в психологии и философии. Признающие бессознательное не-психоаналитические направления в итоге склоняются либо к поиску смысла (например, экзистенциальная терапия, логотерапия Франкла), либо к упрощению проблем до базовых потребностей или навыков, необходимых для саморегуляции (например, гештальт-терапия, когнитивно-поведенческая терапия и др.). Эти подходы способны помочь людям в некоторых вопросах, но порой их однозначность ведёт в тупик, создаёт теоретическую слепоту по отношению к антропологической реальности.

Антропология психоанализа предполагает сложную диалектику: смысл может обращаться и бессмыслицей, и страданием или удовольствием, а сложные связи внутренних требований, желаний и влечений способны направлять смысл. Это сложно, но учёным и философам для работы с антропологической реальностью полезно принять идею о том, что не всё, что кажется рациональным и обоснованным мышлением, является продуктом сознания, опирающегося на объективные факты или внутренние очевидности ума. Ценностные допущения, искажения смысла, лежащие в глубине биографии привязанности и ангажированности – всё это реалии мыслящего человека, которые оказывают влияние и на теоретическую продукцию, и на исследования. Психоанализ не предлагает отказа от идеалов объективности или интерсубъективной поддержки научного сообщества, но он указывает на то, что есть сферы, в которых мы не можем позволить себе чрезмерного идеализма научного знания о человеке. Конкретный субъект, говорящий и страдающий, – вот та реальность, которую всё ещё необходимо утверждать и поддерживать, чтобы получить к ней доступ.

Ракурс пятый: человек как уникальное и диалектическое бытие. Человек уникален в своём психическом строении, а само его бытие изменчиво, способно к развитию. Этот тезис в XX веке стал общим местом для огромного числа философских учений и направлений психотерапии. Допущение уникальности человека предполагает множество версий понимания этой уникальности. Психоанализ поддерживает идею наличия некоторой неповторимости в форме концепции сингулярности субъекта бессознательного. Сингулярность не предполагает ни врождённой особой сущности, ни идеала или эйдоса личности, ни даже уникальности личности в становлении. Ответ психоанализа на вопрос «чем мы отличаемся?» лежит в области психических структур: быть субъектом, непохожим на других – значит, быть сложной констелляцией различных элементов и связей, внешних влияний и их субъективной интерпретации. Иными словами, психоанализ не постулирует никакого истинного ядра личности или самобытной сущности, которые могли бы объяснить уникальность самосознания или поступков. Люди – это живые тела с историей, включённые в язык. Однако язык стремится к обобщениям и унификациям, поэтому истинным истоком сингулярности оказывается нечто более близкое к телу, а именно особая форма обращения с наслаждением (бессознательным наслаждением симптома, захватывающим и тело, и психику).

Понимание человека как существа, носящего в себе следы своей биографии, заставляет современный психоанализ тяготеть к диалектичности. Как и лучшие примеры философской диалектики, психоанализ использует противоречие и развитие в качестве как методологии (аналитическое вопрошание, отказ от вердиктности), так и теоретического объяснения (генетический принцип в понимании бессознательного, анализ детерминант и автоматизмов для поиска свободы и напротив свободная речь для выявления скрытых механизмов). Многие понятия психоанализа и логика их применения диалектичны по сути, ведь для него важна структура, а не феноменология (проявления одних и тех же структур могут обладать как сходствами, так и диаметрально противоположными отличиями). Диалектика для психоанализа – важный элемент, но освобождённый от догматики философских установлений. Так, в психоанализе не может быть строгого утверждения, что противоречие обязательно примиряется, снимается, ведёт к прогрессу или имеет чёткие рамки.

Диалектичность в антропологии психоанализа – не поиск закономерности, меры, тезисов и антитезисов или противоречия как единственного движителя развития. Его диалектичность вырастает из самой реальности речи, в которой есть движение и скольжение означающих, тесно сплетающиеся припоминание и фантазия, переоценка и переосмысление воспоминаний и слов, внутренние конфликты. Вместе с тем стоит отметить, что своеобразную диалектику создаёт не только речь, но и её взаимодействие с актом, с человеческими действиями (которые, как правило, касаются и уровня смысла, и уровня удовольствия).

Интерес психоанализа к акту напрямую отсылает к наиболее сложным попыткам философов работать с небинарным образом человека, в том числе к достижениям «философской антропологии» в узком смысле⁹. Антропологи отмеча-

⁹ Философского направления XX века, связанного с именами Арнольда Гелена, Хельмута Плеснера, Макса Шеллера и др.

ли, что попытки мыслить человека через отличие от животного или посредством теоретического акцента на одном типе черт – неудовлетворительны. Психопроанализ раньше, чем феноменологи, холисты и представители философской антропологии, отказался от упрощённых схем, построенных на разделении разума и чувства, человека и животного, тела и души, индивида и общества. Отстаивая идею об особых условиях человеческого бытия, психоанализ продемонстрировал пример нового понимания антропологической реальности.

Хельмут Плеснер также указывал на то, что «человеческая реальность» существует только благодаря деятельности, поддерживающей эту реальность как то, что порождает эффекты и следствия [Плеснер, 2004]. Для лакановского психоанализа индивидуальные акты – то, что подтверждает сингулярность субъекта и реальность желания. Лакан отказался от идеи «речевого акта», для него речь и акты существуют в разных регистрах, подчёркивая многомерность человеческой действительности. Примечательно и другое ненамеренное сходство психоанализа с антропологией Плеснера: последний предлагал идею «эксцентрической позициональности»¹⁰, а Лакан ввёл понятие «экстимности»¹¹. По его мысли, у субъекта не только нет ядра, но и его подлинная позиция состоит в том, что самые интимные моменты личного бессознательного оказываются не «внутри», а «вовне», в переживаемых как внешние инстанции – в Другом, в языке, в теле. Экстимность позволяет понять появление субъекта как такового: чтобы выделиться из диады (с матерью), нужно претерпеть операцию отчуждения, вынесения вовне, потери объекта. Поэтому субъект в психоанализе – это субъект желания, субъект речи и исторический субъект, каждый из которых связан с неполнотой, с неспособностью достичь полного тождества с самим собой. Экстимность – это, как отмечают психоаналитики, своего рода логическая функция. Центр не внутри меня, поэтому и невозможно тождество. А сама позиция субъекта «быть внутри и снаружи самого себя» позволяет помыслить диалектичность, буквально запустить её. Допущение об экстимности для психоаналитика означает представлять «да и нет», дать воплощение этому живому противоречию, подрывать точку уверенности, которая была достигнута в означаящих. Ведь невозможно что-то изменить в жизни отдельного человека, не придав гибкость и движение тем формам речи и мысли, которые у него уже устоялись (и которые привели его к болезненным симптомам).

Эти пять ракурсов требуют детализации, но уже на материале конкретных антропологических исследований или вопросов личного самопознания. Одним из примеров такой конкретизации мы считаем попытку исследования антропологических реалий современных алиментарных практик, в которой в качестве методологического ориентира были выбраны не только анализ социального смысла этих практик, но и психоаналитические понятия о желании и удовольствии (см.: [Кудряшов, 2021]). Также можно развивать их в качестве методологии, которая касается не только вопроса о человеке, но и многих других философских вопросов.

¹⁰ Плеснер писал: «Человек как живая вещь, поставленная в середину своего существования, знает эту середину, переживает её и потому преступает её» [Плеснер, 2004. с. 126].

¹¹ Экстимность – неологизм, объединяющий частицу ex- и слово intimacy (внутренний, интимный).

И, возвращаясь к вопросу о том, почему не «философия психоанализа», можно заметить, что под таким титром реконструкция идея психоанализа всегда будет тяготеть к поспешным оценкам (поискам онтологии там, где её нет) и к замкнутости на системном сопоставлении идей. Это может обернуться как излишней критикой (дескать, не автор не видит связи, а её нет, и, следовательно, учение бессистемно), так и проявлениями апофении, т. е. воображением связей там, где их никогда не было. Именно эти эффекты и вызывают недоумение со стороны психоаналитиков, слишком хорошо знающих бессознательные истоки и подобного критицизма, и разгула воображения.

Напротив, концентрация на концептуальных ориентирах вроде выделенных нами пяти антропологических ракурсов психоанализа позволяет выйти с этими идеями в общее поле дискуссий ученых и философов о человеке. Продумывая по-своему – не как психоаналитики, а как антропологи и философы, т. е. в рамках своих эвристик – все следствия, выводимые из антропологических постулатов, а также клинического и культурного материала, их подкрепляющего, мы получаем сразу три вектора развития. Во-первых, это позволяет создавать нам качественную критику антропологических теорий, которые противоречат «пяти ракурсам» или пренебрегают ими. Например, объяснения антропологических реалий (тех же алиментарных практик) на основе несогласной с психоанализом во многих положениях когнитивно-поведенческой психологии, которая несмотря на её собственные заявления далека от хорошей обоснованности. Во-вторых, это помогает формировать новые гипотезы для объяснения сложных явлений человеческой природы, в том числе очень неудобных для учёных тем, связанных с девиациями, нерациональными и странными формами поведения людей (в том числе в области сексуальности). И в-третьих, смещение ракурса на психоаналитическое понимание желания, речи и бессознательного также способно вдохновлять специалистов на необычные методологические решения или непривычные междисциплинарные связи. А последнее, пожалуй, одна из самых важных и сложных задач антропологии, ведь как для всякого растущего знания перед ней стоит дилемма – либо распасться на множество субдисциплин, не умеющих найти между собой общий язык, либо продолжать искать пути к синтезу разных идей и теорий о человеке. Кажется очевидным, что первый путь – это провал всего проекта антропологии, который нужно всеми силами не допустить. Именно для этого нам и нужна концептуализирующая рамка «антропологии психоанализа».

Список литературы

- Бадью А., Тарби Ф. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013.
- Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998.
- Кудряшов И. С. Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики // Сибирский философский журнал, 2021. № 19(4). С. 34–51.

- Лакан Ж.** Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: Логос, 1999.
- Мазиллов В. А.** Философия психологии: проблемы и перспективы // Философия и социальные науки в современном мире: Материалы Междунар. науч. конф. к XXX-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та (26–27 сентября 2019 г.) / Под ред. В.Ф. Гигина и др. Минск: БГУ, 2019. С. 224–229.
- Плеснер Х.** Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004.
- Тупинамба Г.** Желание психоанализа. Опыты лакановского мышления. М.: Рипол классик, 2024.
- Эриксен Т. Х.** Что такое антропология? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Karatani K.** Transcritique: On Kant and Marx / Transl. by Sabu Kosu. New-York: MIT Press, 2003.

References

- Badyu A., Tarbi F.** Philosophy and Event. Talks with brief introduction to Alen Badiou's philosophy. Moscow: Institute of Humanitarian Researches, 2013. (in Russian)
- Delez Zh., Gvatari F.** What is the philosophy? Saint-Petersburg: Aleteya, 1998.
- Eriksen T. H.** What is the anthropology? Moscow: High School of Economics Publishing, 2014. (in Russian)
- Goran V. P.** Theoretical and methodology problems of Western philosophy. Novosibirsk: SO RAN Publishing, 2007. (in Russian)
- Karatani K.** Transcritique: On Kant and Marx / Transl. by Sabu Kosu. New-York: MIT Press, 2003.
- Kudryashov I. S.** Food-porn: Philosophical and psychoanalytical approach to contemporary alimentary practices // Siberian Journal of Philosophy. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 34–51 (in Russian)
- Lakan Zh.** Seminars. Book 2. «I» in Freud's theory and technique of psychoanalyses. Moscow: Logos, 1999. (in Russian)
- Mazilov V. A.** Philosophy of psychology: problems and perspectives // Philosophy and social sciences in contemporary world. Proceedings of the International conference on the 30th Anniversary of the Department of Philosophy and Sociology of BSU (September 26–27, 2019) / Eds. by V.F. Gigin et al. Minsk: BSU, 2019. P. 224–229. (in Russian)
- Plesner H.** Levels of organic and human: Introduction to philosophical anthropology. Moscow: ROSSPEN, 2004. (in Russian)
- Tupinamba G.** Desire of psychoanalyses. Attempts of lacanian thinking. Moscow: Ripol klassik, 2024. (in Russian)

Информация об авторе

Иван Сергеевич Кудряшов, кандидат философских наук
Доцент кафедры социальной философии, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Ivan S. Kudryashov, Candidate of Sciences (Philosophy)
Docent, Chair of Social Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 25.03.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.05.2024*

*The article was submitted 25.03.2024;
approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 28.05.2024*

Научная статья

УДК 172

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-46-65

Почему оговорки достаточности недостаточно

Константин Евгеньевич Морозов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Институт философии Российской академии наук
Москва, Россия

lovecraft.wittgenstein@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3677-801X>

Аннотация

В последние годы среди теорий распределительной справедливости выделилось достаточностное или умеренное либертарианство Фабиана Вендта. Эта теория основана на аргументе от стремления к проектам и признаёт за людьми права самопринадлежности и собственности на внешние ресурсы. Но второе из этих прав ограничено оговоркой достаточности, которая требует, чтобы у всех людей была минимально достаточная доля ресурсов для участия в личных проектах. Эта статья критически рассматривает умеренное либертарианство, показывая, что его ограничение порогом достаточности несовместимо с его опорой на аргумент от стремления к проектам, поскольку последний имплицитно предполагает презумпцию равной заботы о людях. В отсутствие дополнительных оснований эта презумпция требует предоставления людям как исполнителям проектов не достаточной, а равной доли внешних ресурсов.

Ключевые слова

либертарианство, эгалитаризм, справедливость, автономия, равенство, взаимность, достаточность, самопринадлежность, оговорка Локка

Благодарности

Автор благодарен Арине Черепановой, Илье Морозову, Александру Разину, Артёму Беседину, Глебу Милаеву, Ивану Чуенкову и рецензентам «Сибирского философского журнала» за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли улучшить прошлые версии этой статьи.

Для цитирования

Морозов К. Е. Почему оговорки достаточности недостаточно // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22. № 2. С. 46–65. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-46-65

© Морозов К. Е., 2024

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2024, vol. 22, no 2

Why the sufficiency proviso is not enough

Konstantin E. Morozov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia

lovecraft.wittgenstein@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3677-801X>

Abstract

In recent years, Fabian Wendt's sufficientarian or moderate libertarianism has stood out among theories of distributive justice. This theory is based on the project pursuit argument and recognizes individual's rights to self-ownership and ownership of external resources. But the second of these rights is limited by the sufficiency proviso, which requires that all people have a minimum sufficient share of resources to engage in personal projects. This article takes a critical look at moderate libertarianism, showing that its limitation to the sufficiency threshold is incompatible with its reliance on the project pursuit argument, since this argument implicitly assumes a presumption of equal concern for persons. In the absence of additional reasons, this presumption requires that people as projects pursuers be given not a sufficient, but an equal share of external resources.

Keywords

libertarianism, egalitarianism, justice, autonomy, equality, reciprocity, sufficiency, self-ownership, Lockean proviso

Acknowledgments

The author is grateful to Arina Cherepanova, Ilya Morozov, Alexander Razin, Artem Besedin, Gleb Milaev, Ivan Chuenkov, and the reviewers of the *Siberian Journal of Philosophy* for useful comments and discussions that helped improve previous versions of this article.

For citation

Morozov K. E. Why the sufficiency proviso is not enough. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. , no. 2, pp. 46–65. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-46-65 (in Russian)

Либертарианство является заметной позицией в дискуссиях о справедливости. Либертарианцы особенно известны своей оппозицией налогообложению и перераспределению, которые они рассматривают как нарушение прав на свободу распоряжаться своей честно приобретённой собственностью. Эту позицию часто критикуют за её «неспособность адекватно учесть наши обязательства по содействию благополучию наиболее уязвимых членов общества» [Fried, 2020, p. 156].

Фабиан Вендт – один из либертарианских авторов, которые относятся к этому возражению серьёзно. В своих статьях Вендт формулирует теорию, которую он называет достаточностным или умеренным либертарианством [Wendt, 2018a; 2018b; 2019; 2022a; 2022b]. Вендт основывает свою теорию на аргументе от стремления к проектам, согласно которому люди по природе своей целеустремлённые существа, реализующие свои цели в рамках личных проектов [Wendt, 2019, p. 303]. Для подобной реализации людям необходимы права собственности на своё тело и на внешние ресурсы. Но эти права должны быть ограничены условием, которое Вендт называет «оговоркой достаточности» (*sufficiency proviso*). Согласно этой

оговорке, объём прав собственности на внешние ресурсы должен быть ограничен таким образом, чтобы все люди имели минимально необходимую долю ресурсов, чтобы жить как исполнители проектов [Wendt, 2018b, p. 172].

Умеренное либертарианство Вендта задумано им как «золотая середина» между двумя основными направлениями либертарианской мысли – правым и левым¹. Все версии либертарианства согласны с тем, что люди имеют исключительные права собственности на своё тело, но они расходятся по поводу прав на внешние ресурсы [Vallentyne, Mazon, 2018, p. 141]. С точки зрения правых либертарианцев, у людей нет никаких изначальных прав на внешние ресурсы, а поэтому их неравное присвоение и распределение вполне допустимы.

Напротив, левые либертарианцы считают, что у всех людей есть эгалитарные права на эти ресурсы, что оправдывает перераспределительную политику с целью обеспечить всем людям их справедливую долю. Умеренное либертарианство Вендта также наделяет всех людей справедливой долей внешних ресурсов, чтобы гарантировать им защиту их автономии в реализации личных проектов. Но оговорка достаточности Вендта наделяет людей не эгалитарной, а минимально достаточной долей ресурсов. В этом Вендт следует за принципом достаточности Гарри Франкфурта: «Если бы у всех было достаточно, то не имело бы морального значения, если бы у одних было больше, чем у других» [Frankfurt, 1987, p. 134–135].

Цель этой статьи – критически рассмотреть теорию Вендта². Как будет продемонстрировано, умеренное либертарианство не может оправдать ограничение своих перераспределительных обязательств оговоркой достаточности. Если мы всерьёз воспримем обоснование от стремления к проектам, то у нас не окажется оснований для подобных ограничений, а потому наиболее правдоподобная либертарианская теория должна быть эгалитарной. Перефразируя Паулу Казаль, можно сказать, что оговорки достаточности недостаточно [Casal, 2007]. Однако позитивный урок, который левые либертарианцы могут извлечь из концепции Вендта, состоит в том, что валюта эгалитарной справедливости не должна быть ограничена необработанными природными ресурсами, как многие из левых либертарианцев предполагали.

Но чтобы придать ясности формулируемому в этой статье аргументу, необходимо уточнить важный методологический нюанс. В этой статье умеренное либертарианство Вендта будет рассматриваться как форма деонтологического либерализма [Fried, 1983, p. 960]. Эта теория утверждает некоторые базовые права и ограничивает навязывание людям каких-либо концепций блага. Эти общие черты можно найти в трудах всех либеральных теоретиков, испытывавших значи-

¹ Схожую форму центристского либертарианства ранее также разрабатывал Лорен Ломаски [Lomasky, 1987], но его подход отличается по двум пунктам. Во-первых, Ломаски – теоретик общественного договора в духе Дэвида Готье [Gauthier, 1986; Прокофьев, 2021], а не естественных прав. Во-вторых, Ломаски концептуализирует перераспределительные обязательства не как внутреннее ограничение практики собственности, а как следствие позитивных прав на благосостояние. Сравнение Вендтом своего подхода с Ломаски см.: [Wendt, 2019, p. 311–314].

² Эта критика может быть экстраполирована на сторонников «мягкосердечного либертарианства» (*bleeding-heart libertarianism*), которые пытаются сделать либертарианство более открытым к (неэгалитарному) перераспределению в пользу нуждающихся [Cohen, 2020]. Подробнее см.: About Us (16 May 2011). Bleeding Heart Libertarians. URL: <https://bleedingheartlibertarians.com/about-us/> (дата обращения 14.05.2024).

тельное влияние кантианской философии, включая как естественно-правовых либертарианцев, таких как Нозик и Вендт, так и контракталистских эгалитаристов, таких как Ролз и Скэнлон ³.

В пользу такого рассмотрения теории Вендта можно привести четыре основания. Во-первых, сами либертарианские авторы считают свою позицию частью более широкой либеральной традиции и претендуют на включение в её рамки (см.: [Lomasky, 1987, p. 84; Steiner, 1994, p. 282; Фридман, 2006, с. 28–29; Хайек, 2006, с. 20; Mack, 2010, p. 53; Vallentyne, 2011, p. 2; Tomasi, 2012, p. 1; Нозик, 2020, с. 220]) ⁴. Во-вторых, установление общей точки между либертарианцами и эгалитаристами обеспечивает возможность взаимной критики между этими концепциями, что способствует более продуктивному обсуждению обеих позиций. Бас ван дер Воссен и Джейсон Бреннан, например, интерпретируют критику Ролза Нозиком таким образом, что Нозик принимает предпосылки Ролза, чтобы раскритиковать его позицию на её собственных основаниях [Van der Vossen, Brennan, 2018, p. 210].

В-третьих, это позволяет сфокусировать внимание на конкретно *деонтологическом* либертарианстве, вынеся за скобки его телеологические и консеквенциалистские разновидности ⁵. В-четвёртых, даже в тех случаях, где либертарианские и эгалитарные теории расходятся, мы можем переформулировать концепции из одной теории на языке другой, чтобы приспособить их использование в её рамках. На основании этого мы будем рассматривать дискуссию между правыми и левыми либертарианцами как спор в рамках более широкой традиции деонтологического либерализма, а потому доводы, рассмотренные в этой статье, не ограничиваются рамками исключительно либертарианских теорий справедливости.

Либертарианство и аргумент от стремления к проектам

Вендт основывает свою версию либертарианства на аргументе от стремления к проектам (*project pursuit argument*) [Wendt, 2022b] ⁶. Вендт начинает объяснение своего аргумента с общего суждения о человеческой природе: «Люди – это целеустремлённые существа» [Wendt, 2019, p. 303]. В своих жизнях люди способны

³ Эрик Мак и Рональд Дворкин также характеризовали Ролза и Скэнлона как (неявных) теоретиков естественных прав [Dworkin, 1975; Mack, 2007]. Лорен Ломаски, Джон Томаси и Кевин Валлье также утверждали, что ролзианский контрактализм может быть использован для обоснования умеренно-либертарианских выводов [Lomasky, 2005; Tomasi, 2012; Vallier, 2016]. Также см.: Neo-Rawlsian Libertarianism: Two Principles of Justice for Bleeding Hearts (12 April 2012). Bleeding Heart Libertarians. URL: <https://bleedingheartlibertarians.com/2012/04/neo-rawlsian-libertarianism-two-principles-of-justice-for-bleeding-hearts/> (дата обращения 14.05.2024).

⁴ Заметное исключение – Уолтер Блок [Block, 2010]. Сэмюэль Фримен также отрицает принадлежность либертарианства к либеральной традиции, но его критика ограничена только радикальными правыми версиями и не относится к более умеренным «классическим либеральным» взглядам, которые включают в себя теорию Вендта [Freeman, 2018, p. 62–63].

⁵ О консеквенциалистском обосновании либертарианства см.: [Фридман, 2006; Хайек, 2006; Epstein, 2009]. О телеологическом подходе см.: [Rasmussen, Den Uyl, 2005; Рэнд, 2011; Chartier, 2013].

⁶ Вендт также обозначает этот подход как основанный на агентности (*agency-based*) [Wendt, 2022b, p. 583]. Мак называет это обоснованием от стремления к собственному благу [Mack, 2010, p. 54]. Томаси также использует понятие «ответственного самоавторства» (*responsible self-authorship*) [Tomasi, 2012, p. 40].

ставить перед собой различные цели и выбирать средства их достижения. И любая продолжающаяся согласованная человеческая деятельность ради достижения какой-либо цели может быть названа «проектом». Человеческая жизнь в некотором роде вся состоит из проектов разного рода, таких как карьера, образование, брак, воспитание детей, творчество, религиозная служба и так далее. Некоторые даже называли бы человеческую жизнь саму по себе проектом (или, возможно, метапроектом) [Сартр, 1990, с. 323].

Эти проекты также играют важную роль в самоконституировании личности, т.е. в формировании собственной идентичности. Через свои проекты люди проявляют себя как личности, определяют свои представления о благе, осуществляют свои моральные силы. Успех в реализации проектов является основой для самоуважения и благополучия, а признание этих проектов другими – основой для солидарности, взаимного уважения и привязанностей. Проекты наполняют жизни людей ценностью и смыслом, а потому признание самоценности каждого человека влечёт за собой признание ценности тех проектов, которые они реализуют ⁷.

Но для того чтобы реализовывать какие-либо проекты, людям необходимы физические ресурсы. В первую очередь, каждому для того чтобы реализовывать свои собственные проекты, а не быть просто инструментом для реализации чужого проекта, необходимо исключительное право распоряжаться собственной личностью. Вот почему если мы признаём ценность стремления к проектам, то мы также должны уважать право самопринадлежности (*self-ownership*). Но одной только самопринадлежности недостаточно, чтобы участвовать в проектах, ведь людям также необходимы внеличностные ресурсы. И поэтому ценность стремления к проектам также оправдывает право людей осуществлять исключительный контроль над внешними объектами, то есть право частной собственности. И это право собственности также должно быть достаточно стабильным и надёжным, поскольку исполнителям проектов важно, чтобы задействованные ими ресурсы не были произвольно у них изъяты.

Но для того чтобы этот аргумент заработал, необходима ещё одна предпосылка – презумпция равной заботы о людях. Дворкин считал такую презумпцию базовой идеей для деонтологического либерализма [Дворкин, 1998, с. 56], истоки которой можно углядеть в кантианском категорическом императиве. Презумпция равной заботы необходима, чтобы обеспечить, что все люди будут иметь основания подчиняться правилам политических и социальных институтов, поскольку эти институты служат интересам всех, а не узкой прослойки людей [Ролз, 2006, с. 46–48]. Эта презумпция обеспечивает, что стремление к проектам всех людей имеет равную ценность, а потому политические и социальные институты должны быть организованы таким образом, чтобы обеспечить всем людям реальные возможности для участия в личных проектах. Без такой презумпции ссылки на ценность проектов не могут обеспечить вывода о том, что общество должно продви-

⁷ Это обоснование в важных чертах пересекается с кантианским категорическим императивом [Кант, 1997, с. 169]. Сам Вендт считает своё обоснование либертарианства кантианским по духу [Wendt, 2022b, p. 583]. О кантианском обосновании либертарианства также см.: [Нозик, 2020, с. 54; Чалый, 2014; Steiner, 1994, p. 211–213; Kuznicki, 2016; Surprenant, 2018].

гать возможности для участия в проектах для всех, а не только для небольшой элиты за счёт всех остальных.

Таким образом, аргумент от стремления к проектам оправдывает теорию справедливости, которая придаёт значительный вес универсальным правам собственности как на человеческую личность, так и на внеличностные объекты. И такой теорией, в которой права собственности выступают в качестве центрального компонента справедливости, и является либертарианство⁸. Однако Вендт отвергает более традиционные либертарианские подходы, которые были склонны рассматривать права собственности как (практически) абсолютные. Вместо этого Вендт ограничивает объём имущественных притязаний условием, которое он называет «оговоркой достаточности».

Оговорка Локка и её интерпретации

Оговорка достаточности является версией принципа, известного как «оговорка Локка» (*Lockean proviso*). Впервые подобный принцип был сформулирован Робертом Нозиком [Нозик, 2020, с. 227]. Название отсылает к замечанию Джона Локка о том, что присвоение ничейных ресурсов в частную собственность допустимо до тех пор, пока остаётся достаточно ресурсов для присвоения всех остальных людей [Локк, 2020, с. 250]. Нозик предложил двусмысленную интерпретацию этого положения. Некоторые рассматривают нозиковское прочтение как ограничение актов присвоения, тогда как другие видят в этом прочтении ограничение самого института частной собственности. Далее мы будем разграничивать их как «оговорку о присвоении» и «оговорку о практике»⁹.

Нозиковская оговорка Локка (или просто оговорка Нозика [*Nozick's proviso*]) устанавливает требование, чтобы присвоение не ухудшало ничьё положение. Например, если кто-то присвоит весь запас жизненно важного ресурса (последний источник питьевой воды), то положение всех людей ухудшится в результате присвоения, а потому оговорка Нозика требует либо аннулировать права на присвоенный ресурс, либо выплатить компенсацию всем, кто пострадал от присвоения. Нозиковская оговорка о присвоении интерпретирует это как требование, чтобы конкретные акты присвоения не ухудшали ничьё актуальное положение, тогда как нозиковская оговорка о практике устанавливает более слабое требование, чтобы актуальная система собственности не ухудшала положение кого-либо в сравнении с ситуацией полного отсутствия такой системы.

На первый взгляд, однако, оговорка о практике может показаться более сильной. Её слабость проистекает из того факта, что она устанавливает базовую линию для неухудшения на уровне общества вообще без института собственности,

⁸ Схожие с этим подходы к обоснованию либертарианства также см.: [Lomasky, 1987, p. 120–121; Sanders, 2002, p. 52–53; Mack, 2010, p. 60–64; Tomasi, 2012, p. 76–78; Van der Vossen, 2015, p. 77–78; Christmas, 2021, p. 52–53]. Этот подход также во многих чертах напоминает сартровский экзистенциализм [Сартр, 1990].

⁹ Здесь мы следуем за Ролзом, определяя практику как «любого рода деятельность, ограниченную системой правил, которые определяют должности, роли, действия, наказания, защитные мероприятия и т. д., и которые придают этой деятельности определённую структуру» [Ролз, 2006, с. 35]. Вендт также называет институт или систему собственности «практикой собственности» [Wendt, 2019, p. 303].

фактически доаграрного общества охотников и собирателей [Нозик, 2020, с. 230]. Удовлетворить требованиям такой оговорки очень легко, потому как благосостояние даже очень бедных людей в капиталистических экономиках выше, чем у большинства людей в доаграрных обществах. Оговорка о присвоении остаётся более сильной, потому что требует компенсировать любые ухудшения положения других, независимо от их индивидуального или общего социального уровня благосостояния. И поскольку любое присвоение ведёт к утрате кем-то выгод от свободного пользования этим ресурсом, правдоподобно предположить, что любое присвоение ухудшает чьё-то положение и потому подлежит компенсации [Vallentyne, 2011, p. 5–6].

Более требовательное эгалитарное прочтение оговорки предложили левые либертарианцы. Гиллель Штайнер предложил «оговорку равных долей» (*equal share proviso*), согласно которой все люди имеют право на равную со всеми остальными по их рыночной стоимости долю ресурсов [Steiner, 1994, p. 279]. Майкл Оцука, в свою очередь, предложил «оговорку равных возможностей» (*equal opportunity proviso*), которая наделяет людей правом на такую долю, которая уравнивала бы их возможности для благополучия со всеми остальными [Otsuka, 2003, p. 27]. Тот факт, что эти оговорки касаются присвоения, а не практики собственности, подмечает ограничение эгалитарных притязаний левого либертарианства, которое отличает его от более перераспределительных версий либерального эгалитаризма. Это ограничение тех ресурсов, ценность которых подлежит перераспределению, а именно – необработанных природных ресурсов. Левые либертарианцы считают, что оговорка Локка наделяет людей лишь долей выгод от владения природными ресурсами, но не оправдывает перераспределение каких-либо иных источников дохода и богатства.

Оговорка достаточности Вендта является промежуточным вариантом, который налагает более строгие перераспределительные требования, чем оговорка Нозика, но не такие строгие, как эгалитарные оговорки. В частности, оговорка Вендта устанавливает требование, чтобы все участники практики собственности имели достаточно ресурсов для участия в личных проектах¹⁰. Это не требует полного уравнивания долей, однако требует, чтобы никто не опускался ниже порога достаточности. Но в то же время Вендт интерпретирует свою оговорку исключительно как оговорку о практике, а не о присвоении¹¹, и поэтому перераспределительные требования этой оговорки не ограничены природными ресурсами, а касаются любой внеличностной собственности.

¹⁰ Ломаски и Стивен Кершнар также использовали аргумент от стремления к проектам (или автономии) как обоснование достаточностного либертарианства. Но в отличие от Вендта они формулируют эти ограничения не как оговорку, встроенную в практику собственности, а как позитивные права на благосостояние [Lomasky, 1987, p. 96–97, 125–129; Kershnar, 2002].

¹¹ Джон Симмонс предлагал альтернативную достаточностную оговорку (*sufficientarian proviso*), которая применяется именно к присвоению [Simmons, 1992, p. 292–298]. Гиллель Штайнер и Питер Валлентайн рассматривали аналогичную «оговорку достойных долей» (*decent share proviso*), сравнивая её с «оговоркой самопринадлежности» (*self-ownership proviso*) [Steiner, Vallentyne, 2009, p. 59; Vallentyne, 2011, p. 6–7]. Хотя оговорка самопринадлежности относится не к присвоению или практике, а только к использованию собственности и потому слабее даже оговорки Нозика [Mack, 1995, p. 186].

На практике оговорка достаточности требует, чтобы люди, чьи ресурсы превышают порог достаточности, пропорционально своим активам финансировали публичную форму помощи бедным, которая подняла бы всех до уровня достаточности. Однако дальнейшее улучшение положения бедных, достигших этого порога, не является требованием справедливости, а потому любое дальнейшее распределение будет оправдано при условии, что возникло в результате добровольных рыночных отношений. Вендт не рассматривает детально, какие институты могут удовлетворить его оговорку, но отдаёт предпочтение безусловному базовому доходу [Wendt, 2018b, p. 174; 2019, p. 308]¹².

Равенство или достаточность?

Вендт убедительно критикует различные формы правого либертарианства, включая теории Нозика, Мака, Блока и ван Дана [Wendt, 2018b, p. 176–180]. Его основное возражение состоит в том, что отказ от перераспределения в пользу нуждающихся подрывает их собственные нормативные основания. Ведь если либертарианство оправдано на основании равной заботы о личных проектах, то важную роль в этом оправдании играет *фактическая* возможность всех людей реализовывать проекты. Если бедность лишает кого-то этой возможности, то либертарианские правила собственности теряют своё оправдание и, соответственно, не могут выступать в качестве довода против перераспределения с целью обеспечить всем реальные возможности участия в проектах.

Более сложной задачей для Вендта является критика левого либертарианства, поскольку последнее с его эгалитарными требованиями в отношении внешних ресурсов совместимо с обоснованием от стремления к проектам¹³. Тем не менее Вендт выдвигает два аргумента против левого либертарианства [Wendt, 2018b, p. 175–176]. Во-первых, Вендт просто утверждает, что у нас нет оснований в пользу эгалитарного распределения ресурсов, поскольку для реализации каждым человеком личных проектов достаточно, чтобы все находились выше порога достаточности. Если кто-то будет иметь больше ресурсов, чем другие, это не подорвёт ничьи способности к участию в проектах.

Во-вторых, Вендт также утверждает, что в некоторых обстоятельствах эгалитарное распределение может подорвать чьи-то способности к участию в проектах. Например, можно представить общество, половина членов которого – люди с тяжёлой инвалидностью. Допустим, это общество переживает последствия разрушительной войны. В таком обществе для того, чтобы уравнивать людей в их возможностях для благополучия, необходимо распределить ресурсы таким образом, чтобы сделать трудоспособную половину фактически зависимой от готовности помогать нуждающимся [Otsuka, 2003, p. 31–34]. Как подмечает Вендт, это сильно ограничивает возможности трудоспособных реализовывать свои личные проекты, поскольку ставит их в зависимость от помощи своим согражданам. Однако

¹² Анализ взаимосвязи оговорки достаточности и базового дохода также см.: [Vallentyne, 2011, p. 6–7; Fukuhara, 2019; Морозов, 2022, с. 39–40, 42–43].

¹³ Каспер Оссенблук разрабатывает версию левого либертарианства, которая явно опирается на аргумент от стремления к проектам [Ossenblok, 2017, p. 197].

если бы мы использовали менее требовательный стандарт, то мы могли бы ограничиться лишь таким распределением, которое даёт людям с инвалидностью минимально достаточный набор ресурсов, но не требует их полного уравнивания со всеми остальными.

Эти возражения, однако, бьют мимо цели. Второй довод применим лишь к левому либертарианству равных возможностей, такому как теория Оцуки. Но это возражение не будет применимо к ресурсному левому либертарианству, такому как у Штайнера, потому что оно не предполагает уравнивания людей в их возможностях для благополучия. Вместо этого ресурсное либертарианство устанавливает универсальное право на равную долю внешних ресурсов, но как только все люди получили свои доли, то они имеют право ими свободно распоряжаться¹⁴.

Но даже либертарианцы в духе Оцуки могли бы дать ответ на возражение Вендта. Они могли бы, следуя примеру Пьетро Интропи, назначить лексический приоритет гарантии участия в проектах перед уравниванием возможностей для благосостояния [Intropi, 2024, p. 32]. Это означало бы, что уравнивающее перераспределение будет допустимо только в том случае, если общество уже достигло такого положения дел, при котором у всех достаточно ресурсов для фактического участия в проектах. Уравнивание возможностей в таком случае было бы допустимо, но только не ценою более приоритетной моральной цели – обеспечения всем возможности реализовывать проекты¹⁵.

Вендт также ссылается на Ломаски, который возражает против эгалитарного распределения ресурсов на том основании, что каждый исполнитель проектов имеет приоритетное основание в пользу сохранения ресурсов для своих проектов, а не их передачи другим людям [Lomasky, 1987, p. 122]. Однако это замечание несовместимо с оговоркой достаточности. Ведь если у людей есть приоритетное основание в пользу сохранения, то оно исключает *любое* перераспределение, а не только эгалитарное. Если же люди обязаны передавать ресурсы тогда, когда это требуется обеспечением для всех возможностей участия в проектах, то это обязательство совместимо как с достаточностным, так и эгалитарным перераспределением.

Однако Вендт снова мог бы ответить на это тем, что у нас просто нет оснований обеспечивать людям равные ресурсы для их проектов. Но он не прав в этом. Хотя забота об уязвимом положении наименее обеспеченных действительно удовлетворяется оговоркой достаточности без полного уравнивания людей, у нас есть независимые основания для того, чтобы бороться с неравенством. Томас Скэнлон перечисляет шесть независимых от сострадания к нуждающимся оснований в пользу равенства в своей книге «Почему неравенство имеет значение?» [Scanlon, 2017]. Мы переформулируем скэнлонианские основания на языке обоснования

¹⁴ Оссенблок предлагает иную версию ресурсного левого либертарианства, в которой каждый имеет право не на равную долю внешних ресурсов, а на такую долю, которая уравнивает его набор внешних и *внутренних* ресурсов с остальными людьми [Ossenblok, 2017, p. 253]. Однако поскольку объектом уравнивания являются ресурсы, а не возможности для благополучия, то возражение Вендта также неприменимо против Оссенблока.

¹⁵ Кок-Чор Тан в схожем духе утверждал, что базовые нужды и равенство удачи относятся к двум разным областям справедливости. Соображения равенства, как считает Тан, вступают в силу только в том случае, если удовлетворены базовые нужды всех людей [Tan, 2012, p. 119–126].

от стремления к проектам, чтобы продемонстрировать, что эти основания также могут быть разделены всеми, кто поддерживает аргумент Вендта.

Во-первых, неравенство подрывает равную заботу о людях и их проектах. В обществе с высоким неравенством социальные институты будут склонны уделять более приоритетное внимание проектам более обеспеченных людей, поскольку они, имея большие ресурсы, будут иметь также больше возможностей для того, чтобы продвигать свою повестку дня.

Во-вторых, неравенство подрывает самоуважение наименее обеспеченных. Даже если наименее обеспеченные живут выше порога достаточности и не страдают от крайней нужды, большое неравенство будет заставлять их чувствовать себя «людьми второго сорта» на фоне их более обеспеченных сограждан. И поскольку чувство самоуважения, даруемое реализацией проектов, играет важную роль в обосновании Вендта, то также важно способствовать самоуважению наименее обеспеченных¹⁶.

В-третьих, неравенство подрывает возможности наименее обеспеченных занимать социальные положения в обществе, которые открывают им доступ к новым типам проектов. Неравенство образовательных возможностей – яркий пример такого неравенства, которое препятствует некоторым людям участвовать в тех проектах, в которых они хотят участвовать.

В-четвёртых, неравенство даёт более обеспеченным возможности вмешиваться в автономию и агентность нуждающихся. Принцип самопринадлежности ограничивает возможности для прямого или инвазивного вмешательства, но более обеспеченные имеют возможности для косвенного вмешательства, например, навязывая невыгодные условия для коммерческих сделок наименее обеспеченным, удерживая доступ к ресурсам, необходимым для проектов последних. Речь идёт о ресурсах, необходимых для дорогостоящих проектов, а потому выходящих за пределы порога достаточности.

В-пятых, неравенство также даёт более обеспеченным больше возможностей контролировать демократическую политику. Даже если исключить возможности для коррупции, более обеспеченные имеют больше возможностей для финансирования избирательных кампаний, контроля над средствами массовой информации, лоббирования своих интересов в парламенте и так далее. Такое неравенство политического влияния особенно тревожно для тех, кого заботит положение наименее обеспеченных, потому что подобное неравное политическое влияние может быть использовано для продвижения политики ограничения перераспределения.

В-шестых, неравенство само по себе может являться следствием предвзятого несправедливого распределения собственности. Извлечение преимуществ из несправедливого распределения некоторыми людьми усугубляет неравенство между ними и теми, чьё положение было ухудшено этой несправедливостью. Притязания на исправление прошлой несправедливости становятся притязаниями на эгалитарное перераспределение, так как достижения порога до-

¹⁶ Джастин Тоси, однако, предлагает свою концепцию реляционной достаточности, согласно которой государство должно продвигать пусть и не равное самоуважение для всех, но по крайней мере минимальный уровень самоуважения [Tosi, 2019].

статочности недостаточно, чтобы компенсировать весь бэкграунд исторической несправедливости.

Эти шесть оснований, как можно заметить, опираются на презумпцию равной заботы о людях, которая является основой для оговорки достаточности Вендта¹⁷. Требование о предоставлении всем достаточных ресурсов для их проектов основано на том, что все люди и их жизненные проекты заслуживают равной заботы со стороны государства. Никто не имеет моральной привилегии, чтобы его жизненные проекты рассматривались как более важные, чем проекты кого-то другого. И именно поэтому государство обязано, согласно оговорке достаточности, предоставлять всем людям минимальные ресурсы для их проектов. Но это ограничение *минимально* достойной долей ресурсов оставляет наименее обеспеченным возможность задаться вопросом: «Почему мы должны использовать меньше ресурсов в своих проектах, чем наиболее обеспеченные, хотя наши проекты имеют равную ценность?»

Презумпция равной заботы устанавливает также и презумпцию равного распределения. Если государство обязано обеспечить каждому его долю ресурсов для участия в личных проектах и у нас нет каких-то дополнительных оснований в пользу неравного распределения, то аргумент от стремления к проектам устанавливает не достаточностную, а эгалитарную оговорку. Но поскольку такая оговорка применяется к практике собственности, а не актам присвоения, то её распределительные притязания будут затрагивать все внешние ресурсы, а не только природные [Ossenblok, 2017, p. 229].

Равенство и ответственность

Теория Вендта не содержит эксплицитного ответа на вопрос о том, почему распределение ресурсов может нарушать презумпцию равной заботы. Но далее мы рассмотрим несколько доступных ему опций. Для начала Вендт мог бы утверждать, что рыночный капитализм и присущее ему неравенство за счёт более продуктивного использования ресурсов и инноваций способствуют максимизации благ, которые могут быть распределены в пользу наименее обеспеченных [Ролз, 2006, с. 36; Tomasi, 2012, p. 230–231]. Однако этот ответ недоступен Вендту, потому что поддерживаемый им распределительный шаблон – это достаточность, а не максимин. Вендт мог бы апеллировать к *максимизации* выгод наименее обеспеченных как обоснованию, почему неравное распределение долей справедливо. Ведь в таком случае наименее обеспеченные получили бы больше ресурсов для своих проектов, чем при полном уравнивании. Но Вендт не предлагает максимизировать долю наименее обеспеченных выше порога достаточности, даже если этот порог предлагается установить достаточно высоко [Wendt, 2019, p. 307].

¹⁷ Высказывались мнения, что доктрина достаточности является не альтернативой, а специфичной формой эгалитаризма. Аксель Госсери определяет эту доктрину как «ограниченную версию приоритарного эгалитаризма» [Gosseries, 2009]. Ричард Арнесон квалифицирует распределительную достаточность как версию эгалитаризма, где доступ к минимально достойной доле ресурсов является предметом *уравнивания* людей. См.: Egalitarianism (24 April 2013). Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/egalitarianism/> (дата обращения 14.05.2024).

Вендт также мог бы апеллировать к соображениям ответственности, чтобы обосновать неравное распределение ресурсов. Но такие апелляции к ответственности могут рассматриваться двояко. С одной стороны, это можно прочесть как призыв к некоторой теории заслуг: более обеспеченные просто заслуживают больших ресурсов, потому что вносят больший вклад в продвижение общественного блага. Но такой ответ также недоступен Вендту. Для начала он сам считает одним из преимуществ оговорки достаточности её нечувствительность к ответственности людей за их экономическое положение, которая обеспечивает универсальную защиту для всех категорий малообеспеченных [Wendt, 2018b, p. 173–174]. Кроме того, такая теория заслуг требовала бы универсальной концепции блага, которая подрывала бы признание Вендтом автономии каждого в определении того, какие блага (или цели проектов) люди будут преследовать. Наконец, такие ссылки на ответственность оказываются необоснованны перед возражениями эгалитаристов удачи, которые ярко подсвечивают тот факт, что часто люди не ответственны за своё экономическое положение, поскольку на это положение сильно влияет удача [Середа, 2021, с. 275].

С другой стороны, ссылки на ответственность могут быть поняты не как выражение моральных заслуг, а как отражение исторического характера либертарианских теорий справедливости. С этой точки зрения либертарианство фокусируется на исторических, а не структурных аспектах распределения собственности, т. е. исключительно на справедливых процедурах приобретения и передачи собственности [Нозик, 2020, с. 195]. Если некто приобрёл какую-либо собственность без насилия и обмана, то он имеет исключительные права на неё, даже если в результате структура распределения допускает большое неравенство или оставляет кого-то ниже порога достаточности. Если это верно, то исторический характер либертарианства ограничивает допустимость перераспределения.

Как кажется, это возражение также не может быть сделано Вендтом, потому что его оговорка является внеисторическим фоновым ограничением практики собственности [Wendt, 2018a; 2019, p. 315–316]. И если мы принимаем какие-либо фоновые ограничения практики собственности, то нет оснований предпочесть достаточность вместо равенства. Тем не менее у Вендта есть возможность защитить такое возражение, поскольку совмещение фоновых и исторических принципов можно понимать двояким образом. Ван дер Воссен противопоставляет локкеанский и кантианский подходы [Van der Vossen, 2015, p. 64].

Кантианская позиция устанавливает приоритет фоновых принципов, поскольку считает невозможной реализацию распределительной справедливости вне публичных политических институтов. С этой точки зрения справедливость в первую очередь регулирует работу этих институтов, тогда как в их рамках люди могут относительно свободно осуществлять свои права собственности, пока это способствует реализации фонового принципа. Но поскольку у нас нет оснований в пользу достаточности перед равенством, такой фоновый принцип должен быть эгалитарным или максиминным.

Локкеанская позиция, напротив, устанавливает приоритет исторических принципов, поскольку допускает возможность реализации распределительной справедливости через частные взаимодействия людей, не опосредованные пу-

бличными институтами. Но при этом можно считать, что в исключительных случаях вмешательство в исторические принципы может быть оправдано, когда их соблюдение подрывает собственные нормативные основания¹⁸. С этой точки зрения существует сильная презумпция в пользу невмешательства в свободную реализацию исторических принципов, а потому общее количество таких вмешательств должно быть сведено к минимуму. Это условие оправдывает минимальный порог достаточности, потому что такой порог требует меньшего вмешательства в реализацию исторических принципов, чем эгалитарное перераспределение.

Однако если Вендт назначит подобный приоритет историческим принципам перед фоновыми, то его теория будет уязвима перед ещё одним возражением со стороны левых либертарианцев. В таком случае справедливость существующих прав собственности напрямую зависит от истории их происхождения, а эта история неизбежно должна начинаться в актах первоначального присвоения. Поэтому никакая оговорка о практике, если мы исходим из приоритета исторической справедливости, недостаточна. По меньшей мере она должна дополняться какой-то оговоркой о присвоении природных ресурсов [Ossenblok, 2017, p. 231].

Вендт мог бы поддержать достаточностную оговорку о присвоении Симмонса, чтобы сохранить предпочитаемые им распределительные выводы. Однако достаточностная оговорка о присвоении явно уступает эгалитарной, потому что природные ресурсы не были созданы ни одним человеком. И поскольку у этих ресурсов нет создателя, то нет человека, который имел бы больше притязаний на исключительное использование этих ресурсов в своих личных проектах.

Любое неравное распределение может быть оспорено даже в том случае, если у всех достаточно ресурсов, так как нет никаких исторических оснований в пользу присвоения одними людьми непропорционально большей доли ресурсов. Такое неравномерное присвоение снова нарушает презумпцию равной заботы. Следовательно, единственное обоснованное ограничение присвоения обязательно будет носить эгалитарный характер [Arthur, 1987, p. 344; Ossenblok, 2017, p. 233; Otsuka, 2018, p. 123–124].

Ещё один довод в пользу эгалитарной оговорки можно сформулировать с учётом проблемы одностороннего наложения обязательств [Van der Vossen, 2015, p. 65–68]. Акты первоначального присвоения являются односторонним наложением обязательств на всех других людей: если кто-то присвоит объект X, то он наложит на всех остальных людей обязанность не использовать X без его разрешения, что сократит их свободу и агентность. Поскольку аргумент от стремления к проектам основан на агентности, такое одностороннее её сокращение является морально тревожным.

Разрешить проблему одностороннего наложения обязательств можно одним из двух способов. Кантианское решение состоит в том, чтобы учредить публичную политическую власть, которая организует распределение в соответствии

¹⁸ Схожим образом Мак строит свой аргумент в пользу оговорки катастрофы (*catastrophe clause*), которая позволяет нарушать чьи-либо права собственности для спасения человеческой жизни в экстремальных ситуациях. Как признаёт Мак, в некоторых обстоятельствах эта оговорка будет оправдывать перераспределительную политику, аналогичную той, что предусмотрена оговоркой достаточности, за исключением большей чувствительности к ответственности [Mack, 2006, p. 111–112].

с фоновым принципом, таким как оговорка о практике. Но, как отмечалось, у нас нет оснований в пользу достаточностного принципа перед эгалитарным или максиминным. Локкеанское решение состоит в том, чтобы ограничить акты присвоения эгалитарным образом, потому что в таком случае никто не сможет обоснованно жаловаться на сокращение его агентности, так как все получат права на равные объёмы присвоений. До тех пор пока такое присвоение будет равным, одностороннее наложение обязательств будет взаимным, что сводит на нет его проблематичность.

Заключение

Таким образом, Вендт оказывается перед некоторой дилеммой. Он может сохранить приоритет исторической справедливости вместе с оговоркой достаточности *о практике*, но только если дополнит последнюю эгалитарной оговоркой *о присвоении*. Такой синтез эгалитарных и достаточностных соображений является перспективным подходом к распределительной справедливости [Морозов, 2022, с. 44], потому что позволяет разрешить многие затруднения, с которыми сталкиваются стандартные версии эгалитарных и достаточностных теорий¹⁹.

Однако Вендт также может отвергнуть акцент на исторической справедливости, признав приоритет фоновой справедливости. Но в таком случае Вендту придётся отказаться от оговорки достаточности и использовать более эгалитарное ограничение, встроенное в практику собственности. И сохраняя свою приверженность аргументу от стремления к проектам, как и самопринадлежности, Вендт может выбрать принцип взаимности [Ролз, 2006, с. 46; Intripi, 2024, р. 24]. Согласно ему, все, кто вносят справедливый вклад в поддержание какой-либо кооперативной практики, имеют право на эгалитарное (или максиминное) распределение выгод от этой практики. Принцип взаимности избегает проблем, с которыми сталкивается оговорка достаточности, наследуя при этом обоснование от стремления к проектам и принимая всерьёз потребности нуждающихся.

Список литературы

- Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм / Сост. Л. Б. Макеева. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 44–75.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–276.
- Локк Дж. Два трактата о правлении. М.; Челябинск: Социум, 2020.
- Морозов К. Е. Оговорка Локка и базовый доход // Проблемы этики. 2022. № 11. С. 29–46.
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.; Челябинск: Социум, 2020.

¹⁹ Именно такую форму либертарианства разрабатывает Оссенблук [Ossenblok, 2017]. Зволински также сочетает левое либертарианство с принципом достаточности, основанным на хайкеианской концепции свободы. См.: A moral case for Universal Basic Income (July/August 2020). The Critic. URL: <https://thecritic.co.uk/issues/july-august-2020/money-for-nothing-2/> (дата обращения 14.05.2024). Разделение областей справедливости на «базовые нужды» и «равенство удачи» в теории Тана имеет схожий характер, хотя Тан не либертарианец [Tan, 2012, р. 119–126].

- Прокофьев А. В.** Эгоизм, кооперация и обоснование морали // *Философия и общество*. 2021. Т. 100. № 3. С. 86–105. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.05
- Ролз Дж.** Справедливость как честность // *Логос*. 2006. Т. 52. № 1. С. 35–60.
- Рэнд А.** Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина Паблишерз, 2011.
- Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм — это гуманизм // *Сумерки богов* / Сост. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
- Середа Д. С.** Эгалитаризм удачи: два направления критики // *Социологическое обозрение*. 2021. Т. 20. № 2. С. 273–289. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-2-273-289
- Фридман М.** Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.
- Хайек Ф. А.** Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Чалый В. А.** Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика // *Кантовский сборник*. 2014. № 2. С. 46–52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4
- Arthur J.** Resource Acquisition and Harm // *Canadian Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 17. No. 2. P. 337–347. DOI: 10.1080/00455091.1987.10716439
- Block W.** Illiberal Libertarians: Why Libertarianism Is Not a Liberal View, and a Good Thing Too: Reply to Samuel Freeman // *Journal of Libertarian Studies*. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 537–580.
- Casal P.** Why Sufficiency Is Not Enough // *Ethics*. 2007. Vol. 117. No. 2. P. 296–326. DOI: 10.1086/510692
- Chartier G.** Anarchy and Legal Order: Law and Politics for a Stateless Society. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Christmas B.** Property and Justice: A Liberal Theory of Natural Rights. N. Y.: Routledge, 2021. DOI: 10.4324/9780429297250
- Cohen A.** A Bleeding Heart Libertarian View of Inequality // *Ethics in Practice: An Anthology* / Ed. by H. LaFollette. Hoboken: John Wiley & Sons, 2020. P. 598–610.
- Dworkin R.** The Original Position // *Reading Rawls* / Ed. by N. Daniels. N. Y.: Basic Books, 1975. P. 16–53.
- Epstein R.** Principles for A Free Society: Reconciling Individual Liberty with The Common Good. N. Y.: Perseus Books, 2009.
- Frankfurt H.** Equality as a Moral Ideal // *The Importance of What We Care About*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 134–158. DOI: 10.1017/CBO9780511818172.012
- Freeman S.** Illiberal Libertarians: Why Libertarianism Is Not a Liberal View // *Liberalism and Distributive Justice*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 62–104. DOI: 10.1093/oso/9780190699260.003.0003
- Fried B.** The Unwritten Theory of Justice: Rawlsian Liberalism versus Libertarianism // *Facing Up to Scarcity: The Logic and Limits of Nonconsequentialist Thought*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. P. 155–175. DOI: 10.1093/oso/9780198847878.003.0009
- Fried C.** Liberalism, Community, and the Objectivity of Values // *Harvard Law Review*. 1983. Vol. 96. No. 4. P. 960–968. DOI: 10.2307/1340911
- Fukuhara A.** Sufficientarian-Libertarianism and Basic Income // *Revue de Philosophie Économique*. 2019. Vol. 20. No. 1. P. 35–61. DOI: 10.3917/rpec.201.0035
- Gauthier D.** *Morals by Agreement*. Oxford: Clarendon Press, 1986.

- Gosseries A.** Left-Libertarianism and Left-Hobbesianism // *Revista Portuguesa de Filosofia*. 2009. Vol. 65. No. 1/4. P. 197–215.
- Intropi P.** Reciprocal Libertarianism // *European Journal of Political Theory*. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 23–43. DOI: 10.1177/14748851221099659
- Kershnar S.** Private Property Rights and Autonomy // *Public Affairs Quarterly*. 2002. Vol. 16. P. 231–258.
- Kuznicki J.** Kantianism // *Arguments for Liberty* / Eds. By A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC: Cato Institute, 2016. P. 87–122.
- Lomasky L.** Libertarianism at Twin Harvard // *Social Philosophy and Policy*. 2005. Vol. 22. No. 1. P. 178–199. DOI: 10.1017/s0265052505041075
- Lomasky L.** *Persons, Rights, and the Moral Community*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1987. DOI: 10.2307/2185358
- Mack E.** Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation // *Social Philosophy and Policy*. 2006. Vol. 23. No. 2. P. 109–141. DOI: 10.1017/s0265052506060195
- Mack E.** Scanlon as Natural Rights Theorist // *Politics, Philosophy and Economics*. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 45–73. DOI: 10.1177/1470594x07073004
- Mack E.** The Natural Right of Property // *Social Philosophy and Policy*. 2010. Vol. 27. P. 53–78. DOI: 10.1017/s0265052509990033
- Mack E.** The Self-Ownership Proviso: A New and Improved Lockean Proviso // *Social Philosophy and Policy*. 1995. Vol. 12. No. 1. P. 186–218. DOI: 10.1017/S0265052500004611
- Ossenblok K.** *Self-Ownership and World-Ownership: A Quest for Plausible Libertarianism*: PhD Diss. in Political Science. Ghent, 2017.
- Otsuka M.** Appropriating Lockean Appropriation on Behalf of Equality // *Property Theory: Legal and Political Perspectives* / Eds. by M. Otsuka, J. Penner. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. P. 121–137.
- Otsuka M.** *Libertarianism without Inequality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Rasmussen D., Den Uyl D.** *Norms of Liberty: A Perfectionist Basis for Non-Perfectionist Politics*. State College: Pennsylvania State Univ. Press, 2005.
- Sanders J.** Projects and Property // *Robert Nozick* / Ed. by D. Schmidtz. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. P. 34–58.
- Scanlon T.** *Why Does Inequality Matter?* Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780198812692.001.0001
- Simmons A.** *The Lockean Theory of Rights*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992.
- Steiner H.** *An Essay on Rights*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Steiner H., Vallentyne P.** Libertarian Theories of Intergenerational Justice // *Intergenerational Justice* / Eds. by A. Gosseries, L. H. Meyer. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 50–76. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199282951.003.0003
- Suprenant C.** Kant's Liberalism // *The Routledge Handbook of Libertarianism* / Eds. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y.: Routledge, 2018. P. 68–76.
- Tan K.-C.** Defending Luck Egalitarianism // *Justice, Institutions, and Luck: The Site, Ground, and Scope of Equality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 116–146. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199588855.003.0005
- Tomasi J.** *Free Market Fairness*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2012.

- Tosi J.** Relational Sufficiency and Basic Income // *The Future of Work, Technology, and Basic Income* / Eds. by M. Cholbi, M. Weber. N. Y.: Routledge, 2019. P. 49–61.
- Vallentyne P.** Libertarianism and the Justice of a Basic Income // *Basic Income Studies*. 2011. Vol. 6. No. 2. P. 1–11. DOI: 10.1515/1932-0183.1224
- Vallentyne P., Mazor J.** Libertarianism, Left and Right // *The Oxford Handbook of Distributive Justice* / Ed. by S. Olsaretti. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 129–151. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199645121.013.3
- Vallier K.** Rawlsianism // *Arguments for Liberty* / Eds. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC: Cato Institute, 2016. P. 161–202.
- Van der Vossen B.** Imposing Duties and Original Appropriation // *Journal of Political Philosophy*. 2015. Vol. 63. No. 1. P. 64–85. DOI: 10.1111/jopp.12029
- Van der Vossen B., Brennan J.** The Myths of the Self-Ownership Thesis // *The Routledge Handbook of Libertarianism* / Eds. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y.: Routledge, 2018. P. 199–211.
- Wendt F.** Strukturelle Gerechtigkeit und das Lockesche Proviso // *Der Minimalstaat: Zum Staatsverständnis von Robert Nozick* / Hrsg. B. Knoll. Baden-Baden: Nomos, 2018a. S. 101–122. DOI: 10.5771/9783845292946-101
- Wendt F.** Taxation and the Moral Authority of Conventions // *Social Philosophy and Policy*. 2022a. Vol. 39. No. 1. P. 118–138. DOI: 10.1017/s0265052523000134
- Wendt F.** The Project Pursuit Argument for Self-Ownership and Private Property // *Social Theory and Practice*. 2022b. Vol. 48. No. 3. P. 583–605. DOI: 10.5840/soctheorpract2022531165
- Wendt F.** The Sufficiency Proviso // *The Routledge Handbook of Libertarianism* / Eds. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y.: Routledge, 2018b. P. 169–183.
- Wendt F.** Three Types of Sufficiency Libertarianism // *Res Publica*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 301–318. DOI: 10.1007/s11158-018-9400-y

References

- Arthur J.** Resource Acquisition and Harm // *Canadian Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 17. No. 2. P. 337–347. DOI: 10.1080/00455091.1987.10716439
- Block W.** Illiberal Libertarians: Why Libertarianism Is Not a Liberal View, and a Good Thing Too: Reply to Samuel Freeman // *Journal of Libertarian Studies*. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 537–580.
- Casal P.** Why Sufficiency Is Not Enough // *Ethics*. 2007. Vol. 117. No. 2. P. 296–326. DOI: 10.1086/510692
- Chaly V. A.** Kant's Philosophical Ideas in Robert Nozick's Political Theory // *Kantovskii sbornik*. 2014. No. 2. P. 46–52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4 (in Russian)
- Chartier G.** Anarchy and Legal Order: Law and Politics for a Stateless Society. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Christmas B.** Property and Justice: A Liberal Theory of Natural Rights. N. Y.: Routledge, 2021. DOI: 10.4324/9780429297250
- Cohen A.** A Bleeding Heart Libertarian View of Inequality // *Ethics in Practice: An Anthology* / Ed. by H. LaFollette. Hoboken: John Wiley & Sons, 2020. P. 598–610.

- Dworkin R.** Liberalism // Contemporary Liberalism / Ed. by L. B. Makeeva. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, Progress-Traditsiya, 1998. P. 44–75. (in Russian)
- Dworkin R.** The Original Position // Reading Rawls / Ed. by N. Daniels. N. Y.: Basic Books, 1975. P. 16–53.
- Epstein R.** Principles for A Free Society: Reconciling Individual Liberty with The Common Good. N. Y.: Perseus Books, 2009.
- Frankfurt H.** Equality as a Moral Ideal // The Importance of What We Care About. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 134–158. DOI: 10.1017/CBO9780511818172.012
- Freeman S.** Illiberal Libertarians: Why Libertarianism Is Not a Liberal View // Liberalism and Distributive Justice. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 62–104. DOI: 10.1093/oso/9780190699260.003.0003
- Fried B.** The Unwritten *Theory of Justice*: Rawlsian Liberalism versus Libertarianism // Facing Up to Scarcity: The Logic and Limits of Nonconsequentialist Thought. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. P. 155–175. DOI: 10.1093/oso/9780198847878.003.0009
- Fried C.** Liberalism, Community, and the Objectivity of Values // Harvard Law Review. 1983. Vol. 96. No. 4. P. 960–968. DOI: 10.2307/1340911
- Friedman M.** Capitalism and Freedom. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. (in Russian)
- Fukuhara A.** Sufficientarian-Libertarianism and Basic Income // Revue de Philosophie Économique. 2019. Vol. 20. No. 1. P. 35–61. DOI: 10.3917/rpec.201.0035
- Gauthier D.** Morals by Agreement. Oxford: Clarendon Press, 1986.
- Gosseries A.** Left-Libertarianism and Left-Hobbesianism // Revista Portuguesa de Filosofia. 2009. Vol. 65. No. 1/4. P. 197–215.
- Hayek F.** Law, Legislation, and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Moscow: IRISEN, 2006. (in Russian)
- Intropi P.** Reciprocal Libertarianism // European Journal of Political Theory. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 23–43. DOI: 10.1177/14748851221099659
- Kant I.** Groundwork of the Metaphysics of Morals // Works in 4 volumes in German and Russian languages. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, 1997. Vol. 3. P. 39–276. (in Russian)
- Kershnar S.** Private Property Rights and Autonomy // Public Affairs Quarterly. 2002. Vol. 16. P. 231–258.
- Kuznicki J.** Kantianism // Arguments for Liberty / Eds. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC: Cato Institute, 2016. P. 87–122.
- Locke J.** Two Treatises of Government. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium, 2020. (in Russian)
- Lomasky L.** Libertarianism at Twin Harvard // Social Philosophy and Policy. 2005. Vol. 22. No. 1. P. 178–199. DOI: 10.1017/s0265052505041075
- Lomasky L.** Persons, Rights, and the Moral Community. Oxford: Oxford Univ. Press, 1987. DOI: 10.2307/2185358
- Mack E.** Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation // Social Philosophy and Policy. 2006. Vol. 23. No. 2. P. 109–141. DOI: 10.1017/s0265052506060195
- Mack E.** Scanlon as Natural Rights Theorist // Politics, Philosophy and Economics. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 45–73. DOI: 10.1177/1470594x07073004

- Mack E.** The Natural Right of Property // *Social Philosophy and Policy*. 2010. Vol. 27. P. 53–78. DOI: 10.1017/s0265052509990033
- Mack E.** The Self-Ownership Proviso: A New and Improved Lockean Proviso // *Social Philosophy and Policy*. 1995. Vol. 12. No. 1. P. 186–218. DOI: 10.1017/S0265052500004611
- Morozov K. E.** Lockean Proviso and Basic Income // *Problemy etiki*. 2022. No. 11. P. 29–46. (in Russian)
- Nozick R.** *Anarchy, State, and Utopia*. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium, 2020. (in Russian)
- Ossenblok K.** *Self-Ownership and World-Ownership: A Quest for Plausible Libertarianism*: PhD Diss. in Political Science. Ghent, 2017.
- Otsuka M.** Appropriating Lockean Appropriation on Behalf of Equality // *Property Theory: Legal and Political Perspectives* / Eds. by M. Otsuka, J. Penner. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. P. 121–137.
- Otsuka M.** *Libertarianism without Inequality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Prokofyev A. V.** Egoism, Cooperation, and the Justification of Morality // *Filosofiya i obshchestvo*. 2021. Vol. 100. No. 3. P. 86–105. DOI: 10.30884/jfo/2021.03.05 (in Russian)
- Rand A.** *Capitalism: The Unknown Ideal*. Moscow: Alpina Publishers, 2011. (in Russian)
- Rasmussen D., Den Uyl D.** *Norms of Liberty: A Perfectionist Basis for Non-Perfectionist Politics*. State College: Pennsylvania State Univ. Press, 2005.
- Rawls J.** Justice as Fairness // *Logos*. 2006. Vol. 52. No. 1. P. 35–60. (in Russian)
- Sanders J.** Projects and Property // *Robert Nozick* / Ed. by D. Schmidtz. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. P. 34–58.
- Sartre J.-P.** Existentialism is a Humanism // *Twilight of the Gods* / Ed. by A. A. Yakovleva. Moscow: Politizdat, 1990. P. 319–344. (in Russian)
- Scanlon T.** *Why Does Inequality Matter?* Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780198812692.001.0001
- Sereda D. S.** Luck Egalitarianism: Two Lines of Critique // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2021. Vol. 20. No. 2. P. 273–289. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-2-273-289 (in Russian)
- Simmons A.** *The Lockean Theory of Rights*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992.
- Steiner H.** *An Essay on Rights*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Steiner H., Vallentyne P.** Libertarian Theories of Intergenerational Justice // *Intergenerational Justice* / Eds. by A. Gosseries, L. H. Meyer. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 50–76. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199282951.003.0003
- Suprenant C.** Kant's Liberalism // *The Routledge Handbook of Libertarianism* / Eds. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y.: Routledge, 2018. P. 68–76.
- Tan K.-C.** Defending Luck Egalitarianism // *Justice, Institutions, and Luck: The Site, Ground, and Scope of Equality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 116–146. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199588855.003.0005
- Tomasi J.** *Free Market Fairness*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2012.
- Tosi J.** Relational Sufficiency and Basic Income // *The Future of Work, Technology, and Basic Income* / Eds. by M. Cholbi, M. Weber. N. Y.: Routledge, 2019. P. 49–61.

- Vallentyne P.** Libertarianism and the Justice of a Basic Income // Basic Income Studies. 2011. Vol. 6. No. 2. P. 1–11. DOI: 10.1515/1932-0183.1224
- Vallentyne P., Mazor J.** Libertarianism, Left and Right // The Oxford Handbook of Distributive Justice / Ed. by S. Olsaretti. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 129–151. DOI: 10.1093/oxfordhdb/9780199645121.013.3
- Vallier K.** Rawlsianism // Arguments for Liberty / Eds. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC: Cato Institute, 2016. P. 161–202.
- Van der Vossen B.** Imposing Duties and Original Appropriation // Journal of Political Philosophy. 2015. Vol. 63. No. 1. P. 64–85. DOI: 10.1111/jopp.12029
- Van der Vossen B., Brennan J.** The Myths of the Self-Ownership Thesis // The Routledge Handbook of Libertarianism / Eds. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y.: Routledge, 2018. P. 199–211.
- Wendt F.** Strukturelle Gerechtigkeit und das Lockesche Proviso // Der Minimalstaat: Zum Staatsverständnis von Robert Nozick / Hrsg. B. Knoll. Baden-Baden: Nomos, 2018a. S. 101–122. DOI: 10.5771/9783845292946-101 (in German)
- Wendt F.** Taxation and the Moral Authority of Conventions // Social Philosophy and Policy. 2022a. Vol. 39. No. 1. P. 118–138. DOI: 10.1017/s0265052523000134
- Wendt F.** The Project Pursuit Argument for Self-Ownership and Private Property // Social Theory and Practice. 2022b. Vol. 48. No. 3. P. 583–605. DOI: 10.5840/soctheorpract2022531165
- Wendt F.** The Sufficiency Proviso // The Routledge Handbook of Libertarianism / Eds. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y.: Routledge, 2018b. P. 169–183.
- Wendt F.** Three Types of Sufficierian Libertarianism // Res Publica. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 301–318. DOI: 10.1007/s11158-018-9400-y

Информация об авторе

Морозов Константин Евгеньевич

¹аспирант кафедры этики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

²младший научный сотрудник, Институт философии РАН

Information about the Author

Konstantin E. Morozov

¹PhD student, Department of Ethics, Lomonosov Moscow State University;

²Junior Research Fellow, RAS Institute of Philosophy

Статья поступила в редколлегию 14.04.2024;

одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 28.05.2024

The article was submitted 14.04.2024;

approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 28.05.2024

Научная статья

УДК 316.776

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-66-78

Виртуальная коммуникация и подходы к ее изучению

Маргарита Дмитриевна Бачило

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

margarita.zabrodina@gmail.com

Аннотация

В статье представлен обзор и содержательный анализ социально-гуманитарных исследований, посвященных виртуальной коммуникации. Определен круг актуальных проблем, связанных с распространением виртуальной коммуникации: отсутствие общепринятого понимания сущности виртуальной коммуникации и, как следствие, отсутствие единого определения; наличие разнообразных несогласованных методологических подходов к ее изучению; рост количества узкоспециализированных исследований виртуальной коммуникации в психологии, социологии, педагогике и др. Предложен междисциплинарный критерий дифференциации существующих подходов к анализу виртуальной коммуникации, суть которого в определении и выявлении приоритетной направленности влияния виртуальной коммуникации: на общество или на личность. Проанализированы работы по каждому из направлений, охарактеризованы субъекты влияния виртуальной коммуникации, а также прослежены результаты данного влияния.

Ключевые слова

интернет-коммуникация, Интернет, социальные сети, межличностная коммуникация, массовая коммуникация, цифровизация, виртуальная идентичность

Для цитирования

Бачило М. Д. Виртуальная коммуникация и подходы к ее изучению // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 66–78. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-66-78

A socio-philosophical analysis of virtual communication

Margarita D. Bachilo

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia*

margarita.zabrodina@gmail.com

© Бачило М. Д., 2024

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2024, vol. 22, no 2

Abstract

The article presents a review and substantive analysis of socio-humanitarian studies devoted to virtual communication. The range of topical problems related to the spread of virtual communication is defined: the lack of a generally accepted understanding of the essence of virtual communication and, as a consequence, the lack of a single definition; the presence of a variety of inconsistent methodological approaches to its study; the growing number of highly specialized studies of virtual communication in psychology, sociology, pedagogy and others. An interdisciplinary criterion of differentiation of existing approaches to the analysis of virtual communication is proposed, the essence of which is to determine and identify the priority direction of the influence of virtual communication: on society or on the individual. We analyze the work on each of the directions, characterize the subjects of influence of virtual communication, and trace the results of this influence.

Keywords

Internet communication, Internet, social networks, interpersonal communication, mass communication, digitalization, virtual identity

For citation

Bachilo M. D. A socio-philosophical analysis of virtual communication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 66–78. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-66-78

Функционирование современного общества неразрывно связано с использованием информационных технологий в экономической, политико-правовой, социальной сферах. Цифровизация экономики является обязательным условием конкурентоспособности, так как позволяет оптимизировать логистические и производственные процессы, снизить расход ресурсов и производственных потерь. Практически во всех областях осуществляется внедрение автоматизированных систем управления технологическими процессами. В политико-правовой сфере происходят кардинальные изменения, вызванные необходимостью правового ответа на возрастающую угрозу кибератак, распространения даркнета и компьютерных преступлений. Процесс государственного управления, избирательный процесс, реализация прав человека – все это в последние десятилетия также осуществляется с использованием цифровых технологий. В образовательной сфере происходит активное внедрение дистанционных форматов практически на всех уровнях и во всех сферах обучения.

Формирование и развитие информационного общества неразрывно связано с использованием Интернета в личных целях. Количество интернет-пользователей в мире на январь 2024 года составило 5,35 млрд человек, согласно отчету Global Digital, что составило 66,2 % от всего населения мира ¹. В России проникновение Интернета составляет 90,4 % и за 2023 год увеличилось на 2,2 % ².

Средний российский пользователь проводит онлайн в среднем восемь часов двадцать одну минуту в день ³. Рост количества индивидуальных пользователей и времени, проводимом в Интернете, начиная с 2020 года во многом обусловлен пандемией COVID-19, поскольку возросло количество тех, кто стал использовать

¹ См.: Kemp S. Digital 2024: Global Overview Report (31 января 2024) // DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 02.04.2024)

² Там же.

³ Там же.

Интернет для межличностного общения, решения своих задач в области образования, здравоохранения и т. д.⁴

Процесс цифровизации изменил не только различные сферы функционирования современного общества, он также оказал и оказывает влияние как на саму структуру общества, так и на социальные группы и отдельных людей. Об актуальности изучения этих вопросов свидетельствует рост количества литературы, посвященной различным аспектам цифровизации. Как показал анализ обзорных публикаций⁵ российских [Белинская, Жичкина, 2000; Рыков, Нагорный, 2017; Шашкина и др., 2012] и зарубежных авторов [Bakardjieva, 2011; DiMaggio et al., 2001; Dutton, 2013; Fielden, Garrido, 1998; Fowley et al., 2013; Peng et al., 2013], наиболее активно обсуждаются проблемы, связанные с трансформацией социальной структуры общества вследствие цифровизации; изменением процесса образования; разработкой онлайн-инструментария в области здравоохранения и практической медицины; решением правовых проблем, и некоторые другие. Постановка и активное изучение данных проблем свидетельствуют о том, что, с одной стороны, происходит активная цифровизация различных областей функционирования общества, с другой, многие проблемы, возникающий в рамках данного процесса, остаются нерешенными.

Одним из сравнительно новых направлений в осмыслении процесса цифровизации общества, его влияния на настоящее и будущее является исследование виртуальной коммуникации. Важность изучения именно этого направления обусловлена тем, что в современном обществе Интернет функционирует как одно из основных пространств всех видов коммуникации: межличностной, межгрупповой, массовой. В контексте исследований виртуальной коммуникации обсуждается широкий круг вопросов: особенности языка виртуальной коммуникации, ее влияние на личность коммуникаторов, вопросы кибербезопасности и т. д. Данные исследования преимущественно связаны с решением конкретных проблем. Однако многие теоретико-методологические вопросы, как справедливо отмечают Е.П. Белинская и А.Е. Жичкина, остаются нерешенными [Белинская, Жичкина, 2000, с. 396]. И одним из таких вопросов (а может быть, одним из главных нерешенных вопросов) является вопрос о том, что такое виртуальная коммуникация.

Одним из способов ответить на данный вопрос является анализ существующих представлений о виртуальной коммуникации, систематизация методологических подходов к ее пониманию, их сравнительный анализ, а также определение круга актуальных теоретических и практических проблем, связанных с виртуальной коммуникацией. Полученные результаты могут стать основанием для разработки теоретико-методологических принципов изучения виртуальной коммуникации в целом, для решения частных вопросов, связанных с виртуальной коммуникацией, а также для рассмотрения более общих проблем цифровизации

⁴ См.: Всеобщий охват цифровыми технологиями (Ноябрь 2023) // International Telecommunication Union. URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-all.aspx> (дата обращения: 25.12.2023)

⁵ Обзорная публикация – один из видов научных текстов, целью которого является знакомство читателя с обобщенной информацией по выбранному вопросу, который создан на основе анализа и систематизации большого количества первоисточников.

общества. Далее представлен авторский подход к классификации исследований, посвященных различным вопросам виртуальной коммуникации.

Одна из основных сложностей, связанных с обзором и систематизацией исследований, посвященных виртуальной коммуникации, заключается в отсутствии ее единого понимания. Как уже было отмечено выше, несмотря на то что виртуальная коммуникация достаточно активно изучается в течение последних двадцати лет, до настоящего времени отсутствует как единое понимание того, чем она является, так и методологические подходы к ее изучению. Более того, как показал проведенный понятийный анализ, отсутствует согласованное понимание того, как соотносятся (и соотносятся ли вообще) понятия, близкие по содержанию понятию виртуальная коммуникация: интернет-коммуникация, онлайн-коммуникация, онлайн-общение и другие.

Из существующих определений виртуальной коммуникации наиболее корректным является определение, предложенное Л.В. Баевой: виртуальная коммуникация – «форма общения между людьми, осуществляемая посредством информационных технологий, без личного контакта, на удаленных расстояниях, служащая как задачам традиционной формы общения, так и выполняющая новые функции» [Баева, 2014, с. 6]. Такое понимание позволяет однозначно специфицировать виртуальную коммуникацию, отделить ее от других видов коммуникации. К достоинствам данного варианта также относится указание на новые функции, которые она выполняет. В то же время автор не конкретизирует какие именно задачи являются «традиционными», а какие – «новыми».

Анализ работ, посвященных виртуальной коммуникации, показал, что к «традиционным функциям» виртуальной коммуникации авторы относят обмен информацией, социализацию, регуляцию эмоций и др. [Алтухова, Лебедева, 2012, с. 107] К «новым функциям» – формирование репутации, персональную самоидентификацию, создание новых образов себя и др. [Болдонова, Цыденова, 2014, с. 48]. Перечень «традиционных» и «новых» функций виртуальной коммуникации может быть продолжен, более того, он отличается в разных работах, посвященных виртуальной коммуникации. Все это свидетельствует о том, что выявление и перечисление функций не раскрывает полностью содержание виртуальной коммуникации. Сложившаяся ситуация обусловлена рядом причин.

Во-первых, само понятие виртуальной коммуникации не определено окончательно, следовательно, функции не могут быть конкретизированы. Например, не решен вопрос об объеме понятия «виртуальная коммуникация» и его соотношении с понятиями «виртуальное общение» или «виртуальное взаимодействие».

Во-вторых, виртуальная коммуникация и проблемы, связанные с ней, относятся к области междисциплинарных исследований. Это приводит к тому, что различные области социально-гуманитарного познания акцентируют «свои» функции. В рамках социологии – изменение поведенческих привычек людей и формирование новых социальных страт, в психологии – влияние на психоэмоциональную сферу участников, в педагогике – образовательный потенциал данной коммуникации и вопросы поведенческой коррекции обучающихся и т. д.

Более продуктивным представляется анализ существующих методологических подходов к изучению виртуальной коммуникации, то есть ответ на вопрос

о том, с каких методологических позиций анализируют виртуальную реальность представители разных областей социально-гуманитарного познания.

Все исследования, посвященные виртуальной коммуникации, возможно разделить на две большие группы, первая из которых изучает влияние виртуальной коммуникации на общество, а вторая – на личность. Следует отметить, что и в первом, и во втором вариантах речь не идет о полной абсолютизации ее влияния на общество либо на личность, а именно о том, на что в первую очередь и в основном влияет виртуальная коммуникация.

В рамках первого направления виртуальная коммуникация рассматривается как один из коммуникативных процессов во взаимосвязи с другим социальными процессами. Следствием виртуальной коммуникации становится замена реальных вещей и поступков образами, симуляциями в различных сферах жизнедеятельности общества, виртуализация власти и социальных институтов

А. Бюль, немецкий социолог, один из первых разрабатывал тему виртуализации общества. В работе «Виртуальное общество. Экономика, политика и культура под знаком киберпространства» [Bühl, 1997] он определил виртуальное общество с позиции исторического материализма как «общество, в котором производство, распределение и коммуникация в основном происходят в виртуальных пространствах, в киберпространстве» [Ibid., 1997, p. 11]. Виртуальное общество не просто взаимосвязано с реально существующим обществом, оно стремится его «вытеснить», однако никогда полностью его не заменит. «Новое» виртуальное общество влияет на коммуникацию и формирует такие ее характеристики, как открытость, фрагментарность и изолированность [Ibid., p. 86].

Определяющую роль в рамках первого подхода к пониманию сущности виртуальной коммуникации, то есть определению ее влияния на общество, сыграла работа канадских исследователей А. Крокера и М. Вэйнштейна «Теория виртуального класса» [Kroker, Weinstein, 1994]. Авторы анализируют влияние интернет-коммуникации на социальную стратификацию общества и обосновывают появление нового «виртуального класса» как следствие развития интернет-технологий. В рамках исследования показано преобладание виртуальной коммуникации над традиционными СМИ. Это проявляется не только в росте количества пользователей социальных сетей и других коммуникационных площадок, но и в том, что виртуальная реальность стала пространством, в котором ведутся экономические битвы и осуществляется политическое противостояние.

Еще один подход к пониманию сущности виртуальной коммуникации представлен М. Кастельсом в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [Кастельс, 2000]. Автор «выводит» свое понимание виртуальной коммуникации на основе более общих характеристик виртуальной реальности. Кастельс, развивая идеи Р. Барта и Ж. Бодрияра, определяет виртуальную реальность как одно из символических отображений, которое не отделимо от той реальности, которая ее продуцирует. Особенность формирования виртуальной реальности заключается в том, что она формируется как система, «в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена <...> в мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся

опытом» [Кастельс, 2000, с. 351–352]. Виртуальная коммуникация в какой-то мере выполняет роль средства формирования виртуальной реальности. Виртуальная коммуникация имеет всеобъемлющий характер, что позволяет ей отображать человеческий опыт во всей его целостности.

Кастельс также описывает влияние виртуальной реальности на «реальную реальность», что проявляется в двух основных вариантах. В первом, она ослабляет механизмы воздействия на общество и социальные процессы, происходящие в нем в таких традиционных областях, как религия, политика, экономика и др. Второй вариант воздействия виртуальной реальности на общество проявляется в том, что она *«радикально трансформирует пространство и время»* [Там же, с. 353]. Многие явления (например, географические местности), процессы (например, обучение) в жизни общества, будучи перенесенными на виртуальные площадки, меняют свою форму, переосмысливаются и пересоздаются по законам виртуальной реальности, где не существует пространства и времени в традиционном понимании. В результате появляется новый фундамент материальной культуры – *«пространство потоков и вневременного времени»* [Там же, с. 353].

Идеи Кастельса, высказанные в книге «Информационная эпоха», приобретают особую актуальность в связи с развитием социальных сетей. Особенно явно это проявляется на платформах, которые специализируются на размещении визуального контента (фотографий, коллажей, изображений, сгенерированных нейросетями). Автор, публикующий графический контент, зачастую не ставит перед собой цель передать суть реального объекта, а старается создать несуществующий целостный образ, где реальный прототип выступает лишь отправной точкой для создания улучшенной копии.

Еще более актуальными в современности являются идеи американского футуролога Э. Тоффлера, которые зафиксировал стремительные общественные изменения в конце XX века и связал их с всепроникающим характером виртуальной коммуникации. Эта тенденция, наряду с экспоненциальным темпом наращивания технологических мощностей, с ростом объема доступной информации и расширяющимся потребительским выбором сформировали информационное общество, *«...новое общество. Не общество, слегка измененное. Не новую версию сегодняшнего “больше, чем жизнь” общества. А совершенно новое общество»* [Тоффлер, 2002, с. 206]. Оно, несмотря на возрастающее количество инструментов передачи традиций, теряет связь с прошлым: *«Мы отрезали себя от старых способов мышления, восприятия и адаптаций. Мы расчистили сцену совершенно новому обществу и теперь устремляемся к нему»* [Там же, с. 29]. Конечно, путь к новому обществу проложен не только виртуальной коммуникацией, но она, по мнению автора, играет одну из ключевых ролей в этом процессе.

Подводя итог обзору исследований направления, в рамках которого рассматривается влияние виртуальной коммуникации на общество в целом, следует отметить то общее, что характерно всем работам: всепроникающий характер виртуальной коммуникации, существенные изменения реальной коммуникации и «реального общества». Несмотря на то что рассмотренные выше работы были написаны более 15 лет назад, они остаются актуальными в современности и про-

должаются в более поздних работах отечественных [Бреслер, 2020; Володенков, 2023 и др.] и зарубежных авторов [O'Neill, 2022; Serres, 2015 и др.]

В таблице, приведенной ниже, кратко представлены основные тезисы авторов первого подхода.

Автор	Сфера влияния	Субъект влияния	Результат влияния
А. Бюль	Общество	Виртуальное общество	Вытеснение реального общества виртуальным
А. Крокер и М. Вайнштейн	Общество	Виртуальный класс	Изменение стратификации общества, появление виртуальных элит
М. Кастельс	Общество и личность	Виртуальная реальность	Ослабление традиционных механизмов (религия, власть и др.), трансформация пространства-времени
Э. Тоффлер	Общество	Информационное общество	Шок культуры: потеря связи с прошлым в культуре

Второй подход к пониманию виртуальной коммуникации раскрывает ее сущность через влияние, которое она оказывает на людей, участников коммуникации, на их ролевое поведение, социальный статус, идентичность и др. Авторы, придерживающиеся данного подхода, отмечают, что меняются сами принципы коммуникации, а именно структура групповых взаимодействий, ожидаемые поведенческие паттерны участников коммуникации и др.

Виртуальная коммуникация выстраивается на принципах, которые отличаются от основ традиционной коммуникации. Во-первых, в рамках виртуальной коммуникации происходит разрушение социальной иерархии и формируется новый тип коммуникативных отношений, в котором соблюдается равенство коммуникантов. На место социальных групп приходят «индивидуализированные социальные сети» [Wellman, 2001]. В них у каждого члена сообщества расширяется выбор среды, в которой он может принять участие; снижается роль «аскриптивных» характеристик (пол, возраст, раса и т. д.) и повышается роль «достигнутых» характеристик (интересы, образ жизни, поддерживаемые нормы и т. д.); усиливается роль «сквозных связей», которые связывают и интегрируют, а не изолируют социальную среду [Там же, р. 234].

В связи с искажением или утратой личностных характеристик пользователей в рамках виртуальной коммуникации утрачивается значение социальных ролей, которые были присвоены пользователям в реальной жизни, или же тех, которые

они сами себе присваивали. Новый межролевой (role-to-role) тип взаимодействия приводит к тому, что в ситуации поиска информации человек может обратиться не только к члену сообщества, с которыми у него установлены «сильные» связи, но и к членам, с которыми есть только «слабые» связи, которые являются участниками других сообществ и, соответственно, имеют доступ и сами являются источниками другой информации. «Отсутствие социальных и физических признаков в Интернете затрудняет выяснение того, обладает ли другой член онлайн-сообщества схожими социальными характеристиками или привлекательными физическими характеристиками. Это позволяет ролевым отношениям развиваться на основе общих интересов, а не тормозиться с самого начала различиями в социальном статусе» [Wellman, 2001, p. 246].

Однако исследователи по-разному оценивают трансформацию социальной иерархии в процессе виртуальной коммуникации. В отличие от Вэллмана, который подчеркивает снижение влияние социальных статусов, австралийская социолог Э. Рид наоборот отмечает наличие строгой социальной иерархии в игровых приложениях и сообществах. Социальный статус в этих виртуальных группах зависит от способностей пользователей манипулировать элементами виртуальной среды: создавать контент, наделять или ограничивать права других пользователей, вводить новые возможности. Иерархия, которая формируется уже в самых ранних виртуальных сообществах, строится на принципах, по которым «более высокий статус соответствует большему контролю над виртуальным миром <...> и большей способности обогащать эту систему» [Reid, 1999, p. 118]. Таким образом, при виртуальной коммуникации формируется то, что Рид называет «иерархией власти», и в каждом отдельном сообществе появляется своя элита, обладающая большими возможностями, чем другие члены того же сообщества.

Американский исследователь коммуникаций А. Шоу в своей работе [Shaw, 2012] также, как и Рид, связывает виртуальные статусы пользователей с их степенью влияния на содержание. На примере одного из англоязычных общественно-политических блогов он демонстрирует два типа контроля: централизованный и децентрализованный. При централизованном контроле права на редактирование и удаление информации, публикуемой другими пользователями, имеют только высокоранговые пользователи. При децентрализованном контроле пользователи являются более равноправными, а фильтрация контента происходит за счет взаимного редактирования друг друга. Несмотря на это, Шоу отмечает, что обе системы контроля сосуществуют параллельно, поэтому «оба вида контроля расширяют возможности руководителей сайтов и действующих членов сообщества регулировать доступ к привилегиям» [Shaw, 2012, p. 349].

В вопросе воздействия виртуальной коммуникации на человека затрагиваются также вопросы ее влияния на персональную идентичность. Одним из первых исследователей идентичности в интернет-коммуникации является американская социолог и психолог Ш. Теркл. По итогам своего исследования, результаты которого были изложены в работе «Жизнь на экране» [Turkle, 1995], Теркл пишет о том, что при интернет-коммуникации пользователи имеют возможность взаимодействовать анонимно, предоставляя другим при общении правдивую или ложную информацию на свое усмотрение. Это приводит к тому, что персо-

нальные идентичности пользователей являются множественными, неоднородными, гибкими и фрагментированными [Turkle, 1995, p. 178].

Книга Теркл считается одной из важнейших работ о персональных идентичностях интернет-пользователей, поскольку дает детальный и глубокий анализ этого явления на основе сочетания социологических и психологических методов. Тем не менее, следует отметить, что выводы автора частично потеряли свою актуальность в связи с развитием социальных сетей. В них роль фактора анонимности снижается благодаря тому, что общение строится на базе персональных страниц, где пользователи идентифицируют себя с помощью имен и фамилий, зачастую указывают информацию об образовании, работе и размещают личные фото.

В решении вопроса о персональной интернет-идентичности более взвешенной, чем выше проанализированная позиция Теркл, является точка зрения Д. Букинхайма, известного английского исследователя в сфере медиа и образования.

При осмыслении интернет-идентичности [Buckingham, 2008] он предлагает использовать «концепцию бриколажа», которая описывает как сам процесс формирования идентичности, так и его результат. Автор, дополняя идею Теркл о фрагментарной идентичности, «помещает эти фрагменты в единую незавершенную работу, развивающуюся активную конструкцию, которая постоянно отбрасывает и добавляет биты, изменяясь посредством диалектических взаимодействий с цифровым и нецифровым миром, включая физический, психологические, социальные и культурные агенты» [Ibid., p. 43]. Таким образом, Букинхайм не отрицает неоднородность идентичности, но подчеркивает ее целостный характер. Анализируя персональные истории юных интернет-пользователей, он предлагает смотреть на процесс формирования идентичности как на «эстетические и производственные практики», которые молодые люди успешно применяют при ведении своих блогов и страниц в социальных сетях.

Взгляды авторов, рассмотренных выше, представлены в таблице.

Автор	Сфера влияния	Субъект влияния	Результат влияния
Б. Вэллман	Личность и общество	Индивидуализированные сети и межролевой тип взаимодействия	Изменение поведенческих принципов человека при выборе сообществ, трансформация принципов построения иерархии в сообществе
Э. Рид	Личность и общество	Иерархия власти	Появление новых принципов формирования элит внутри сообществ
А. Шоу	Личность и общество	Централизованный/децентрализованный контроль внутри сообществ	Изменение механизма распределения привилегий и статусов в рамках сообществ

Автор	Сфера влияния	Субъект влияния	Результат влияния
Ш. Теркл	Личность	Персональная (виртуальная) идентичность	Изменение характеристик персональной идентичности: ее множественность, неоднородность, гибкость и фрагментированность
Д. Букин-хайм	Личность	Персональная (виртуальная) идентичность	Формирование фрагментарной идентичности по «принципу бриколажа», при котором она сохраняет свою целостность

Проведенный анализ работ, посвященных виртуальной коммуникации, показал, что в настоящее время отсутствует единое понимание самой виртуальной коммуникации, не решен вопрос о соотношении виртуальной коммуникации с интернет-коммуникацией, онлайн-коммуникацией, онлайн-общением, не определены «традиционные» и «новые» функции виртуальной коммуникации. Одна из основных причин сложившейся ситуации связана с тем, что виртуальная коммуникация и проблемы, связанные с ней, исследуются в рамках отдельных дисциплин. Это, в свою очередь, приводит к тому, что отсутствует целостный подход к виртуальной коммуникации, а исследования различных дисциплин сфокусированы на тех или иных аспектах виртуальной коммуникации и проводятся в соответствии с методологическими подходами данной конкретной дисциплины.

Междисциплинарный критерий, предлагаемый автором, заключается в разделении исследований виртуальной коммуникации по ее приоритетному влиянию на общество либо на личность. Эвристический потенциал данного подхода заключается в том, что он, во-первых, позволяет комплексно рассматривать все исследования виртуальной коммуникации, то есть учитывать результаты, полученные в рамках социологических, психологических, педагогических и других исследований. Во-вторых, данный подход позволяет конкретизировать «традиционные» и «новые» функции виртуальной коммуникации по отношению к обществу либо по отношению к личности. Кроме этого, междисциплинарный критерий позволяет преодолеть методологические, понятийные, содержательные барьеры в исследованиях виртуальной коммуникации, систематизировать их для дальнейшего исследования.

Список литературы

- Алтухова Т. В., Лебедева Н. Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 105–111.
- Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, № 4. С. 5–10.

- Белинская Е. П., Жичкина А. Е.** Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. 2000. Т. 5, №7. С. 395–428.
- Болдонова И. С., Цыденова Н. С.** Социально-философские проблемы виртуального общения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 6 (1). С. 45–49.
- Бреслер М. Г.** Онтология сетевого бытия. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2020.
- Володенков С. В.** Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Проспект, 2023.
- Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. О.И. Шкаратана и др. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Рыков Ю. Г., Нагорный О. С.** Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, №3. С. 367–394.
- Тоффлер Э.** Шок будущего / Пер. Е. Руднева и др. М.: Издательство АСТ, 2002.
- Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г.** Онлайн-исследования в России 3.0. М.: Кодекс, 2012.
- Bakardjieva M.** Internet in Everyday Life: Diverse Approaches // The Handbook of Internet Studies / Eds. by M. Consalvo, C. Ess. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 59–82.
- Buckingham D.** Youth, Identity, and Digital Media. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008.
- Bühl A.** Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
- Fowley C., English C., Thouësny S.** Internet Research, Theory, and Practice: Perspectives from Ireland. Dublin: Reaserch-publishing.net, 2013.
- DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W., Robinson J.** Social Implications of the Internet // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 307–336.
- Dutton W.** Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // The Oxford Handbook of Internet Studies. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–23.
- Fielden N. L., Garrido M.** Internet Research: Theory and Practice. Jefferson, NC: McFarland & Company, Inc., 1998.
- Kroker A., Weinstein M.** The Theory of the Virtual Class. New York: St. Martin's Press, 1994.
- O'Neill O.** A Philosopher Looks at Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
- Peng T. Q., Zhang L., Zhong Z. J., Zhu J.** Mapping the Landscape of Internet Studies: Text Mining of Social Science Journal Articles 2000–2009 // New Media & Society. 2013. Vol. 15. No 5. P. 644–664.
- Reid E.** Communities in Cyberspace // Communities in Cyberspace / Eds. by P. Kollok, M. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 107–134.
- Serres M.** Thumbelina: The Culture and Technology of Millennials. New York: Rowman & Littlefield International, 2015.

- Shaw A.** Centralized and Decentralized Gatekeeping in an Open Online Collective // *Politics & Society*. 2012. Vol. 40. P. 349–388.
- Turkle S.** *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster, 1995.
- Wellman B.** Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. P. 227–252.

References

- Altukhova T. V., Lebedeva N. B.** Virtual communication: a new stage of writing communication // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 1 (49). P. 105–111. (in Russian)
- Baeva L. V.** Virtual communication: classification and Specifics // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*. 2014. Vol. 14, No. 4. P. 5–10. (in Russian)
- Bakardjieva M.** Internet in Everyday Life: Diverse Approaches // *The Handbook of Internet Studies* / Eds. by M. Consalvo, C. Ess. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 59–82.
- Belinskaya E. P., Zhichkina A. E.** Modern research into virtual communication: problems, hypotheses, results // *Obrazovanie i informacionnaya kul'tura. Sociologicheskie aspekty. Trudy po sociologii obrazovaniya*. 2000. Vol. 5. No. 7. P. 395–428. (in Russian)
- Boldonova I. S., Tsydenova N. S.** Social-philosophical problems of virtual communication // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2014. No. 6 (1). P. 45–49. (in Russian)
- Bresler M. G.** *The ontology of network being*. Ufa: USPTU Publ, 2020. (in Russian)
- Buckingham D.** *Youth, Identity, and Digital Media*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008.
- Bühl A.** *Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
- Castells M.** *The information age: economy, society and culture* / Transl. by O.I. Shkaran et al. Moscow: HSE University. 2000. (in Russian)
- DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W., Robinson J.** Social Implications of the Internet // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 307–336.
- Dutton W. H.** Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–23.
- Fielden N. L., Garrido M.** *Internet Research: Theory and Practice*. Jefferson, NC: McFarland & Company, Inc., 1998.
- Fowley C., English C., Thouësy S.** *Internet Research, Theory, and Practice: Perspectives from Ireland*. Dublin: Reaserch-publishing.net, 2013.
- Kroker A., Weinstein M.** *The theory of the virtual class*. New York: St. Martin's Press, 1994.
- O'Neill O.** *A Philosopher Looks at Communication*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

- Peng T. Q., Zhang L., Zhong Z. J., Zhu J.** Mapping the Landscape of Internet Studies: Text Mining of Social Science Journal Articles 2000–2009 // *New Media & Society*. 2013. Vol. 15. No 5. P. 644–664.
- Reid E.** Communities in Cyberspace // *Communities in Cyberspace* / Eds. by P. Kollock, M. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 107–134.
- Rykov Y., Nagornyy O.** Internet studies in social sciences // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 366–394. (in Russian)
- Serres M.** Thumbelina: The Culture and Technology of Millennials. New York: Rowman & Littlefield International, 2015.
- Shashkina A. V., Devyatko I. F., Davydova S. G.** Online researches in Russia 3.0. Moscow: Codex Publ., 2012. (in Russian)
- Shaw A.** Centralized and Decentralized Gatekeeping in an Open Online Collective // *Politics & Society*. 2012. Vol. 40. P. 349–388.
- Toffler A.** Future Shock / Trans. by E. Rudneva et al. Moscow: AST Publ., 2002. (in Russian)
- Turkle S.** Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York: Simon & Schuster, 1995.
- Volodenkov S. V.** Internet communications in the global space of modern political governance: towards a digital society. Moscow: Prospect, 2023. (in Russian)
- Wellman B.** Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. P. 227–252.

Информация об авторе

Бачило Маргарита Дмитриевна

аспирант, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Margarita D. Bachilo

postgraduate student, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 19.05.2024;
одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 18.06.2024*

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication 18.06.2024*

Материалы к лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-79-115

Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности

Рецензия на книгу: BonJour L. The Structure of Empirical
Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
(Chapters 7–8).*

Никита Владимирович Головко

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Когерентизм является единственной моделью обоснования эмпирического знания. Итоговая формулировка когерентистской концепции обоснования Лоуренса Бонжура включает такие тезисы, как: (а) Обоснование убеждения есть функция когерентности и зависит от факта, что система убеждений когерентна не только в настоящий момент, но остается когерентной на протяжении достаточно длительного периода времени, непрерывно пополняя свое эмпирическое содержание вследствие воздействия внешней реальности. Именно стабильность дает основания полагать, что когерентность системы с большой вероятностью ведет к истинности убеждений. (б) Система содержит большое количество различных типов когнитивно спонтанных убеждений, играющих роль тех, с которыми все остальные убеждения системы должны быть когерентны, а также достаточное число законоподобных утверждений, приписывающих этим типам (включая те типы интроспективных убеждений и убеждений памяти, которые необходимы для того, чтобы распознавать когнитивно спонтанные убеждения) высокую степень достоверности внутри системы относительно сопутствующих допущений, причинных объяснений их генезиса, предыдущего опыта анализа ситуации и т. д. (в) Необходимым условием обоснования является то, что субъект должен

* Статья представляет собой развернутый план и материалы для подготовки нескольких лекций по теме «Когерентизм» в рамках курса «Теория познания», читаемых в бакалавриате по направлению «философия» в Институте философии и права Новосибирского государственного университета. Этим объясняется большой объем подстрочных комментариев, дополнительные материалы и перекося в сторону определений и примеров, которые необходимым образом расставляют акценты на содержании книги Л. Бонжура.

быть способен прямо или косвенно когнитивно схватить, по крайней мере, приближенное содержание системы убеждений и ее когерентность. Это интерналистское Допущение обосновывает то единственное, что связывает нашу систему убеждений и реальность, – когнитивно спонтанные убеждения. Наиболее спорный элемент концепции: (г) мета-обоснование (демонстрация того, что стандарты обоснования являются приводящими к истинности) имеет априорный характер и не нуждается в дополнительном обосновании, поскольку является следствием выбранных метафизических ограничений, в первую очередь интернализма.

Рецензия представляет собой детальный анализ второй части книги Л. Бонжура «Структура эмпирического знания» (главы 7–8), посвященной разработке оснований когерентистской теории обоснования эмпирического знания.

Ключевые слова

когерентизм, обоснование, стабильность, Эмпирическое Требование, мета-обоснование, рациональность, интернализм, Л. Бонжур

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головкин Н. В. Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности. Рец. на кн.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 79–115. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-79-115

Metajustification, and necessity to reflect objective reality

Book Review: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8).

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

Coherentism is the only proper account of justification of empirical knowledge. The final representation of Lawrence Bonjour's coherentist conception of justification includes such theses as: (a) Justification is a function of coherence and depends on the fact that the system of beliefs is not only coherent at the moment, but remains coherent over a sufficiently long period of time, facing continuous input to its content due to the influence of reality. It is this stability that gives reason to believe that the coherence of the system most likely leads to the truth of beliefs; (b) The system contains a large number of different kinds of cognitively spontaneous beliefs that play the role of those with which all other beliefs of the system must cohere, as well as a sufficient number of law-like statements ascribing to these kinds (including those kinds of introspective and memory beliefs that are necessary in order to recognize other cognitively spontaneous beliefs) a high degree of reliability within the system regarding accompanying assumptions, causal explanations of their genesis, previous experiences in assessment situations, etc; (c) A necessary condition for justification is that the person must be able to cognitively grasp, explicitly or implicitly, at least the approximate content of the belief system and its coherence. This Presumption justifies the only thing that

connects our belief system and reality – cognitively spontaneous beliefs. The most controversial element of the conception (d), meta-justification (the demonstration that the standards of coherentist justification are truth-conducting) is a priori in nature and does not require additional justification, since it itself is a consequence of the chosen metaphysical constraints, primarily of internalism. The review is a detailed analysis of the second part of L. Bonjour's book «The Structure of Empirical Knowledge» (chapters 7–8), dedicated to foundations for a coherentistic theory of justification of empirical knowledge.

Keywords

coherentism, justification, stability, Observational Requirement, meta-justification, rationality, internalism, L. Bonjour

For citation

Golovko N. V. Meta-justification, and necessity to reflect objective reality. Book Review: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8). *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 79–115 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-79-115

Заключительные главы книги Лоуренса Бонжура «Структура эмпирического знания» отличает то, что они являются наименее конвенциональными по содержанию. Первые четыре главы посвящены критике фаундализма и смотрятся достаточно органично, особо не выходя за рамки общепринятых представлений о том, что такое обоснование, фаундализм, базовые убеждения, проблема регресса и их соответствующие интерналистские и экстерналистские трактовки (см.: [Головко, 2023]). Пятая и шестая главы по-настоящему интересны тем, как Л. Бонжуру удастся задать основной объект своей концепции – понятие «когнитивно спонтанного убеждения», определить «достоверность изнутри системы» и на этом основании построить «когерентистскую концепцию наблюдения», которая решит самый важный вопрос о том, в каком смысле когерентная система убеждений может претендовать на то, что она действительно является системой эмпирического знания (см.: [Головко, 2024]). На долю седьмой и восьмой глав выпадает заключительный аргумент, суть которого – обоснование тезиса, что стандарты обоснования предполагаемой когерентистской концепции обоснования должны быть «приводящими к истинности». И последняя страница (в книге есть еще два приложения) может поставить в тупик кого угодно: «Гипотеза соответствия реальности является с большей вероятностью истинной (чем альтернативные, например, гипотеза Злого Демона), когда мы говорим об объяснении сохранения когерентности и стабильности системы убеждений во времени» (с. 188). Вот так метафизика и рассуждения об истине и реальности могут испортить хорошую эпистемологическую теорию. Большая часть восьмой главы посвящена метафизическому реализму (параграф 8.2), – чего очень хотелось бы от представителя «классической традиции» (интернализм, реализм, корреспондентная теория истины), но непонятно, почему мы должны это обсуждать уже в самом конце книги, посвященной обоснованию эмпирического знания, и «Злому Демону» Р. Декарта (параграф 8.4) – теме, которая как минимум заслуживает отдельной главы, но заканчивается чуть более чем тривиальным выводом.

Ниже мы кратко остановимся на основных моментах седьмой главы – Эмпирическом Требовании и представлении о «стабильности» системы. Кроме прочего, их важность продиктована тем, как Л. Бонжуру удастся интерпретировать такие

знаковые характеристики эмпирического знания, как «эмпирический характер системы определяется тем, как ее убеждения согласованы с выделенным классом (эмпирических) достоверных убеждений» и «любое утверждение, которое не обосновано априорно, должно в принципе явно или неявно проверяться посредством убеждений наблюдения» (с. 140). Большая часть рецепции восьмой главы посвящена анализу гипотез, объясняющих причину стабильности хорошей когерентной системы убеждений, приводя нас к известному выводу: «Когерентная теория обоснования и корреспондентная теория истинности является единственной надеждой одновременно обойти и фаундализм, и скептицизм и выступить в защиту и эмпирического знания, и привычной концепции реальности» (с. 158). И несмотря на то что приведенные замечания критиков не только показывают, что объяснение стабильности системы, предложенное Л. Бонжуром, в лучшем случае «ничего не доказывает», но и то, что «когерентность в его концепции не является ни необходимым, ни достаточным условием, которое нужно добавить к истинному убеждению, чтобы получить знание» (см., например: [Goldman, 1989a]), сама книга, на наш взгляд, – все еще лучший учебник по обоснованию эмпирического знания.

Эмпирическое Требование и динамический характер когерентности

Ключевой предмет анализа в седьмой главе и одновременно заключительный элемент когерентистской концепции наблюдения – это понятие «Эмпирического Требования» (Observational Requirement)¹. В классической традиции, куда также можно отнести фаундализм, убеждения наблюдения являются не инференциальными. Обычно это означает, что они не выводимы из других убеждений ни «по происхождению», ни «по обоснованию». В то же время, как показал Л. Бонжур, ссылаясь на У. Селларса, в рамках когерентистской концепции есть все основания принять убеждения наблюдения как не выводимыми «по происхождению», но выводимые «по обоснованию». Существует класс убеждений, которые появляются в системе убеждений субъекта «извне», – их существование или появление в системе не выводится из других, но они получают обоснование только в силу того, что находятся в отношениях с другими убеждениями системы. И естественно, в рамках когерентистской концепции обоснования мы полагаем, что эти «инференциальные отношения» – это отношения когерентной зависимости. Л. Бонжур называет такие убеждения «когнитивно спонтанными», подчеркивая то, что они просто возникают в сознании «непроизвольно, но в то же время настойчиво» (с. 117). В качестве примеров приводятся «обычное» зрительное убеждение, что «передо мной лежит красная книга», и интроспективное убеждение, что «мне кажется (seem), что я вижу нечто красное». По сути, это все, до чего дошел Л. Бонжур к концу шестой главы. И после этого он формулирует Эмпири-

¹ В предыдущей части обзора мы отдельно останавливались на том, почему «Observational Requirement» можно переводить как «Эмпирическое Требование» (см.: [Головкин, 2024]). Такой перевод не будет нарушать соотносимые с терминами «семантические ассоциации», когда Л. Бонжур будет говорить именно об эмпирическом знании то, что «наилучшим объяснением сохранения когерентности во времени при непрерывном пополнении (input) системы эмпирическим (observational) содержанием является приближенная истинность убеждений, составляющих систему» (с. 171).

ческое Требование. Система убеждений будет эпистемически обоснована только в том случае, если она содержит: а) достаточно много разнообразных типов когнитивно спонтанных убеждений; б) обоснованные убеждения о «законах», приписывающих этим типам когнитивно спонтанных убеждений высокую степень достоверности (включая те типы интроспективных убеждений, которые необходимы для того, чтобы распознавать другие когнитивно спонтанные убеждения); в) субъект-носитель будет обязательно предпринимать определенные усилия по контролю за когнитивно спонтанными убеждениями, поскольку «любая внутренне когерентная когнитивная система, которая не сможет приписать достоверность какому-либо классу когнитивно спонтанных убеждений, должна будет с целью сохранения достаточной степени своей когерентности предложить какое-то другое объяснение своей внутренней когерентности, а его не так-то легко найти. Как правило, необходимость прибегнуть (invoke) к Эмпирическому Требованию возникает только для когнитивных систем, чей класс когнитивно спонтанных убеждений существенно (severely) ограничен» (с. 154). Очевидно, этим Требованием Л. Бонжур хочет разграничить системы убеждений, сконструированные каким-то произвольным образом, и хорошие системы, которые «получают дополнительное эмпирическое содержание (input) вследствие влияния внешней реальности». Система убеждений, удовлетворяющая Требованию, очевидным образом будет «эмпирически укоренена»².

² Естественно, речь идет о поиске ответа на Возражение (II), которое заключается в том, что «модель когерентистского обоснования эмпирического знания не предполагает возможность пополнения (input) эмпирического же содержания системы в силу влияния внешней неконцептуализированной реальности». Однако в шестой главе Л. Бонжур вводит понятие «когнитивно спонтанного убеждения», которое необходимо как раз для того, чтобы зафиксировать это «пополнение», по крайней мере «в минимальном смысле, поскольку это новый элемент системы, который не выводится инференциально из других ее элементов» (с. 139). Важно то, что формально появление «когнитивно спонтанных убеждений» дает возможность «проверки» системы, – позволяет понять, что происходит с когерентностью системы в целом, а также проанализировать «законы», приписывающие достоверность тем или иным типам убеждений наблюдения. Как отмечает Л. Бонжур: «Вопрос о том, есть ли основания полагать, что эти убеждения осуществляют “пополнение” не только в минимальном, но и в намеренном смысле, можно рассматривать в двух контекстах. На эмпирическом уровне мы говорим, что эти убеждения законоподобным, повторяемым образом причинены (caused) внешней реальностью. Сложно придумать другое объяснение для существования большого количества когнитивно спонтанных убеждений, согласованных друг с другом. (Структурно подобное рассуждение представляет собой <вывод к лучшему объяснению> в интерпретации <Чудеса не принимаются> Х. Патнэма. – Н. Г.). Другой вопрос, есть ли основания полагать, что утверждение о том, что эти убеждения и составляют “пополнение”, является истинным? Мы вернемся к нему в восьмой главе, рассматривая вопрос, является ли когерентистское обоснование приводящим к истине (truth-conductive).

Любая адекватная концепция эмпирического знания должна *требовать* схватить пополнения эмпирического содержания системы, а не просто допускать его возможность. Как уже отмечалось, без пополнения любое соответствие между когнитивной системой и миром будет случайным. Как следствие идеи о том, что обоснование должно быть приводящим к истине, мы полагаем, что система должна содержать законы, приписывающие большую степень достоверности самым разнообразным типам когнитивно спонтанных убеждений. Включая те типы интроспективных убеждений и памяти, которые отвечают за распознавание других когнитивно спонтанных убеждений. Общая идея Эмпирического Требования состоит в том, что *любое утверждение в системе, которое не обосновано априорно, должно быть в принципе явно или неявно проверяемо посредством убеждений наблюдения, подтверждено или опровергнуто*. И эта “проверка” будет зависеть не только от доступных в рамках системы “модусов наблюдения”, но также и от инференциальных связей, которые объединяют убеждения, составляющие систему. Эмпирическое Требование не говорит о таксономии, которой подчиня-

Второй значимый элемент концепции Л. Бонжура, который также появляется в седьмой главе, – это представление о *динамическом характере когерентности*. И возможно, это один из наиболее известных элементов его концепции (такой же,

ются классы когнитивно спонтанных убеждений, не говорит о том, что данное когнитивно спонтанное убеждение, которому приписывается достоверность, должно быть достоверным *актуально*. Об этом говорят сопутствующие (background) представления внутри системы. Именно невозможность удовлетворить им и говорит о том, что система перестала удовлетворять Эмпирическому Требованию, перестала быть когерентной, по крайней мере на каком-то отрезке времени. Приписывание достоверности убеждениям, которые таковыми не являются, обязательно ведет к потере когерентности. При этом *субъект должен предпринимать попытки поиска возможных убеждений наблюдения, которые противоречат видимой когерентности системы*. Способность получать достоверные когнитивно спонтанные убеждения обретается посредством лингвистической (или другой) тренировки, поскольку она предполагает схватывание концептуальной или репрезентационной системы (если она не полагается внутренне присущей (innate) конечно). Но подобная “тренировка”, несмотря на то что она является причинным необходимым условием удовлетворения Эмпирическому Требованию, сама по себе не является частью его содержания. В конечном итоге так понимаемое Эмпирическое Требование гарантирует, что когнитивная система, которая ему удовлетворяет, будет получать пополнение своего эмпирического содержания, а значит, обоснование не будет полностью зависеть от внутренних отношений между убеждениями статической системы. Тем самым мы получили ответ на Возражение (II).

Важно подчеркнуть статус Эмпирического Требования. Необходимость Требования обосновывается априорно. То, что эмпирическое знание о внешнем мире невозможно без пополнения эмпирического содержания системы вследствие воздействия объективной реальности, – это *априорная истина*. Как следствие, также априорной истиной является то, что когнитивная система должна приписывать достоверность некоторым классам когнитивно спонтанных убеждений, *если* эта система содержит эмпирическое знание. Но ни антецедент, ни консеквент последнего утверждения сами по себе не обоснованы априорно. Являются ли данные когнитивно спонтанные убеждения достоверными (должны ли они распознаваться таковыми), – это эмпирическое утверждение, о котором мы заключаем на основании когерентности системы. Ни один класс когнитивно спонтанных убеждений не является достоверным, а следовательно, система не может удовлетворить Эмпирическому Требованию в течение достаточно большого промежутка времени, если эта система не является когерентной. При этом само Эмпирическое Требование не говорит, что подобные ситуации могут произойти, – но только то, что если это произошло, то в системе не будет ни эмпирического знания, ни эмпирического обоснования. Мы можем представить Эмпирическое Требование как регулятивный мета-принцип. Оно не касается эмпирического обоснования непосредственно. Оно лишь задает основание для понимания результатов нашей оценки системы. И это отличает нашу концепцию от слабого фаундализма, который может приписывать некоторую степень начальной надежности всем когнитивно спонтанным убеждениям, например, подчеркивая что адекватного обоснования им нет или даже не может быть. В когерентистской теории все убеждения должны получать инференциальное обоснование. Наша концепция предполагает холистическую интерпретацию обоснования на двух уровнях. Разницу между собственно эмпирическим знанием и убеждениями любой другой природы нельзя увидеть на уровне убеждений, а только на уровне систем. *Эмпирический характер когнитивной системы определяется тем, что ее убеждения будут согласованы с теми классами когнитивно спонтанных убеждений, которые полагаются достоверными*. Тот, кто полагает, что его система убеждения полностью лишена эмпирического знания, не может предложить аналогичное требование. Эмпирическое Требование, тем самым, можно рассматривать как аналог позитивистского верификационистского критерия значения утверждений, который применяется к системам убеждений, а не к отдельным убеждениям» (с. 140–143). И все же сложно отделаться от ощущения, что «априорно обоснованное Эмпирическое Требование как регулятивный мета-принцип» не превращает когерентизм Л. Бонжура в фаундализм. Достоверные когнитивно спонтанные убеждения должны обладать каким-то дополнительным эпистемическим статусом, – что возвращает нас к идее об их «эпистемическом приоритете», по крайней мере в том виде, как мы обсуждали его в первой части книги (см.: [Головко, 2023]). Здесь также можно вспомнить цитату из учебника М. Уильямса: «Когда когерентисты отрицают, что некоторые убеждения могут иметь эпистемический приоритет, они говорят об убеждениях “первого порядка” (first-order), убеждениях относительно мира. Однако “критерий когерентности” оперирует убеждениями “второго порядка” (second-order) – убеждениями о том, что делает убеждения, состав-

как аргумент против существования базовых эмпирических убеждений), который уже давно обрел «независимое существование»³. Л. Бонжур вводит понятие «стабильность» – сохранение когерентности на протяжении достаточно длительного периода времени. Система убеждений может быть когерентной в настоящий момент времени, но по прошествии некоторого времени она может потерять необходимый уровень когерентности или вообще перестать быть когерентной. С точки зрения Л. Бонжура обоснование убеждения есть «функция от когерентности, которая присуща данной системе убеждений на протяжении долгого периода (long run). Система убеждений *стабильна*, если она сходится (converges on) и в конечном итоге представляет собой относительно долговременную картину мира. Именно такая когерентность-стабильность (coherence-cum-stability) дает все основания полагать, что убеждения с большой вероятностью истинны» (с. 170)⁴.

ляющие систему, с большой вероятностью истинными. И эти убеждения «второго порядка» на самом деле и обладают эпистемическим приоритетом, поскольку их статус обоснован априорно. Это вариант фаундализма «сверху вниз» (top-down), а не более традиционный вариант «снизу вверх» (bottom-up) [Williams, 2001, p. 135]. Интересное замечание. В каком смысле Эмпирическое Требование не может быть частью фаундалистской концепции «сверху вниз»? Однако ответ Л. Бонжура несложно предугадать. Он неоднократно подчеркивал, что «когерентизм не против эпистемического приоритета для некоторых убеждений, он против того, чтобы этот приоритет понимался в абсолютном смысле» (с. 92). Более того, в следующем параграфе, отвечая на замечание, что «представленная концепция на самом деле является разновидностью слабого фаундализма», он отмечает, что «ни одно из предполагаемых мета-убеждений не обладает внутренним или независимым обоснованием. Наоборот, корректность этих мета-убеждений является частью исходной предпосылки (presupposition) когерентистского обоснования, которое из них выводится. Для любой версии фаундализма можно построить «параллельную» концепцию, когда обоснование будет опираться на аналогичные «предпосылки», которые будут обосновывать то, что базовые убеждения являются истинными. И эта концепция будет иметь фаундалистскую *структуру*, но она не будет оригинальной версией фаундализма, поскольку она не будет приписывать предполагаемым базовым убеждениям никакого внутреннего или неинференциального обоснования, а значит, эти убеждения нельзя будет квалифицировать как базовые. Насколько востребованы подобные рассуждения о таких «параллельных» концепциях, будет зависеть и от выбранных классов убеждений, обоснованность которых обсуждается, и от общей логики, касающейся структуры обоснования, которая предположительно отвечает рассматриваемой ситуации. Ни то, ни другое не является сейчас предметом моего анализа» (с. 243).

³ Речь идет о хорошо известном в философии науки свойстве научной теории противостоять появлению противоречащих ей данных, т.е. фактически «сохранять когерентность при добавлении новых данных». Это тот самый случай, когда представление буквально является частью каждой модели обоснования и развития научного знания от Ф. Бэкона до Э. Маха, Т. Куна, С. Хардинг и Р. Коллинза (парадигма аккумулирует новые данные и буквально допускает ad hoc только для того, чтобы сохранить «когерентность»), и Л. Бонжур как будто бы элегантно подводит под него «высокое обоснование» в рамках «более фундаментальной» эпистемологии. Очень хочется в это поверить. Однако такая точка зрения будет справедлива только в том случае, если мы уже рассматриваем концепцию Л. Бонжура как концепцию обоснования научного знания, что на самом деле очень сильное допущение. Это не так. В частности, ключевой момент оценки достоверности научного знания – интерсубъективность (те самые хорошо знакомые требования повторяемости и воспроизводимости результатов) вообще не представлен в концепции Л. Бонжура. И об этом напишут критики. «Эмпирическое знание» Л. Бонжура – это обозначение «природы» убеждений, которые анализируются, а также характеристик обоснования в смысле «эмпирических» как не «(исключительно) рациональных». И хотя традиция в целом не препятствует тому, чтобы любой разговор про «эмпирическое» можно отнести известному противостоянию «английского эмпиризма» и «европейского рационализма» соответствующего периода, не стоит забывать, что предмет исследования у теории познания, эпистемологии и философии науки – разный.

⁴ Как отмечают критики, к сожалению, понятие «стабильность» не добавляет стабильности концепции Л. Бонжура. В первую очередь, о стабильности какой части системы убеждений идет

Естественно, подобное понятие «стабильности» нельзя считать достаточно строгим, однако оно будет играть чрезвычайно важную роль в восьмой главе в ходе анализа аргумента «от мета-обоснования», который покажет, что когерентность таки «ведет к истинности». В этой главе, как нетрудно догадаться, представление о динамическом характере когерентности будет нужно Л. Бонжур для того, чтобы опровергнуть Возражение (I) ⁵.

речь? Скорее всего, учитывая то, что говорилось о когнитивно спонтанных убеждениях, речь идет о стабильности множества убеждений, описывающих мир на уровне здравого смысла, о тех самых «физических объектах среднего размера» и каких-то не самых строгих обобщениях, их касающихся. Но тогда о какой степени несоответствия между «старыми» представлениями на предыдущем этапе и «новыми» может идти речь? Где та самая качественная граница, которая позволит сказать, что нам нужен пересмотр когерентности системы? Даже для объектов обыденного восприятия, не говоря уже о теоретических объектах, например, постулируемых фундаментальными научными теориями. Могут ли «новые» данные, нарушающие когерентность на каком-то множестве убеждений (например, в области физики высоких энергий), заставить нас пересмотреть когерентность всей системы убеждений субъекта? Как вообще определяется желаемая «степень стабильности» в области фундаментальной геологии? Коррелирует ли она с аналогичными представлениями в области народной медицины? Естественно, Л. Бонжур наверняка скажет, что все эти вопросы надуманные и ему нет нужды еще раз повторять все, что он уже сказал. Однако вопросов становится больше, когда чуть дальше по тексту книги мы перейдем к мета-обоснованию. Немного забегаая вперед (здесь нас интересует не само мета-обоснование, а предполагаемая концептуальная связь между «стабильностью» и Эмпирическим Требованием) отметим, что *заключением*, которое Л. Бонжур намеревается обосновать, является утверждение: «Система убеждений, которая (а) остается когерентной и стабильной на протяжении долгого периода времени и (б) продолжает удовлетворять Эмпирическому Требованию, с большой вероятностью – пропорциональной степени когерентности и стабильности, а также длительности рассматриваемого периода, – близко (closely) соответствует независимой реальности» (с. 171). Интуитивно нам кажется, что когерентность и стабильность системы непрерывно находятся под угрозой. А значит, постоянно получая дополнительные «эмпирические» данные (что и гарантирует Эмпирическое Требование), когда-нибудь система должна потерять когерентность, либо она требует непрерывного пересмотра, который сохраняет когерентность, но может нарушить ее стабильность. Насколько вероятна ситуация, что да, на каком-то этапе система, удовлетворяющая Эмпирическому Требованию, потеряет свою когерентность-стабильность и, как предсказывает Л. Бонжур, перестанет достаточно точно объяснять мир, но когнитивно спонтанные убеждения, которые полагаются достоверными внутри системы, все также будут «безошибочно» причиняться внешней реальностью? Что если для сохранения стабильности (мы знаем, что Л. Бонжур связал когерентность и когнитивно спонтанные убеждения) не важно то, что происходит на «базовом» уровне когнитивно спонтанных убеждений, и достаточно определенных «манипуляций с системой» на «более высоких» уровнях? И потом, если мы уже предположили, что когнитивно спонтанные убеждения причиняются независимой реальностью, то какое еще объяснение требуется? Объяснение чему? Ведь мы сразу будем предполагать, что мир обладает определенной непротиворечивой (с точки зрения мира) структурой. Да, в заключении восьмой главы Л. Бонжур будет рассматривать альтернативные гипотезы, что когнитивно спонтанные убеждения не причиняются объективной реальностью. Но все это не будет иметь значения, если стабильность определяется в терминах «более высокого порядка». Достаточно вспомнить идеализм И. Канта.

⁵ Примечательно то, что если в когерентистской парадигме появляется возможность того, что когнитивная система, которая была когерентной в какой-то период времени, по его прошествии становится некогерентной, то Возражение (I) необходимо переписать. Теперь мы не можем сказать, что возражение заключается в том, что «в какой-то момент времени возможно существование одинаково когерентных, но несовместных систем, между которыми мы не сможем выбрать более обоснованную (а значит и более истинную), опираясь на когерентность как на единственную характеристику обоснования». Как отмечает Л. Бонжур: «это не возражение против когерентистской теории, поскольку оно затрагивает любую теорию обоснования, включая фаундалистские теории, не говоря уже о ситуациях, в которых принятые в настоящее время стандарты не могут выделить как более обоснованный тот или иной набор эмпирических утверждений. Знакомое куайновское представление о недоопределенности применимо и к фаундализму, и к когерентизму. На мой взгляд, в оригинале оно

В конце седьмой главы, учитывая тот факт, что формально ему осталось разобрать только решение третьего «Стандартного Возражения», касающегося вопроса о том, можно ли показать, что когерентно обоснованные убеждения с большой вероятностью являются истинными, Л. Бонжур формулирует основные положения искомой *когерентистской концепции обоснования эмпирического знания*. «С целью того, чтобы эмпирическое убеждение, которое является контин-

просто зависит от слишком жесткой заданной границы между теоретическим и эмпирическим, которая на самом деле так никогда и не была должным образом обоснована. Самый интересный момент здесь заключается в том, что мы *позволяем когерентности со временем исчезнуть*. Тогда Возражение (I) должно говорить о том, что «даже с учетом когерентности на большом промежутке времени и с учетом продолжающегося воздействия (continued impact), которое оказывают на систему убеждения наблюдения, все равно будут существовать одинаково когерентные системы эмпирических убеждений». Однако, как только мы разрешили пополнение эмпирического содержания системы посредством убеждений наблюдения, становится непонятным, почему вообще мы должны обращать внимание на это возражение. Суть исходной постановки Возражения (I) заключалась в том, что *альтернативные когерентные системы могут в принципе строиться произвольным образом*. Но такие произвольным образом выстроенные системы убеждений не будут удовлетворять Эмпирическому Требованию. Если мы построили систему, которая удовлетворяет этому Требованию, то нет никаких оснований предполагать, что когерентность будет сохраняться по мере накопления наблюдений, даже если в самом начале система была когерентна. Именно поэтому обоснование в когерентной теории апеллирует не к абстрактной ситуации, в которой когерентность полагается статической, а к динамическому представлению о когерентности претерпевающей системы убеждений, которую принимает данный субъект. Как следствие, постановка Возражения (I) изменится. В рамках динамического представления о когерентности полагание данных типов когнитивно спонтанных убеждений как достоверных, т. е. как убеждений наблюдения, не является следствием априорного рассуждения, а *зависит от того, как это наше предположение способствует достижению максимальной степени когерентности системы*. Представим, что в рамках одной когнитивной системы у субъекта есть два разных класса когнитивно спонтанных убеждений, таких что: а) если один класс определяется как класс убеждений наблюдения, то система будет оставаться когерентной на протяжении долгого периода; б) если другой класс определяется как класс убеждений наблюдения, то система также когерентна, только это будет уже другая, несовместная (incompatible), система убеждений, которая также будет оставаться когерентной на протяжении долгого периода; и в) если оба класса определить как убеждения наблюдения, то система станет менее когерентной и перестанет удовлетворять условиям обоснования. Когерентная теория не может предложить оснований, которые помогли бы выбрать между этими двумя результирующими когерентными системами. В то время как фаундалистская теория, по-видимому, смогла бы это сделать в зависимости от того, какие типы когнитивно спонтанных убеждений рассматриваются. В оригинале когнитивно спонтанные убеждения, которые являются убеждениями наблюдения, являются когерентными и согласованными (in agreement) друг с другом. При этом объяснение этого факта, – их внутренней согласованности и когерентности, – должно выбираться из *всего* множества доступных субъекту объяснений, которые не нарушают представление о когерентности всей системы. Очевидным объяснением внутренней согласованности и когерентности убеждений этих классов будет то, что они изначально произведены (caused) таким образом, что отражают объективную реальность. А это значит, что когда мы говорим о двух несовместных системах убеждений, мы должны апеллировать к двум разным таким объяснениям. (Отметим, что такой ход рассуждений Л. Бонжура, во-первых, структурно представляет собой <вывод к лучшему объяснению> в интерпретации <Чудеса не принимаются> Х. Патнэма; во-вторых, существованию зависит от <метафизических предпочтений> субъекта, от наличия у него примеров разных по своей природе онтологических представлений. – Н. Г.). И несмотря на то что такая ситуация *возможна*, я не думаю, что это серьезная угроза. Сначала мы предполагали, что *всегда* будет существовать бесконечно число одинаково когерентных и несовместных систем убеждений, а теперь мы говорим о *двух возможных* (привязанных к разным онтологическим допущениям). – Н. Г.). Последнее возражение гораздо слабее, и я не думаю, что оно представляет угрозу обсуждаемой теории» (с. 144–146). Таким образом, реализм и Эмпирическое Требование помогают Л. Бонжуру свести Возражение (I) к «слабой» форме, которая по сути уже возражением не является.

гентным, – а значит, не может быть обосновано априорно, – было *эмпирически обосновано*, должны быть выполнены следующие четыре условия.

(а) Убеждение должно быть частью системы убеждений, которая актуально принадлежит (held by) какому-либо субъекту. Сила когерентистского обоснования зависит от факта, что система убеждений когерентна не только в настоящий момент, но остается когерентной на протяжении какого-то времени. И *только сохранение когерентности обеспечивает достаточные основания полагать, что обоснованные убеждения с большой вероятностью истинны*. Конечно, мы можем задаться вопросом: будет ли обосновано данное убеждение, если бы оно принадлежало системе, которой сейчас не принадлежит. И в этом случае мы будем рассматривать гипотетическую ситуацию, в которой актуальный субъект принимает это убеждение на протяжении какого-то времени.

(б) Система убеждений, о которой идет речь, должна удовлетворять Эмпирическому Требованию. Мы понимаем, что приведенная формулировка достаточно нечеткая (vague), но это не проблема. Эмпирическое Требование было введено для того, чтобы рассматривать такие “экстремальные” случаи, когда субъект настойчиво отбрасывает (reject) предполагаемые наблюдения для того, чтобы сохранить свое особенное представление о том, какой должна быть теория или система взглядов. Но большинство таких “спасаемых систем” могут быть отброшены (ruled out) на основании их слабой степени когерентности, без необходимости вспоминать о Требовании.

(в) Система убеждений должна обладать достаточно высокой степенью когерентности, большей, чем любая альтернативная система, которая удовлетворяет условию (б). Это также весьма нечеткое требование, поскольку высокой степени когерентности системы может быть недостаточно для того, чтобы говорить об обоснованности убеждений, достаточной для знания. И это также не проблема. Всегда будут системы, удовлетворяющие Требованию, которые, очевидно, превосходят требуемый уровень когерентности. И решение, какую из них принять, будет зависеть от практической ситуации, а не от рассуждений об “уровне”. И конечно, всегда есть нечеткость относительно самого понимания когерентности, которая, конечно, скажется на предполагаемом “компаративном сравнении когерентностей”. Однако здесь можно заметить, что каким-то образом представление о когерентности все же является элементом любой концепции знания, а значит это не проблема.

(г) Субъект должен рефлексивно схватывать тот факт, что его система убеждений удовлетворяет условию (в), – основание того, почему субъект должен *продолжать* (continue) принимать убеждение, чье обоснование анализируется. Это рефлексивное схватывание гарантируется Докастическим Допущением. При этом я не думаю, что субъект должен рефлексивно схватывать другие два условия, – поскольку они в меньшей степени, нежели условие (в), связаны с основаниями, необходимыми для оценки истинности убеждения. Это условия, которые должны быть выполнены, прежде чем главное условие (в) вступит в силу» (с. 153–154).

Корреспондентная гипотеза, проблема соотношения наблюдаемого и ненаблюдаемого и Злой Демон

Первая часть восьмой главы строго не рекомендуется к прочтению. А большинство «аналитически настроенных» философов почти наверняка спросит

с недоумением: «О чем вообще может идти речь, если в концепции, которая претендует на то, чтобы быть достаточно строгой, вдруг появляются откровенные и ничем (как обычно, кроме “здорового смысла”) не контролируемые метафизические рассуждения, которые обосновывают, что корреспондентная теория истинности – это лучший и единственный выбор, который может сделать сторонник когерентистской концепции обоснования эмпирического знания». Это так. И те, кому не слишком интересна внутренняя аргументация Л. Бонжура (а, в общем-то, обычный читатель не обязан детально разбирать все тонкости рассуждений автора, тем более что сам автор постоянно подчеркивает, что он приводит «очевидно, очень приблизительные (very approximate)» соображения), остановятся на том, что «важная задача, которая стоит перед нами, заключается не только в том, чтобы предложить определенные стандарты эпистемического обоснования, но также обосновать то, что эти стандарты являются приводящими к истине (truth-conductive)» (с. 157). И поскольку в самом начале книги Л. Бонжур подал «обоснование стандарта» как «мета-обоснование», а также отметил, что «предметом мета-обоснования являются стандарты обоснования именно эмпирического знания, а значит, никакие эмпирические посылки здесь использоваться не могут. По своей природе, аргумент в пользу мета-обоснования должен быть исключительно априорным» (с. 10), – то можно подумать, что все, что Л. Бонжур хотел сказать об обосновании именно эмпирического знания, он уже сказал. И это правда. При прочих равных они будут считать, что на самом деле когерентистская концепция обоснования знания Л. Бонжура – это скрытая форма фаундализма. Поскольку по сравнению с эмпирическими убеждениями априорные убеждения отличаются тем, что их обоснование не обращается к другим эмпирическим убеждениям, а значит, они естественным образом претендуют на эпистемический приоритет⁶. Как мы уже отмечали, отслеживание знакомых понятий (когерент-

⁶ Приведем несколько замечаний, на которых останавливается Алвин Голман. Удалось ли Л. Бонжуру преодолеть регресс? «Переход к априорному мета-обоснованию только откладывает (postpone) решение проблемы. А не требуется ли каждому априорно обоснованному убеждению априорное мета-обоснование? Он отрицает необходимость мета-обоснования для априорных убеждений, но на каких основаниях? Он говорит, что это следствие требования “эпистемической ответственности”. Субъект эпистемически ответствен, если он принимает только те убеждения, по отношению к которым у него есть хорошие основания полагать, что они истинны. Отсюда появляется требование мета-обоснования. Является ли универсальная истинность априорно обоснованных априорных убеждений основанием принимать их эпистемически ответственно?» [Goldman, 1989b, p. 107]. И здесь А. Голдман ссылается на отрывок уже из приложения А, который нельзя не привести: «Априорное знание является существенной (essential) составляющей концепции когерентизма и не может опираться на когерентность. Некоторый другой тип (оценки знания. – Н. Г.) необходим для оценки априорного знания» (с. 193). В заключении приложения А Л. Бонжур напишет: «Каждое из априорных убеждений, которое не выведено дедуктивно из таких же, должно оцениваться по индивидуальным критериям (merits), не обращаясь к более общим стандартам, которые будут требовать мета-обоснования. Одна из идей заключается в том, чтобы зафиксировать следующую интуицию *a priori*: если мы понимаем априорную пропозицию, то ничего кроме этого понимания – никаких других стандартов – не требуется для того, чтобы “видеть” и интуитивно воспринимать (apprehend), что пропозиция является истинной; и ничего больше не требуется для обоснования убеждения, что эта пропозиция является истинной» (с. 210–211). И в чем-то А. Голдман прав. Мы понимаем, что необходимость мета-обоснования является следствием принятия интернализма и отсюда же характерное представление об «эпистемической ответственности». И теперь уже в контексте рассуждений об «ответственности». Вопрос даже не в том, на каких основаниях требование «понимания» должно быть достаточным условием реали-

ность, обоснование, истинность) не приблизит вас к пониманию того, что именно хотел сказать Л. Бонжур.

Внимательный читатель, заинтересованный в том, чтобы до конца проследить аргументацию в пользу авторской концепции обоснования эмпирического

зависимого представления об «эпистемической ответственности» на уровне априорного знания. Вопрос в том, почему условия достаточности удовлетворения требованию «эпистемической ответственности», отвечающие уровню апостериорного знания, не должны работать на этом уровне априорного знания? Ведь и там, и там критерий один – «хорошие основания полагать, что убеждения истинны». И все это можно повторить в контексте рассуждений о «преодолении регресса». Если с апостериорным уровнем знания все понятно, то не означает ли требование «обозначить другой тип (не возвращающий нас к идее априорного мета-обоснования) оценки априорного знания» необходимость условного «третьего» уровня? Это замечание А. Голдмана ведет к следующему. Почему концепцию Л. Бонжура стоит называть «когерентистской»? «В концепции Бонжура когерентность не является характеристикой всего обоснования, она относится только к апостериорному обоснованию. И положение усугубляется тем, что он предлагает некогерентистскую интерпретацию априорного обоснования, которая, как выясняется, не удовлетворяет его же требованию мета-обоснования: субъект в контексте априорного обоснования не должен демонстрировать, что интуитивное схватывание априорных убеждений является приводящим к истине. Традиционно полагается, что эпистемическое обоснование является унитарной (unitary) концепцией, – необходимо, чтобы была какая-то характеристика (или их множество), которую бы разделяли все обоснованные убеждения. Эта характеристика должна быть общей для всех. И это то, что анализирует и объясняет теория эпистемического обоснования. Но концепция Бонжура не такая. Когерентность не является основной (essential) характеристикой обоснованных убеждений, точно так же как мета-обоснование» [Goldman, 19896, p. 113]. Это так. Холистическое обоснование в представлении Л. Бонжура действительно проходит на двух уровнях, каждый из которых предъявляет свои требования к посылкам. И тут, на наш взгляд, в контексте обоих приведенных замечаний А. Голдмана особое значение должен играть не вопрос об «ответственности» или о «понимании», а вопрос о том, как Л. Бонжур трактует представление об эпистемической рациональности в целом. Означают ли эти «два уровня» два типа рационального рассуждения или Л. Бонжур принимает одну, но чем-то ограниченную концепцию рациональности? И вполне возможно, что Л. Бонжур даже никогда и не задумывался об этом.

Мы знаем, что Л. Бонжур рационалист. Он предлагает концепцию обоснования, не слишком отличающуюся от концепции того же Р. Декарта. В конечном итоге когерентизм Л. Бонжура опирается на определенные «априорные истины», которые доступны пониманию «чистым разумом». Неудивительно, что впоследствии Л. Бонжур напишет книгу «В защиту чистого разума. Рационалистская интерпретация априорного обоснования» (1998). Однако тут есть проблема. Рационализм как один из ключевых тезисов всей западноевропейской философии можно трактовать по-разному. Например, как утверждение, что «все, что существует, имеет рациональную трактовку и рациональное объяснение (независимо от того, знаем ли мы это объяснение сейчас или нет)», скажем, в духе парменидовского «мысль и мыслимое – одно и то же». И в этом смысле рационализм может противопоставляться такой разновидности иррационализма как, например, фидеизм. (Под «иррационализмом» будем понимать общий термин, объединяющий концепции, противопоставляемые различным трактовкам рационализма). Для Б. Паскаля или С. Кьеркегора некоторые фундаментальные вещи *должны* быть «приняты на веру» просто потому, что они по определению не имеют и не могут иметь такого «рационального объяснения». И в этом смысле некоторые вещи, которые Л. Бонжур может считать «самоочевидными» (такие как априорная истина «все требует объяснения»), для фидеистов такими гарантированно не будут (какие-то «вещи» объяснения не требуют). Это пример того, что сама структура «рационального рассуждения» может быть разной. В фидеистской парадигме апелляция к априорным истинам, на которые опираются ключевые элементы концепции Л. Бонжура, – Доксастическое Допущение, Эмпирическое Требование, мета-обоснование, – будет «работать» по-другому. А теперь вспомним о другом возможном делении, которое касается не «возможности объяснения», а «содержания оснований и источника знания» – рационализм vs эмпиризм. Это другая трактовка рационализма. И в ней априорная истина «все требует объяснения» не будет «априорной» (!). И поскольку на материале книги достаточно сложно восстановить, что по этому поводу думает Л. Бонжур, – как именно он понимает рациональное рассуждения, – стоит признать, что вопрос А. Голдмана «Как с точки зрения “эпистемической ответственности” удастся примирить требования совершенно разных “уровней обоснования”?» остается без ответа.

знания, скорее всего, должен начать с мотивации: «Основная проблема заключается в том, что нельзя просто так апеллировать к истине как к причине (*rationale*) принятия стандартов обоснования. Ничто не запрещает нам говорить так, независимо от того, как именно понимается обоснование. Какой бы странной (*bizarre*) ни была концепция обоснования, мы всегда можем сказать, что истина понимается как предельное (*in-the-long-run*) обоснование. Необходимо *заранее* обосновать то, какая концепция истины выбирается и почему. Другой альтернативы стандартному и привычному представлению об истинности как о соответствии независимой реальности нет. И это значит, что мета-обоснование для нашей когерентистской концепции эмпирического обоснования *должно* показывать, что когерентность данной системы убеждений с большой вероятностью дает (*yield*) соответствие. Подобная неожиданная комбинация когерентной теории обоснования и корреспондентной теории истинности, на наш взгляд, является *единственной надеждой* одновременно и *обойти* и фаундализм, и скептицизм, и *выступить в защиту* и эмпирического знания, и привычной концепции реальности. И даже если поставленная задача кажется многим слишком утопичной, – любая концепция мета-обоснования стандартов обоснования эмпирического знания *должна* быть априорной, – ее все равно нужно решать» (с. 158). Так в общих чертах Л. Бонжур закрепляет идею, что ему *необходимо* показать, что система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии со стандартами его когерентистской концепции, тем самым соответствует реальности. И как всегда, отдадим должное Л. Бонжуру, особое внимание уделяется «предварительным замечаниям:

(а) Только в том случае, если система убеждений сходится (*converges on*) и на достаточно большом промежутке времени сохраняет достаточно стабильную картину внешнего мира, – тем самым сохраняя когерентность и на временном промежутке, и на данное время, – так понимаемая когерентность дает основания полагать, что убеждения, составляющие систему, с большой вероятностью истинны. Стабильность по времени, а определенная степень стабильности по времени является необходимым условием того, что мы вообще можем выделить систему убеждений, – это один из аспектов *динамического* понимания когерентности, и это достаточно серьезная (*crucial*) характеристика, которая должна учитываться мета-обоснованием⁷.

⁷ Как отмечает Л. Бонжур: «Мы должны понимать разницу между апелляцией к стандартам эпистемического обоснования в какой-то конкретный (*particular*) момент времени и последовательным согласованным (*consistent*) их применением в течение достаточно длительного времени, – разницу между системой убеждений, которая является когерентной в данный момент, и системой убеждений, которая сохраняет обоснованность на протяжении долгого времени. При этом “длгое время” может не быть бесконечно долгим. Было бы очень хорошо, если бы мы могли сказать, что даже кратковременное (*shot-run*) применение стандартов эпистемического обоснования к системе позволяет заключить, что она с большой вероятностью истинна, но настолько сильная (*strong*) трактовка стандартов обоснования нам не нужна; более того, нам не известна ни одна модель эмпирического обоснования, которая бы это демонстрировала. Нам достаточно будет показать, что, придерживаясь (*adhere*) когерентистского стандарта обоснования в течение какого-то достаточно длительного периода (*over the long run*), мы с большой вероятностью получим убеждения, соответствующие реальности. И это именно тот ориентир, на который нацелен наш аргумент. Естественно, достижение и фиксация обоснования системы на протяжении какого-то достаточно длительного периода делает разумным с эпистемической точки зрения применение стандарта обоснования и в какой-то конкретный момент или на небольшом отрезке времени. И все это только относительно принятого представления об обо-

(б) Эмпирическое Требование, сформулированное в параграфе 7.1, *гарантирует* (guarantees), что система убеждений будет получать дополнительное (input) эмпирическое содержание. Более того, как мы увидим, именно *сохранение когерентности перед лицом новых данных* дает основание полагать, что система убеждений с большой вероятностью истинна. А значит, продолжающееся (continued) удовлетворение Эмпирическому Требованию является важной (essential) предпосылкой предполагаемого аргумента, и мета-обоснование должно апеллировать к тому, что наша концепция включает это условие⁸.

сновании с учетом того, что вы одновременно не рассматриваете альтернативные стандарты, которые, например, гарантируют, что их непосредственное применение тут же приведет к успеху» (с. 169–170). Если система сохраняет когерентность на протяжении какого-то промежутка времени, является ли она когерентной в каждый момент времени? Как быстро происходит фиксация эпистемического статуса? Естественно, это все «схоластические» искусственные вопросы, которые являются следствием неправильного понимания ситуации. И таких примеров много, достаточно вспомнить критику Л. Бонжуром экстерналистского «решения» проблемы «парадокса лотереи» в первой части книги (с. 53–57), или, например, «решение» известных апорий «Ахиллес и черепаха» или «Стрела» средствами математического анализа, – «решения», которые приводятся без учета оригинальной постановки задачи (что, конечно, не мешает некоторым авторам, даже не открывавшим «Метафизику» Аристотеля, тешить свое самолюбие обнаруженными «решениями» и оригинальными мыслями). Эвиденциализм как концепция эпистемического обоснования всего лишь утверждает, что эпистемический статус приписывается убеждению на основании сравнения этого убеждения с другими (см.: [Chisholm, 1989, ch. 2]). И даже попытка Эрла Кони и Ричарда Фелдмана придать более строгий вид определению привела к следующему: «Доксастическая установка *D* по отношению к пропозиции *p* эпистемически обоснована для *S* в момент времени *t*, если и только если обладание *D* по отношению к *p* соответствует данным (evidence), которыми *S* обладает в момент времени *t*» [Conee, Feldman, 2004, p. 83]. Формально «момент времени *t*» присутствует, но важным является именно приписывание эпистемического статуса. И в этом смысле Л. Бонжур, конечно, прав, нужно оценивать «конечный результат». В терминах его концепции все это гарантированно займет какое-то время – появление когнитивно спонтанных убеждений, рефлексивное схватывание их содержания, отнесение к соответствующему типу и обоснование достоверности, согласование и помещение их в общий когерентный контекст системы убеждений и т. д. И естественно, все это предполагает перманентную ревизию когерентности системы перед лицом постоянно прибывающих данных, в том числе новых типов. В определенном смысле мы имеем дело с очередной интерпретацией парадокса «сорит» и попыткой решить его в терминах достижения «эффективного предела» (см.: [Головкин, 2012]). С той особенностью, что в данном случае апелляция к «достаточно длительному периоду (over the long run)» нужна для того, чтобы при прочих равных «действительно» убедиться в том, что на протяжении этого периода система сохраняет когерентность, а значит в целом «убеждения соответствуют реальности».

⁸ Примечательно то, что, как правило, этот пункт (б) вызывает не меньше вопросов, чем все последующие рассуждения Л. Бонжура. Как отмечает Сьюзан Хаак: «И хотя у меня есть сомнения, что аргумент мета-обоснования сможет выдержать детальный критический анализ, моей целью является утверждение, что Эмпирическое Требование *гарантирует* то, что система, удовлетворяющая ему, будет получить эмпирическое (observational) пополнение. Если мы внимательно посмотрим на Эмпирическое Требование, то можно обнаружить двусмысленность (ambiguity). Мы можем принять “доксастическую” интерпретацию – субъект убежден (believe that he has), что у него есть когнитивно спонтанные убеждения и что они достоверны, а можем принять “практическую” (experientialist) интерпретацию – у субъекта есть (have) когнитивно спонтанные убеждения и он убежден, что они достоверны. (В определенном смысле это различие аналогично различию “доксастического” и “пропозиционального” обоснования. – Н. Г.). Когда Бонжур говорит, что “система убеждений должна содержать законы, приписывающие достоверность когнитивно спонтанным убеждениям”, – остается непонятным, должна ли система *актуально* содержать когнитивно спонтанные убеждения. И эта двусмысленность представляет собой большую угрозу. В седьмой главе, формулируя Эмпирическое Требование, Бонжур пишет, что оно “эффективно гарантирует, что когнитивная система, которая ему удовлетворяет, будет получать по крайней мере явное (at least apparent) пополнение” (с. 142). В восьмой главе, когда Эмпирическое Требование становится важным (vital) элементом мета-обоснования,

(в) Очевидно, что когерентность, точно также как стабильность во времени или обоснование, *всегда встречается в какой-то степени*. Это не истинность. А значит, заключение предполагаемого аргумента, при прочих равных, должно учитывать тот факт, что само понятие соответствия данной системы убеждений реальности предполагает зависимость от степени когерентности и/или от времени стабильности этой системы» (с. 170). Только после этого Л. Бон-

«по крайней мере» пропадает и оно просто «гарантирует» (с. 170) пополнение системы. И тут нужно сделать два замечания. Во-первых, в «доксастической» интерпретации он *не может* ничего «гарантировать». Возможно, следует предположить, что если Эмпирическое Требование в «доксастической» интерпретации выполнено и субъект обоснован в некоторых убеждениях, которые эмпирические (observational) по происхождению, то тогда субъект будет не только «убежден», но и «убежден с обоснованием», что у него есть убеждения, эмпирические по происхождению. И этого все равно будет *недостаточно* для того, чтобы гарантировать пополнение (input) системы. Возможно, Бонжур тайно (covertly) в плену обнадеживающей (reassuring) мысли, что мета-обоснование предполагает, что если субъект убежден с обоснованием, что у него есть убеждения, эмпирические по происхождению, то тогда, возможно, у него есть убеждения, эмпирические по происхождению. Но эта мысль не помогает. Ибо его мета-обоснование само полагается на допущение, что пополнение системы гарантируется, если Эмпирическое Требование выполнено.

Во-вторых, можно показать, что «практическая» интерпретация вообще радикально меняет природу концепции Бонжура. При прочих равных в «доксастической» интерпретации верно, что (1) «система убеждений когерентна и включает убеждения, которые говорят о том, что такие-то убеждения являются когнитивно спонтанными». И эта интерпретация, по-видимому, и отвечает исходной задумке Бонжура. Интерналистская когерентистская концепция, которая тем не менее не гарантирует эмпирическое пополнение системы. В «практической» интерпретации верно, что (2) «система убеждений когерентна и включает когнитивно спонтанные убеждения». И эта интерпретация гарантирует эмпирическое пополнение системы, но производная концепция обоснования сама по себе уже не будет той концепцией, которую Бонжур хочет предложить, – она не будет когерентистской. Предложение (1) целиком доксастическое. Оно выражено (couched) в терминах отношений между убеждениями субъекта и, тем самым, созвучно (consonant) с когерентизмом. Однако предложение (2) не является целиком доксастическим. Оно не выражено только в терминах отношений между убеждениями субъекта. Оно говорит, что тот факт, что какие-то убеждения системы являются эмпирическими по происхождению, является необходимым условием того, что убеждения системы будут обоснованы. Как следствие, в «практической» интерпретации Эмпирического Требования концепция Бонжура не может оставаться когерентистской. Однако ее также нельзя будет считать и фаундалистской. Потому что разница между базовыми и инференциальными убеждениями в их обосновании, а Бонжур настаивает на том, что когнитивно спонтанные убеждения не инференциальны по происхождению, но инференциальны по обоснованию. Если бы Бонжур разделял нашу точку зрения, то он мог бы сказать, что система, которая не только включает когнитивно спонтанные убеждения, но также в которой когнитивно спонтанными являются убеждения, относительно которых субъект убежден в том, что они являются когнитивно спонтанными, является «фаундгерентистской» (foundheretist) [Haak, 1992, p. 20–22]. В рецензии на первую часть книги Л. Бонжура мы уже обращали внимание на то, что С. Хаак не принимает дихотомию когерентизм/фаундализм (см.: [Головкин, 2023]). Однако даже если мы согласимся с тем, что Л. Бонжур проглядел (а, по-видимому, это действительно так) возможность «не-доксастической» трактовки Эмпирического Требования, в любом случае он не откажется от дихотомии когерентизм/фаундализм. Эта дихотомия является значимой частью «метафизических допущений», которые принимает Л. Бонжур. Это во-первых. А во-вторых, когда Л. Бонжур рассматривал еще один не менее (а может и более) одиозный момент – «достоверность должна определяться изнутри системы убеждений», он отметил: «Я не буду обращать внимание на разницу между актуальными фактами в каждом из примеров и моей субъективной их интерпретацией (например, рассматривая, является ли убеждение когнитивно спонтанным, выполнены ли условия наблюдения, является ли убеждение с высокой вероятностью истинным), просто приму, что они находятся в соответствии друг с другом, если специально не оговаривается обратное» (с. 119). И, скорее всего, он и здесь бы написал, что «субъективный опыт находится в соответствии с актуальными фактами» и что «субъект должен быть способен распознать убеждение соответствующего вида».

жур формулирует, по сути, свой основной тезис, более известный как аргумент «от мета-обоснования», который, кроме прочего, также является его ответом на Возражение (III).

(MJ) «Система убеждений, которая (а) остается когерентной и стабильной на протяжении долгого периода времени и (б) продолжает удовлетворять Эмпирическому Требованию, с большой вероятностью – пропорциональной степени когерентности и стабильности, а также длительности рассматриваемого периода, – близко (closely) соответствует независимой реальности» (с. 171)⁹.

И прежде чем сфокусироваться на посылах аргумента и его обосновании, на наш взгляд, имеет смысл привести комментарии, которые дают возможность понять логику рассуждений самого Л. Бонжура. «Интуитивная идея, скрывающаяся за аргументом, который будет предложен, заключается в том, что *зафиксированная ситуация должна иметь адекватное объяснение*. Когерентность-стабильность системы убеждений – это достаточно сложный и уязвимый (fragile) феномен, который легко нарушить, а значит в принципе (inherently) маловероятно, что система убеждений, которая постоянно получает дополнительное (input) эмпирическое содержание, как это гарантируется Эмпирическим Требованием, будет оставаться когерентной без постоянного (constant) пересмотра когерентности перед лицом новых данных до того момента, когда ее стабильность будет нарушена. Нам необходимо объяснить, *почему система продолжает оставаться стабильной*. И самое очевидное объяснение заключается в том, что система убеждений соответствует (match) независимой реальности, которую она описывает (purports to describe), причем достаточно точно (closely enough) для того, чтобы минимизировать появление (input) потенциально деструктивных (disruptive)

⁹ Есть несколько моментов, на которые приведенная формулировка (MJ) буквально обращает внимание. Во-первых, Л. Бонжур реалист, но приведенная формулировка наверняка будет удовлетворять, например, метафизике Дж. Беркли, которого, как известно, традиция относит к английскому эмпиризму, – вопрос эмпирического обоснования знания был для него важен. Известный тезис «существовать – значит быть воспринимаемым» предполагал и объекты, аналогичные «когнитивно спонтанным убеждениям», и то, что «обоснование по своей природе является приводящим к истине». Проблема в том, что у Дж. Беркли была другая онтология, – автором «когнитивно спонтанных убеждений» был Бог, а «объяснение», о котором говорит Л. Бонжур, апеллировало не к «независимой реальности», а к «сознанию Бога». Все это не значит, что Л. Бонжур должен помнить о Дж. Беркли, но определенная дистанция именно в терминах выбранной метафизической модели (а как мы видим, на первый взгляд, вполне возможно использовать приведенную структуру аргумента совершенно в другом дискурсе) важна. В пользу Л. Бонжура, конечно, свидетельствует параграф 8.2. «Реализм и корреспондентная теория истинности», который, на наш взгляд (и это совершенно неожиданно, учитывая тот факт, что Л. Бонжур, как мы видим, сторонник «чистого разума»), является *образцовым примером* того, как нужно говорить о реализме.

Во-вторых, и этот вопрос можно задать любому модельному представлению, – а какие основания есть у нас, чтобы предполагать, что мы рассматриваем реальную ситуацию? Вопрос об обосновании эмпирического знания, вопрос об эмпирическом (противопоставляемом априорному) обосновании, как правило (и уже тем более, если мы говорим о возможности интерпретации построений Л. Бонжура в контексте проблемы обоснования научного знания, например, в области физики или археологии) предполагает, что мы рассматриваем «эмпирическую ситуацию», требующую обоснования. К чему в реальной практике ученых относится (MJ)? И это, конечно, не вопрос к Л. Бонжуру, он интересен сам по себе, – мы просто фиксируем то, что нам хотелось бы, чтобы (MJ) начинался с какой-нибудь условной «фактуальной» посылки. И еще вопрос, который тут можно вспомнить. В собственных терминах концепции Л. Бонжура «доступ к существованию» анализируемой когерентной системы требует Доксастического Допущения, – и этот момент тоже, на наш взгляд, почему-то опущен.

новых данных. Общий замысел должен быть понятен: должно существовать какое-то адекватное объяснение тому факту, что система когерентна на длительном отрезке времени. И если это объяснение в терминах истины является более вероятным, чем объяснения в других терминах, то тогда можно говорить о достижении какой-то степени достоверности. Будет ли это объяснение “более вероятно, чем не вероятно” или “вероятно настолько, чтобы мы могли сказать, что мы знаем” и т.д., будет зависеть от того, “насколько вероятно, что такое объяснение существует”, и от того, “насколько данное объяснение *лучше*, чем другие объяснения”, – а все эти моменты, в свою очередь, будут зависеть от степени когерентности и стабильности системы на этом промежутке времени. И все эти вещи должны быть детально представлены по ходу аргумента» (с. 171–172)¹⁰. Принимая во внимание

¹⁰ Один из моментов, который часто подчеркивают критики, заключается в том, что, по сути, основанием мета-обоснования является «вывод к лучшему объяснению». Не вдаваясь в детали о проблемах абдукции (вероятностный вывод объяснения имеющихся фактов посредством ранее обоснованных гипотез – «мы видим цепочку характерных отпечатков на песке и заключаем, что недавно по пляжу прошел человек»), отметим, что с точки зрения «лучшего объяснения» аргумент Л. Бонжура, судя по всему, точно не является лучшим (см., например: [Головкин, 2008]). Исходная постановка вполне понятна. У нас есть то, что нужно объяснить: «...система убеждений, продолжая удовлетворять Эмпирическому Требованию, остается когерентной и стабильной на протяжении долгого времени» (с. 171), под Эмпирическим Требованием понимаем то, что «система должна содержать законы, приписывающие высокую степень достоверности для достаточно большого количества типов когнитивно спонтанных убеждений» (с. 141). Мы должны, по замыслу Л. Бонжура, показать, что наилучшим объяснением этого факта является гипотеза о том, что «система соответствует объективной реальности» (одновременно это будет обоснованием (М)), а также покажет «связь между когерентностью и истинностью» – даст ответ на третье «стандартное возражение»). Показать это нужно априорно, поскольку мета-обоснование стандартов обоснования эмпирического знания должно быть априорным. И в этом сложность. Ставя перед собой задачу предложить именно априорный аргумент, Л. Бонжур должен показать его *необходимость*, проще говоря, показать, что он выполнен для всех гипотез. Однако он ограничится лишь «зарисовкой» – рассмотрит восемь альтернативных объясняющих гипотез в заданной им системе координат «нормальные» – «скептические» гипотезы (насколько она полна?), и кроме того, останется вопрос – а были ли соответствующие заключения получены именно исключительно априорно? Второй момент подчеркивает Алан Голдман: «Любая реалистская эпистемология, включая концепцию Бонжура, должна опираться на предположение, что *вывод к лучшему объяснению сам по себе является выводом, сохраняющим истинность* (truth-preserving), по крайней мере в заданном контексте. А значит, мы должны принять интерсубъективную (interpersonal) и натуралистическую посылку. На перцептуальном уровне мы полагаем, что именно объясняющий вывод связывает перцептуальные убеждения и стимулы и что эта форма вывода эволюционировала вместе с нашим видом, предоставляя нам необходимую информацию об окружающем мире, достаточно точную для того, чтобы обеспечить выживание. Последнее, как минимум, требует информации о положении и каких-то характеристиках объектов “среднего размера”, которые могут представлять угрозу, быть источником пищи и так далее. В этом смысле маловероятно, что квазивыводные перцептуальные механизмы, производящие перцептуальные убеждения (которые объясняют поступающие данные (raw data) в терминах характеристик объектов среднего размера), будут приводить к совершенно ложным объяснениям. Да, такое обоснование перцептуального “объяснения по индукции” будет отчасти носить циклический (circular) характер – апеллировать к плохой обратной связи либо к самообоснованию, но на этом уровне общности и глубины у нас есть *только этот* аргумент. И на самом деле такое обоснование фундаментальных эпистемических принципов не является ни тривиальным, ни пустым (тут можно вернуться к обоснованию Л. Бонжура Доксастического Допущения. – Н. Г.). Другая проблема такого натуралистического аргумента заключается в том, что нам нужно попытаться расширить его за пределы уровня восприятия и представлений о непосредственно наблюдаемых объектах. Использование объяснения по индукции для построения научных теорий относительно ненаблюдаемого имеет совсем другую форму и совсем не похоже на эту его примитивную форму, когда мы говорим об объяснении восприятия. У нас вывод к ненаблюдаемому посредством наблюдаемых положений дел (необходимых для выживания), где под-

эти соображения, Л. Бонжур приводит две посылки, обоснование которых займет все последние пятнадцать страниц книги.

(P₁) «Если система убеждений остается когерентной и стабильной на длительном промежутке времени, при этом продолжая удовлетворять Эмпирическо-

тверждение будет устанавливать *когерентность* между этим объясняющим выводом и непосредственно наблюдаемым. И даже на самых глубоких теоретических уровнях мы можем утверждать, что хорошая объясняющая теория *исправляет* систематические ошибки восприятия (а значит, способствует когерентности. – Н. Г.), например, наивное приписывание характеристики цвета или вкуса. Научные теории делают это посредством апелляции к окружающей реальности в форме экспериментальной проверки объясняющих гипотез в хорошо контролируемых лабораторных условиях. И это можно рассматривать как аналог, хотя и неточный, естественного отбора самой формы вывода в том виде, как он работает на менее теоретическом уровне обыденного восприятия» [Goldman, 1989a, p. 131–132]. Это замечание А. Голдмана, что «прежде чем применять вывод к лучшему объяснению, мы должны убедиться в том, он сам по себе является выводом, сохраняющим истинность», по-видимому, указывает на главную недостающую часть (М). Л. Бонжур подменяет «демонстрацию сохранения истинности» вывода его необходимостью. Ему нужно объяснить, почему сохраняющая когерентность система при непрерывном ее пополнении новыми эмпирическими данными будет истинна. Его лучшее объяснение: «потому что система убеждений соответствует реальности». И прекрасно понимая, что ему никак не добиться полноты анализа множества рассматриваемых объясняющих гипотез, – показать, что нет других объяснений, которые могут быть даже лучше намеренного, – он допускает (наша реконструкция), что если он априорно (т.е. с необходимостью) покажет, что существует актуальный вариант объясняющей гипотезы, которая лучше других, – пусть даже и на каком-то конечном множестве доступных гипотез, – объясняет то, что нужно, то проблемы не будет, именно поскольку *априорное обоснование необходимо*. Проблема в том, что есть достаточное число критиков, которые покажут, что Л. Бонжур не смог построить собственно априорное обоснование.

В качестве шутки можно отметить, что теоретически существует и более экзотический вариант показать, что объясняющий вывод является «сохраняющим истинность». Но для его иллюстрации мы должны выбрать «длинный и запутанный путь» и предположить, что концепция Л. Бонжура как минимум будет работать в философии науки, а также то, что такие важные понятия, как «истинность», «достоверность внутри системы» и «граница между наблюдаемым и не-наблюдаемым» можно адекватно интерпретировать, например, с точки зрения философии времени или любой другой достаточно фундаментальной философской системы, которые, в свою очередь, можно как-то (как?) соотносить с анализом проблемы обоснования эмпирического знания. И не вдаваясь в детали анализа проблем позитивистской модели науки (таких как возможность эмпирически эквивалентного описания), или темпоральной интерпретации метафизики науки (состоятельность объединения трехмерной структуры пространства и одномерного времени в единую онтологическую структуру и т.д.), или в обсуждение того, как вообще возможны такие сложные компаративные системы, состоящие, по сути, из кусочков различных онтологий, принадлежащих разным «последовательностям», можно отметить следующее. В самом начале пятой главы Л. Бонжур говорит о необходимости различать «критерий истинности» и «метафизическую концепцию истинности» (см., например, с. 88). С одной стороны, объяснение того, почему данное утверждение истинно (когерентная система убеждений истинна, потому что соответствует объективной реальности), а с другой – *природа* истинности. И в этом смысле рассуждения о «природе истинности», – принятие онтологии специального вида, могут зафиксировать необходимый момент, связанный с интересующим нас «сохранением истинности» объяснения. (В этом рассуждении нет ничего странного, так как именно *необходимый* характер априорного обоснования и соответствующее понимание «природы истины» и является гарантией «сохранения истинности» в оригинальных построениях Л. Бонжура). И самый простой случай, на наш взгляд, – это рассуждать о том, что другой истины, кроме доступной в моменте, – нет. Также отметим, что с точки зрения эпистемологии такой ход рассуждений уже имеет место быть, – фактически мы уже это делаем, когда говорим об эмпирическом знании в момент времени *t*. Должны быть выполнены условия знания, одно из которых – условие истинности, и сам этот факт дает нам возможность (при прочих равных) с метафизической точки зрения абсолютизировать понятие «относительного знания». И естественно, здесь мы можем вообще отбросить понятие истинности и говорить об инструментализме в духе Эрнста Маха, Анри Пуанкаре или Баса Фраассена, либо о науке и научном знании «от первого

му Требованию, тогда с большой вероятностью должно существовать объяснение этому факту (отличное от простого полагания, что этот факт просто случайность). При этом степень правдоподобия (likelihood) этого объяснения должна

лица» («at face value» по выражению Хилари Патнэма), либо акцентировать внимание на том, что это запрещенный (с точки зрения Л. Бонджура, см. с. 110) ход рассуждений, что мы привязали истинность к прагматическому критерию, такому как «рациональная приемлемость на бесконечности» и эту «бесконечность» искусственно ограничиваем и т.д., но мы хотим сохранить сам дух концепции Л. Бонджура, его реализм.

В современной философии науки существует достаточно четкий критерий определения того, какую теорию считать лучшей: ту, которая лучше объясняет и предсказывает явления в соответствии с гипотетико-дедуктивной моделью развития научного знания, которую сформулировал Уильям Уэвелл в его «Философии индуктивных наук» (1840). Которая, в частности, позволила разделить эмпирические данные, на которых теория строится, и эмпирические данные, на которых теория проверяется, а также до сих пор дает достаточно надежный критерий существования теоретических объектов относительно имеющегося объема данных (см., например: [Головкин, 2006]). А теперь представим, что мы приняли темпоральную метафизическую онтологию, в которой онтологический статус будущего сейчас гораздо ниже, чем статус настоящего или прошлого, например концепцию «растущего блока» Ч. Брода либо производную от нее концепцию «движущегося проектора» (см., например: Skow B. *Objective Becoming*. Oxford University Press, 2015), а также сопутствующее представление о позитивном характере роста научного знания при движении познания из прошлого в будущее. В такой отобранной онтологии наш «вывод к лучшему объяснению», опирающийся на гипотетико-дедуктивную модель, будет являться «сохраняющим истинность», хотя он, очевидно, и не является дедуктивным. Поскольку другой доступной «истины», других данных, на основании которых мы показываем связь факта и «лучшей» объясняющей гипотезы, сейчас нет. Объясняющая гипотеза предполагаемого абдуктивного вывода «истинна», потому что уже прошла весь трудный путь проверки и отбора и лучше других отвечает имеющемуся на данный момент времени *t* сопутствующему (background) знанию, а заключение будет «истинным», потому что оно будет подвергнуто всем возможным на данный момент времени проверкам в соответствии с логикой гипотетико-дедуктивной модели. Да, мы говорим здесь об «относительной истине», но в нашей онтологии другой нет. Это тот самый случай. И конечно, было бы слишком смелым утверждать, что концепция Л. Бонджура – это лучшее, что случилось в области философии науки в XX веке после диалектического материализма В.И. Ленина, но запрета на такие рассуждения нет. Как только вы поймете, что метафизика науки не развивается как наука (одна онтология сменяет другую, формируя временный передний край знания), а является частью философии, т.е. представляет собой условно ограниченный набор онтологий, каждая из которых участвует в развитии своей «последовательности» (большинство из которых вообще никак не относятся к науке и научному знанию), вместе с характерным для философии критерием значимости философского результата. Можно долго спорить о том, как возможна (и насколько будет продуктивной) рецепция метафизики В.И. Ленина в концепции «растущего блока». (И естественно, многие скажут, что это плохая идея, поскольку не просто, (а) нельзя рассматривать диалектический материализм как самостоятельную метафизическую систему в отрыве от исторического материализма, что, конечно, буквально является терминальным в данном случае тезисом, но и потому, что (б) диалектический материализм – это пост-декартовский проект субстанциальной онтологии, который не очень хорошо укладывается в общую тенденцию достаточно обоснованного предпочтения верификационистских / номиналистских онтологий, которая буквально главенствует в метафизике с середины XX века). Однако такое сочетание условного (и уже совсем не похожего на оригинал) «материализма» и условной концепции «растущего блока», ограниченной привязкой к конкретной области знания, будет обладать крайне ценной, с точки зрения философии науки, характеристикой. Здесь представление о контингентном характере научного знания будет являться органической, естественной частью философской онтологии. (И конечно, самые горячие головы скажут, что нет смысла вообще городить такую сложную конструкцию. Что если есть желание, то нужно просто перейти к онтологии специального вида, например, к онтологии Дж. Лоу, представленной в его «Четырехкатегориальной онтологии» (2006), в которой контингентный характер научного знания буквально гарантируется в соответствующей модели соотношения науки и философии. Тем более что если мы уже находимся в несубстанциалистской парадигме и у нас уже есть подходящая фундаментальная концепция существования, следующая за концепцией «реальных паттернов» Дэниела Деннета. См.: [Головкин, Эртель, 2021]). И тем не менее, выстраивая

быть пропорциональна степени когерентности и стабильности системы на этом промежутке времени» (с. 171) ¹¹.

«последовательность» (если ее вообще можно должным образом построить) «от В.И. Ленина к Л. Бонжуру» – именно по основанию «абсолютизации относительного знания» – мы схватим, кроме дорогих нам интернализма, реализма и корреспондентной теории истинности, и (а) «контингентный характер научного знания», и (б) «достоверность внутри системы», и (в) «динамический характер соотношения наблюдаемого и не-наблюдаемого». С этой точки зрения *ошибкой* большинства конвенциональных концепций метафизики науки является то, что эти важные характеристики научного знания (а)–(в) полагаются вторичными и должны как-то потом следовать из онтологии. Но так ли это? В свое время В.И. Ленин привел пример, показывающий то, как возможно «динамическое» отношение между научной и локальной метафизической онтологиями. На каждом историческом этапе, починаясь общей логике развития исторического процесса, относительное знание будет включать в себя и свою научную онтологию, и свое обоснование метафизического содержания и укорененности фундаментальных научных понятий в современной им философской теории, развитие которой также исторично. Более того, общая канва соотношения трех истин (относительной, абсолютной и объективной), а также правило «отсутствие договоренности о переднем крае» (основное отличие развития научного и философского знания) также будут обуславливать «динамику» соотношения онтологии развивающегося научного знания и различных конкурирующих трендов развития философской теории. И это еще больше усложняет ситуацию. На каждом историческом этапе у нас всегда есть несколько своих подходящих альтернативных метафизических трактовок. Сейчас Л. Бонжур привел пример того, как возможно определение «достоверности внутри системы». И они оба говорят о необходимости понимания истинности в терминах соответствия объективной реальности. По крайней мере, в смысле метафизического тезиса о том, что внешняя реальность необходима в том случае, если мы вообще можем говорить об истинности эмпирического знания, которое эту реальность отражает. Насколько это совпадение случайно? Вспомним о том, что в реальной науке достоверность, например, полученного результата проведенного эксперимента (который по аналогии можно назвать «спонтанными научными данными») определяется именно «внутри системы» (см., например: [Головкин, 2007]). Учитывая сложность проведения эксперимента и невозможность проверки абсолютно всех оснований, сопутствующих обоснованию достоверности и теории, и вспомогательных допущений, которыми пользуется ученый, и теорий, которые описывают функционирование экспериментальной установки, единственное, что остается – это определить достоверность (способность наблюдения или результата эксперимента с большой вероятностью быть истинным, или с большой вероятностью появиться в тех условиях, в которых появляются истинные наблюдения / результаты) в терминах «согласованности (agree)» убеждений друг с другом в том смысле, что убеждения (а) не противоречат (contradict) друг другу и (б) будучи подогнанными (fit) друг к другу, вместе с соответствующими теоретическими допущениями они образуют (form) когерентный образ объективного мира, включая объяснение того, почему такие убеждения являются достоверными» (с. 138). На этом основании мы точно можем по крайней мере попробовать объединить Л. Бонжура и В.И. Ленина в более общую, исключительно «конструктивистскую» онтологию, куда также можно добавить «непроявленность» будущих онтологических категорий, пока наука их нам не откроет» Дж. Лоу и верификационистскую структурную онтологию паттернов Дж. Лэдимена / Д. Деннета. Если, конечно, вы уже готовы отказаться от субстанциализма В.И. Ленина.

¹¹ С точки зрения Л. Бонжура посылка (P_1) является «самоочевидно истинной» (self-evidently true): «Если не существует других оснований (которые могут обеспечить объяснение), участвующих в формировании (production) анализируемой системы убеждений (если бы когнитивно спонтанные убеждения, удовлетворяющие Эмпирическому Требованию, были бы произведены случайным образом), тогда с большой долей вероятности когерентность системы будет *непрерывно* нарушаться и восстанавливаться. Нарушение когерентности может наступить либо по причине накопления большого числа изменений в содержании системы, которые нарушат ее стабильность, либо как результат нарушения Эмпирического Требования, если достаточно большое число убеждений наблюдения не будет приниматься системой. И если на протяжении длительного промежутка (long run) времени подобного нарушения не наступает, то с большой вероятностью должен существовать еще какой-то фактор, объясняющий стабильность. И вероятность правдоподобия (likelihood) этого фактора будет только увеличиваться по мере того, чем дольше период стабильности, – и именно об этом говорит P_1 . Мы можем даже сказать, что P_1 является аналитическим утверждением, – частью значения понятия *случайность* (chance) является то, что множество возникающих чисто случайно исходов вряд ли (unlikely)

(P₂) «Наилучшим объяснением, – истинным с наибольшей вероятностью, – для системы убеждений оставаться когерентной и стабильной на длительном промежутке времени, при этом продолжая удовлетворять Эмпирическому Требованию, является тот факт, что: (а) когнитивно спонтанные убеждения, достоверность которых подтверждена внутри системы, систематически оказываются причинены именно в тех ситуациях, которые описываются (depicted) их содержанием; (б) вся система убеждений соответствует, в разумных пределах, независимой реальности, которую она описывает. И степень предпочтения (preferability) этого объяснения возрастает пропорционально степени когерентности и стабильности системы с течением времени» (с. 171) ¹².

Итак, нам нужно показать, что объясняющая гипотеза при выполнении всех обозначенных условий является более вероятной, чем любая альтернативная. Система убеждений, для которой наша корреспондентная гипотеза не выполнена, не будет оставаться когерентной (продолжая удовлетворять Эмпирическому Тре-

будет на достаточно большом интервале времени продолжать соответствовать заданному сложному паттерну. С другой стороны, так это или не так, не имеет большого значения, поскольку мы не можем сказать нечто подобное для P₂» (с. 172). Учитывая то, что ниже, разбирая обоснование P₂, Л. Бонжур вспомнит про «Злого Демона» Р. Декарта, можно еще раз вспомнить о том, насколько Л. Бонжур доверяет рационализму.

¹² На наш взгляд, обоснование посылки (P₂) является хорошим примером, показывающим то, насколько неоднозначной фигурой среди философов 1980-х был Л. Бонжур, судя по всему, до конца приверженный «классическому проекту» в тот момент, когда «дух времени» уже радикально изменился. И это еще один повод прочитать книгу: чтобы понять масштаб дискуссии о том, как связаны знание и реальность, в том виде, как она велась сорок лет назад. В тот период, когда позитивизм (Р. Карнап, Г. Рейхенбах) как глобальный метафизический проект уже точно сошел на нет, «семантический приоритет» (М. Даммит, Д. Дэвидсон), буквально доминировавший до этого, уже переживал не лучшие свои времена, а неаристотелизм (Д. Армстронг, Дж. Лоу и многие другие философы, которые начнут говорить о необходимости мета-метафизики и мета-онтологии) еще только-только «поднимал голову». В этом смысле, и особенно потому, что Л. Бонжур говорит об обосновании *эмпирического*, т. е. научного знания, его гораздо легче сравнивать с «метафизически настроенным» направлением в философии науки того периода. Направление, которое, несмотря на все старания ни позитивизма «изгнать из философии метафизику», ни тех, кто был слишком вдохновлен лозунгом Л. Витгенштейна «Философские проблемы возникают именно тогда, когда язык отдыхает», никуда не исчезло. И это понятно, реальный ученый – работающий по специальности научный сотрудник – вряд ли удовлетворится тезисом «существовать – значит быть значением переменной» вместе с требованием необходимости строгого аналитического модельного представления знания. (Оставим пока в стороне «инструментализм» и «рабочий платонизм» и предположим, что перед нами метафизически рефлексивный ученый.) И если бы Л. Бонжур писал о научном реализме, то почти наверняка он точно так же, как Майкл Девиtt в «Реализм и истина» (первое издание вышло в 1984 году) или Хилари Патнэм соответствующего периода («Сознание, язык и реальность» выходит еще в 1975 году), отметил бы, что «есть что-то странное в том, чтобы тратить столько времени на обоснование чего-то столь очевидного и банального, как независимое существование такого знакомого окружающего мира». Реализм в том виде, как его понимают Л. Бонжур, М. Девиtt и вся отечественная философия науки (П.В. Копнин, М.В. Мостепаненко, В.С. Швырев и др.), – с той разницей, подчеркнем, что Л. Бонжур не пишет о научном реализме, что, конечно, делает его позицию более уязвимой, – это часть классического материалистического проекта с одной субстанцией и теорией отражения. В этом плане другие условно «материалистические» проекты последней четверти XX века – например, онтология троп Д. Армстронга или онтология паттернов Д. Деннета, – следует понимать уже не в «субстанциалистском» смысле (продолжение декартовского дуализма), а скорее в «реляционно-диспозиционалистском» смысле (когда мы рассуждаем о существовании устанавливающих истину в рамках той или иной условной «номиналистской» онтологии), отчего мы, как правило, и характеризуем последние онтологии как «реалистские», а не как «материалистические». Л. Бонжур все еще материалист.

бованию), по крайней мере пока система не будет пересмотрена в сторону большей когерентности, а значит и «большей степени соответствия реальности», – и это приведет к тому, что «старая» система перестанет быть стабильной, и постепенно будет сформирована «новая» система, для которой наша объясняющая гипотеза будет выполнена. На каком основании мы будем полагать, что когерентные системы, подчиняющиеся Эмпирическому Требованию, в концепции Л. Бонжура ведут себя именно так? Идея Л. Бонжура заключается в том, чтобы посмотреть на то, как ведут себя в плане динамики «когерентности-стабильности» другие – альтернативные объясняющие гипотезы. Для этого он разбивает рассматриваемые варианты на два подмножества. С одной стороны – гипотезы, которые работают в возможных мирах, в которых все окружающие объекты не отличаются от доступных нам, убеждения наблюдения также причиняются внешней реальностью, но по каким-то причинам система убеждений, которая есть у субъекта, не полностью (и мы можем проследить это по каким-то характеристикам) совпадает с предполагаемой системой, которой в этой же ситуации будет владеть актуальный субъект. С другой стороны – гипотезы, которые являются производными от классической скептической гипотезы Р. Декарта.

А) *Нормальные альтернативные гипотезы.* В данном случае мы будем иметь дело с более слабыми версиями исходной объясняющей гипотезы в том смысле, что долговременная «когерентность-стабильность» системы отвечает лишь *некоторой* степени соответствия внешней реальности, но не настолько «достаточно близкой» для того, чтобы отражать реальность более детально. Л. Бонжур предлагает рассмотреть следующие *два типа* возможных «нормальных» объясняющих гипотез: (а) когерентная система более или менее корректно репрезентирует мир в том, что касается эмпирической (observational) компоненты, но общая картина реальности, тем не менее, «фундаментально не полна (incomplete)» в силу того, что «не все вещи доступны эмпирическому наблюдению или являются наблюдаемыми». С точки зрения философии науки, здесь Л. Бонжур погружается в классическую *дискуссию о соотношении теоретического и эмпирического*. И вывод Л. Бонжура под стать ситуации: «Если когнитивно спонтанные убеждения, подчиняющиеся Эмпирическому Требованию, являются достоверными, то мы *априорно* можем заключить, что сам факт, что система, которая остается когерентно-стабильной на протяжении длительного времени, удовлетворяя Эмпирическому Требованию, и все еще не может схватить не наблюдаемые аспекты мира достаточно подробно, – является весьма и весьма невероятным» (с. 176) ¹³.

¹³ Гипотезы этого типа принимают первую часть (P₂), т. е. что когнитивно спонтанные убеждения, которые определяются как достоверные, фактически причиняются именно в тех ситуациях, которые они предполагают, и именно поэтому они соответствуют миру. И здесь мы рассматриваем возможности, что даже в этом случае полученная картина мира будет неполной, поскольку не может схватить ту часть мира, которая «не наблюдаема». Как отмечает Л. Бонжур, «многое зависит от того, как упущенные аспекты связаны с наблюдаемым. Существует *два* разных способа, которыми отдельные аспекты мира могут быть ненаблюдаемыми. Во-первых, она зависит от *практической* (practical) ситуации. Некоторый ненаблюдаемый аспект в определенных условиях может причинять достоверные когнитивно спонтанные убеждения, но субъект может никогда не оказаться в нужных условиях для того, чтобы *сделать* (take) эти наблюдения, а значит, сам факт того, что корреспондентность между системой и миром нарушена, никогда не будет обнаружен. Эту возможность нельзя исключить. И конечно, это несоответствие (discrepancy) имеет больший шанс оставаться незамеченным, например, ввиду невоз-

Второй тип, (б) – это гипотезы, которые говорят о том, что (б) репрезентация мира, включая эмпирическую компоненту, каким-то образом «фундаментально искажена (distorted)». Эти гипотезы не так сильно отличаются от гипотез (а),

возможности проводить наблюдения в далеких областях пространства-времени, или на более мелких масштабах вещества, что и объясняет неполноту системы. Но несоответствия такого рода сами по себе не могут быть основаниями для того, чтобы считать систему ложной. Скорее речь идет о том, что если несоответствие достаточно велико и если период наблюдения достаточно большой, то несоответствие может привести к большому числу потенциально противоречащих наблюдений. А значит, мы должны (во-вторых) рассмотреть более сильный смысл ненаблюдаемого, – в том же смысле, как мы считаем ненаблюдаемыми радиоволны и субатомные частицы. Эти объекты и процессы являются ненаблюдаемыми, потому что они не соответствуют *предмету* ни одного из видов достоверных когнитивно спонтанных убеждений, которые соответствуют наблюдениям, которые сейчас субъект *научился* и может делать. И очевидный способ, которым эта ненаблюдаемость может быть преодолена, – посредством развития *теорий*, описывающих ненаблюдаемые объекты и процессы, которые постулируются этими теориями в попытках объяснить и предсказать соответствующие наблюдаемые аспекты мира. Такой процесс построения теорий может быть вполне успешен в описании аспектов мира, которые сейчас не открыты для прямого наблюдения. Но есть ли основания предположить, что этот успех является результатом схватить мир именно в рамках *когерентной* системы убеждений?

Ответ, который может дать когерентизм, заключается в том, что если *достаточное* количество аспектов мира являются наблюдаемыми (а это так, по крайней мере, если выполнено Эмпирическое Требование), и если ненаблюдаемые аспекты оказывают *достаточное* причинное воздействие на наблюдаемые, то когерентность-стабильность описания наблюдаемых аспектов будет возможна, только если система также содержит успешные теории об этих предполагаемых ненаблюдаемых аспектах, которые, по крайней мере, приближенно истинны (correct). Это то, что мы обсуждали в параграфе 5.3: когерентность включает и предсказание, и объяснение. Модель наблюдаемого аспекта мира, которая не может предсказывать и объяснять наблюдаемые эффекты ненаблюдаемых объектов и процессов, *будет* содержать аномалии и будет значительно менее когерентной. Существование стабильной когерентной системы, не включающей достаточно аккуратную модель ненаблюдаемых аспектов мира, будет означать, что мир разделен на две части, которые предположительно очень слабо причинно взаимодействуют друг с другом. Априорно это весьма невероятное (unlikely) допущение, даже если граница между наблюдаемым и ненаблюдаемым задана раз и навсегда. Мы знаем, что граница между наблюдаемым и ненаблюдаемым не является постоянной и может *меняться* время от времени. Наблюдаемое не является сущностно связанным (essentially tied) с чувственным опытом в том виде, как мы традиционно понимаем чувственное восприятие, а значит, любой вид достоверных когнитивно спонтанных убеждений (и не важно, вследствие каких причинных процессов эти убеждения появляются у субъекта) *может* в принципе считаться наблюдаемым. Это значит, что развитие техники – радиотелескоп, счетчик Гейгера, ускоритель частиц и т.д. – может вести к появлению новых типов (sort) наблюдаемого. Субъект может *научиться* получать (have) достоверные когнитивно спонтанные убеждения в присутствии различных технических средств. Эти убеждения, если оценивать их с точки зрения их *содержания*, являются убеждениями о теоретических объектах и процессах – распространении радиосигналов, радиоактивности, поведении субатомных частиц и т.д., – и не могут быть *эпистемически* основаны на наблюдениях за техническими средствами и их поведением. В этом случае чувственный опыт, который и определяет наблюдение за техническим средством, конечно же, будет *причиной* (одной из), которая приведет к убеждению. Однако сам по себе этот опыт не обязан восприниматься (apprehended) как опыт, который позволяет (allow) этому восприятию служить адекватным обоснованием этого убеждения относительно теоретических объектов и процессов. И нет никаких оснований тому, почему обоснование (justification) таких теоретических наблюдений должно опираться на допущение, что только чувственный опыт может служить обоснованием убеждений наблюдения, вместо того чтобы быть (как и предполагает наша концепция наблюдения) основанным (based) непосредственно на *достоверности* когнитивно спонтанных убеждений соответствующего типа, – достоверности, которая определяется изнутри системы. Как следствие, если предположить (concede), что когнитивно спонтанные убеждения, которые удовлетворяют Эмпирическому Требованию, действительно являются объективно достоверными, то априорно маловероятно, что система убеждений, которая будет оставаться когерентной и будет продолжать удовлетворять Эмпирическому Требованию, так и не сможет схватить (depict) ненаблюдаемые аспекты мира, по крайней мере приближенно» (с. 173–176).

поскольку представление о мире может быть неполным и в силу ограничений, накладываемых наблюдением, и в силу искажения именно тех аспектов, которые мы считаем эмпирическими. «Здесь нужно отметить, что для большинства типов и характеристик, которыми оперирует когерентно-стабильная система убеждений, мы можем *априорно* сказать, что требуемые альтернативные объясняющие гипотезы либо невозможны, либо весьма невероятны. Но для некоторых характеристик, – например, для цвета и других аналогичных, – совсем не очевидно то, что апеллирующие к ним объясняющие гипотезы будут очевидным образом не вероятны. Конечно, всегда можно сослаться на то, что, обсуждая метафизический статус вторичных качеств, мы всегда можем прийти к выводу, что наиболее (most) когерентные системы убеждений вообще могут не апеллировать к вторичным качествам объектов, а значит, мы можем не переживать. Но этот пример не решит проблему до тех пор, пока мы не покажем, что есть аргумент, который обобщает эти рассуждения о вторичных качествах таким образом, чтобы эти же выводы можно было бы применить и к другим внутренним (intrinsic) характеристикам, которые не подчиняются законам природы, которым подчиняются объекты, ими обладающие. И поскольку мы обсуждаем здесь нормальные альтернативы, мы можем предположить, что корреспондентная гипотеза, как и утверждает (P₂), все еще с большой вероятностью истинна; а значит, есть смысл до тех пор, пока не появится достаточно хорошая альтернативная гипотеза, принять (M1)» (с. 179) ¹⁴.

¹⁴ Л. Бонжур, ссылаясь на Ричарда Диаза, приводит пример искусственно построенной системы, в которой «концептуальная модель мира не окажется некогерентной в результате появления неожиданных противоречащих наблюдений: каждое предсказанное наблюдение действительно произойдет, будучи причиненным реальной ситуацией, которая, в свою очередь, однозначно схвачена (paired) изоморфизмом описания, который и задает предположительное содержание наблюдения» (с. 176–177). Суть примера в том, что подобная концептуальная модель, апеллирующая к изоморфизму описания, *гипотетически* все равно может не соответствовать реальности. Л. Бонжур рассматривает несколько различных вариантов, как можно было бы понять такую «гипотетическую» ситуацию. «Во-первых, даже если такой изоморфизм и возможен, то он *априорно* маловероятен. Такой изоморфизм сложных инференциальных и законоподобных взаимосвязей двух различных множеств типов и характеристик реальных и изоморфных им концептуальных объектов является результатом крайне маловероятного совпадения. Мы даже можем усомниться, что это реально возможно. Чтобы такая ситуация возникла, необходимо, чтобы законы, концептуальные связи и т.д., которые схватываются (pertain) концептуальными типами и характеристиками, отражали (mirror) именно те связи и характеристики, которые схватываются соответствующими актуальными типами и характеристиками актуального мира. Зачем это нам? Если взаимосвязи одни и те же, то не будет места для несоответствия (discrepancy) между концептуальным миром и реальностью как таковой. Однако, независимо (despite) от этого отражения, типы и характеристики актуального мира *не будут* идентичны тем, которые схватываются концептуальной моделью. Для каких-то типов и характеристик отношение между их внутренней природой (character) и концептуальным описанием связей, в которые они включены, может быть очень близким. Но это не значит, что мы можем сказать, что концептуальный и актуальный законы полностью соответствуют (agree) друг другу, в то время как внутренняя природа объектов остается различной.

Существуют характеристики, чья индивидуальная внутренняя природа *полностью* не зависит от любой инференциальной или законоподобной связи, в которую включается объект, обладающий этой характеристикой. Самый очевидный пример – цвет, но мы можем вспомнить и другие «вторичные качества». Проблема заключается в том, что если реальность как таковая включает эти качества (цвет в их числе), то концептуальное отображение этих характеристик с большой вероятностью допускает «систематическую ошибку», которая не оказывает влияния на когерентность системы убеждений. Например, предположим, что соответствующее убеждение наблюдения было причинено какой-то сопряженной (complimentary) характеристикой, а не той, о которой мы думаем, и, как следствие, у нас

В) *Скептические альтернативные гипотезы*. Сами по себе скептические гипотезы: «Злой Демон», которая вводит в заблуждение, заставляя поверить в то, что меня окружает внешний мир, хотя ничего из воспринимаемого не существует; «Мозг-в-Баксе», предполагающая то, что в заблуждение меня вводит компьютер; или допущение, что я сошел с ума и чувственные данные, которые генерирует мое сознание, формируют когерентную, но совершенно недостоверную картину мира, – не являются особо значимыми с точки зрения демонстрации того, что когерентизм чем-то лучше других не-скептических альтернатив. Но, поскольку скептические гипотезы предлагают альтернативное *объяснение* для сохранения «когерентности-стабильности», мы должны показать, что они «значительно менее вероятны», чем наше исходное объяснение¹⁵. Аналогично анализу «нормальных

появилось описание, в котором какие-то характеристики поменялись местами (interchanged) относительно того, как они соотносятся в реальности. Такая ошибка может быть в принципе никогда не обнаружена посредством каких-то конфликтующих друг с другом наблюдений. Суть в том, что тот сорт отношений, который определяет *когерентность* убеждений внутри системы, т.е. соответствующие законоподобные и инференциальные концептуальные связи между ними, не имеет никакого отношения к внутренней природе таких характеристик. И конечно, мы должны подчеркнуть, что «ошибка», о которой идет речь, является незначительной, в том смысле что она не несет практической угрозы отмеченным законоподобным и инференциальным связям. Этот пример не дает оснований полагать, что эта ошибка включает что-то, кроме подмены характеристик внутри одного наперед заданного узкого класса характеристик или объектов, ими обладающих. Такая ошибка не должна приводить к появлению конфликтующих убеждений наблюдения» (с. 177–178).

¹⁵ Как отмечает Л. Бонжур: «В литературе можно встретить множество вариантов ответов на скептические возражения, но не все они подходят. Например, есть попытки апеллировать к верификационизму и показать, что скептическое возражение либо бессмысленно, либо ничем не отличается от не-скептического представления (с эмпирической точки зрения и объем, и качество данных, доступных и субъекту, и мозгу-в-баксе одинаково, а значит, скептическая установка не отличается от обычной. – Н. Г.). И даже среди точек зрения, которые не апеллируют к верификационизму, большинство даже *не пытается* показать, что такая-то гипотеза с меньшей вероятностью является истинной, чем конкурирующая с ней не-скептическая гипотеза. Большинство точек зрения пытается исключить скептицизм на основании каких-то достаточно общих методологических или прагматических (как верификационизм) оснований, – такое обоснование *не является эпистемическим*, оно не приводится в терминах «близости к истине», а значит, у нас нет оснований рассуждать о преимуществах одной гипотезы перед другой в терминах знания (вопрос о том, является ли известный «аргумент Мура» эпистемическим, очевидно, потребует дополнительного анализа. – Н. Г.). Такие точки зрения являются лишь более завуалированными формами скептицизма; они приводят «не-эпистемические основания» для предпочтения не-скептической позиции, при этом принимая, что сама скептическая альтернатива истинна с не меньшей вероятностью. Другой известный вариант – допущение, что скептическая гипотеза *менее простая*, а значит должна быть отброшена. У этого допущения две проблемы, – нечеткость понятия «простоты» и не всегда очевидное обоснование того, что более простая гипотеза должна быть принята на основании того, «простота» – это признак гипотезы истинной с большей вероятностью. И почему, собственно, реальность должна быть простой? Без ответа на этот вопрос рассуждения о простоте нерелевантны именно эпистемическому обоснованию. Таким образом, адекватный ответ на скептическое возражение должен начинаться с обоснования того, что на таких-то основаниях такая-то гипотеза (также принимая во внимание том, что когерентность-стабильность системы должна сохраняться на достаточно большом промежутке времени) будет с большей вероятностью истинна, чем корреспондентная гипотеза.

На что должен быть похож такой аргумент? Мы знаем из теории вероятностей, что вероятность гипотезы H относительно данных E равна вероятности E при условии истинности H , умноженной на априорную вероятность H , поделенной на априорную вероятность E (теорема Байеса). При сравнении вероятностей двух конкурирующих гипотез относительно одних и тех же данных должны быть выполнены два условия: должны существовать вероятности E при условии истинности каждой из гипотез, а также априорные вероятности каждой из гипотез. Соответственно, должным обра-

гипотез», Л. Бонжур и здесь рассматривает *два типа* возможных объясняющих гипотез: (а) «когерентность-стабильность» системы достигается «исключительно благодаря случаю (purely to chance)». Очевидно, это «крайне маловероятная, но возможная» ситуация, учитывая вероятность того, что случайные «убеждения наблюдения» смогут образовать когерентную систему¹⁶. Второй тип гипотез – это

зом выбранная скептическая гипотеза должна обладать условной вероятностью E не меньшей, чем для корреспондентной гипотезы. Аргумент в пользу большей вероятности корреспондентной гипотезы должен опираться на то, что априорная вероятность скептической гипотезы меньше, чем априорная вероятность корреспондентной гипотезы. Естественно, все эти рассуждения будут иметь *исключительно априорный* характер, поскольку любое обращение собственно к эмпирическому контексту здесь не имеет смысла. И я полагаю, что наши рассуждения, весьма предварительные и на интуитивном уровне, все-таки позволят нам обосновать выбор корреспондентной гипотезы. Также отметим, что именно *гибкость* (versatility) скептических гипотез, которые мы будем рассматривать, их способность объяснить любой релевантный опыт, делает их не просто более или менее удовлетворительными в методологическом смысле, но именно *вероятными быть истинными*, принимая во внимание факт когерентности-стабильности системы убеждений» (с. 180–181). Последнее замечание и апелляция к теореме Байеса, судя по всему, дорого обойдется Л. Бонжуру. Как отмечает Р. Фогелин: «Очень важно понять, о каком сорте вероятностей идет речь. И очевидно, это (основание аргумента в пользу (P_2) – Н. Г.) не может быть теория вероятностей. Вопрос: “Насколько вероятно, что когерентная, стабильная, получающая новые эмпирические данные система соответствует реальности как таковой?” не решается по аналогии с вопросом: “Если мы взяли из колоды две карты, то насколько вероятно, что первая – пика, а вторая – меньше шестерки”. Более того, вероятностная аргументация не может апеллировать к эмпирическому факту соответствия между реальностью и системой убеждений, поскольку само это соответствие – это то, что находится под вопросом. И Бонжур это понимает и пытается предложить новый по форме априорный аргумент, показывающий, что априорная вероятность скептической гипотезы меньше, чем таковая у гипотезы, которую защищает Бонжур. Да, оценку априорных вероятностей можно провести внутри системы относительно сопутствующих (background) допущений, предыдущего опыта анализа ситуации и т.д., и способы задания априорной вероятности могут быть любыми (arbitrary). Однако ни один из этих способов не будет служить целям мета-обоснования Бонжура. Бонжуру нужен какой-то другой метод задания априорных вероятностей: некогерентистский, не произвольный, априорный метод. И я не думаю, что Бонжур сделал нечто большее, кроме как взял старую верификационистскую аргументацию и превратил (convert) вывод о бессмысленности скептической гипотезы в утверждение, касающееся априорной вероятности ее ложности» [Fogelin, 1994, p. 160].

¹⁶ В качестве основной Л. Бонжур предлагает рассмотреть «модифицированную» (elaborate) (a_2), в отличие от «простой» (simple) (a_1), гипотезу: «Мои когнитивно спонтанные убеждения наблюдения производятся случайно, и этот случайный процесс производит *только* такие убеждения наблюдения, которые будут соответствовать (fit) моей системе убеждений и не будут нарушать ее стабильность. Относительно такой гипотезы наша система убеждений будет оставаться стабильной по определению. (Система не будет оставаться когерентной с несомненностью (certain), поскольку убеждения наблюдения не определяют все содержание системы, мы можем пользоваться плохими теориями). Интуитивно ясно, что эта гипотеза не является с большой вероятностью истинной относительно существования когерентной системы убеждений, не в большей степени, чем простая гипотеза. Но нам нужно это объяснить».

Вполне возможно найти различные методологические основания для того чтобы показать, что как объясняющая эта гипотеза не работает, но, как уже отмечалось, – релевантность таких соображений под вопросом. Если мы исключим модифицированную гипотезу из рассмотрения на роль гипотезы, которая *наилучшим* образом объясняет стабильность, на основании аргументов, которые непосредственно не апеллируют к близости (likelihood) к истине, – то это поставит под сомнение саму идею наилучшего объяснения, поскольку “наилучший” определяется именно на основании близости к истине. Единственной альтернативой будет потребовать на основании исключительно априорных рассуждений (purely a priori basis), что эта скептическая гипотеза с большой вероятностью не может быть истинной. Настолько не может быть истинной, что будет оставаться с большой вероятностью не истинной, даже если мы согласимся с тем, что она может предлагать (мои чувства могут произво-

гипотезы, которые являются производными от (б) гипотезы «Злого Демона». Этот тип гипотез, в свою очередь, делится на два подвида: (б₁) гипотеза ничего не говорит о мотивах и целях демона, а также о том, какой именно тип убеждений изменен (простая гипотеза); и (б₂) демон обладает собственными мотивами и целями, в силу которых она и будет производить сохраняющие когерентность убеждения наблюдения (модифицированная гипотеза)¹⁷. И самое интересное заключается

доть) хорошие, сохраняющие стабильность убеждения наблюдения. Основанием того, почему антецедент (априорная вероятность или правдоподобие модифицированной гипотезы) будет маловероятным, будут те же соображения, которые можно привести против простой гипотезы: внутренняя несовместность (incompatibility) между (а) утверждением, что убеждения наблюдения произведены исключительно случайно, и (б) утверждением, что эти убеждения продолжают соответствовать системе и не нарушают ее стабильность. Очевидно, (б) маловероятно относительно (а), и точно также (а) маловероятно относительно (б). И если мы объединим (а) и (б) в одну гипотезу, то на основании исключительно априорных рассуждений мы можем заключить, что она с большой вероятностью не сможет быть истинной. С точки зрения теоремы Байеса это означает, что невозможно соотносить (reconcile) дезавуирование (repudiation) априорной вероятности гипотезы с отрицанием условных вероятностей (принятием условных вероятностей для обратных событий). С точки зрения рассуждения о соотношении простоты и сложности гипотез, это означает, что если сложная гипотеза содержит элементы, которые будут с большой вероятностью не истинными относительно других составляющих гипотезы, то это делает ее с большой вероятностью не истинной именно на основании исключительно априорных рассуждений» (с. 182).

¹⁷ Как отмечает Л. Бонжур: «Простая гипотеза (б₁) не может объяснить сам факт сохраняющей когерентности. По аналогии с (а₁), весьма невероятно, но все-таки возможно, чтобы когнитивно спонтанные убеждения, производимые незаинтересованным демоном, продолжали соответствовать когерентной системе убеждений. Точно так же незаинтересованный демон может произвести буквально любую конфигурацию убеждений, и при этом сама (б₁) ничего не говорит о возможности того, чтобы данные соответствовали (fit) друг другу и системе. А значит, сохраняющаяся когерентность-стабильность является хорошим данным (evidence) против (б₁) просто потому, что подобный результат, если мы примем (б₁), произойдет с крайне малой вероятностью. Отметим, что этот аргумент не будет работать против (б₂), потому что (б₂) именно с высокой вероятностью или даже с несомненностью (certainty) принимает то, что наши когнитивно спонтанные убеждения будут сохранять когерентность системы. Согласно (б₂), демон не только обеспечивает меня такими убеждениями, но и обладает достаточной силой и знанием, чтобы поддерживать когерентность-стабильность. В этом смысле сохранение когерентности-стабильности системы является даже *более вероятным* для (б₂), чем для корреспондентной гипотезы. Но есть одно замечание. По аналогии с тем, как несовместность (incompatibility) (а₁) и сохранения когерентности-стабильности была передана (internalize) в (а₂), несовместность (б₁) и существования когерентной системы была передана в (б₂), а значит, (б₂) с большой вероятностью не является истинной. При этом степень невероятности (unlikelihood) того, что демон в (б₂) будет вести себя именно так, будет не больше, чем степень невероятности того, что демон в (б₁) будет производить именно такие убеждения. Точно так же, как незаинтересованный демон способен одинаково произвести любую конфигурацию данных, а значит, он с крайне малой вероятностью произведет именно ту конфигурацию, которая необходима для сохранения когерентности-стабильности, демон в (б₂), способный обладать любыми желаниями, целями и т.д., тем самым делает крайне маловероятным то, что он произведет именно эту, необходимую для сохранения когерентности-стабильности системы, конфигурацию, а значит, (б₂) истинна с крайне малой вероятностью. Однако этого результата, значимого самого по себе, недостаточно для того, чтобы показать, что (б₂) при тех же данных с меньшей вероятностью истинна, чем корреспондентная гипотеза. Последняя является сложной гипотезой, а значит, нам необходимо привести какие-либо основания, чтобы показать, что она отличается от (б₂). Принципиальное отличие, чем корреспондентная гипотеза может обезопасить себя от рассуждений, аналогичных выводам в отношении (а₂) и (б₁), заключается в том, что она утверждает, что когнитивно спонтанные убеждения, которые полагаются достоверными внутри системы, причиняются именно теми типами (kinds) объективных ситуаций, достижение которых данные убеждения предполагают (assert to obtain). И *априори* нам не кажется правдоподобным, что гипотеза, в которой мир причиняет убеждения надлежащим образом, и гипотеза, в которой должен существовать демон, которая по-сво-

в том, что отсюда Л. Бонжур переходит к необходимости рассмотреть два варианта исходной объясняющей гипотезы: (v_1) когнитивно спонтанные убеждения причиняются объективной реальностью безотносительно того, «какой сорт причин производит какой сорт убеждений» (простая гипотеза); и (v_2) причиной того, что данные когнитивно спонтанные убеждения (или скорее их типы) принимаются достоверными внутри системы убеждений, является «именно тот вид (sort) объективной ситуации, достижение которой данное убеждение и предполагает (asserts to obtain)» (модифицированная гипотеза)¹⁸. И, конечно, заключает,

ему причиняет убеждения, являются равновероятными, при том что и там и там система убеждений сохраняет когерентность-стабильность. Совершенно невероятно (improbable), что демон выбрала производить сохраняющие когерентность убеждения в том же самом смысле и в том же самом виде, как они причиняются миром. И точно также невероятно, что убеждения, причиняемые миром, появляются у субъекта в том же самом виде, как если бы их производила соответствующим образом от-рефлексирующая ситуация демон. Обе эти невероятности отвечают друг другу. А значит, мы должны будем признать, что корреспондентная гипотеза также невероятно, как (b_2). С учетом множества возможностей, какими убеждения могут быть причинены миром, весьма невероятно, что они были причинены именно тем способом, о котором говорит корреспондентная гипотеза» (с. 183–185).

¹⁸ По аналогии с предыдущими рассуждениями, относительно факта сохранения когерентности-стабильности вероятность истинности (v_1) крайне мала. И это будет означать, что (v_2) также с малой вероятностью истинна, так как она включает в себя составляющие, которые крайне маловероятны относительно друг друга, а значит, у гипотезы небольшая априорная вероятность. Этот вывод говорит о том, что «у нас нет оснований думать, что корреспондентная гипотеза, которая включает неправдоподобное представление о причинении убеждений, с большей вероятностью истинна, чем (b_2), а значит, наша попытка построить мета-обоснование, используя эту гипотезу, провалилась. И я упрощаю рассуждения, игнорируя возможность, что сохраняющие когерентность убеждения могут быть причинены миром некоторым другим способом, чем предполагает корреспондентная гипотеза (мы рассматривали это в параграфе 8.3). Априорно вероятность того, что когнитивно спонтанные убеждения были причинены именно так, как предсказывает корреспондентная гипотеза, крайне мала. Но это означает, что также крайне мала вероятность существования когнитивных субъектов, которые успешны в плане получения знания относительно внешней реальности. И дело в том, чтобы показать, как соотносятся априорные вероятности (v_2) и (b_2). И я полагаю, что основания в пользу (v_2) могут быть найдены. Во-первых, (v_1) не повторяет (b_1) в том плане, что все возможные паттерны причинения убеждений обладают одинаковой вероятностью. Суть гипотезы злого демона в том, чтобы полностью отвечать имеющемуся опыту с тем, чтобы ее нельзя было опровергнуть, но это не так для (v_1) и (v_2). Мир не является заинтересованным/незаинтересованным демоном, который производит убеждения. Напротив, мир обладает упорядоченной структурой сам по себе, а значит, мы априорно можем ожидать, что он будет причинять убеждения именно таким образом, который в какой-то степени отражает структуру мира и не является полностью произвольным. И вот такое представление, предполагающее объективные паттерны причинения, делает (v_2) гораздо более вероятной. Во-вторых, нельзя отрицать, что мы можем предложить здесь некое абстрактное и весьма схематичное понимание происходящего в терминах биологической эволюции, а также, в некоторой степени, в терминах культурных и концептуальных каркасов, которые объясняют то, как именно могут появиться и существовать когнитивные субъекты, которые соотносятся с миром соответствующим образом. И это объяснение не будет произвольным, оно будет включать (v_2). Наличие такого объяснения, – именно как *концептуальной возможности*, а не как эмпирического факта, – уменьшает внутреннее напряжение между элементами (v_2), а значит, повышает ее вероятность, делая ее более вероятной, чем (b_2), для которой у нас нет аналогичных рассуждений, которые были бы достаточно органичны. Всегда можно добавить какое-то внешнее (external) объяснение, например бога (deity) заданного вида, который также удовлетворит (v_2), но в этом случае ситуация не будет отличаться и мы ничего не выиграем» (с. 185–187). Отметим, что последние замечания оставляют странное ощущение. Эти два примера по сути эмпирические, в то время как для того, чтобы мета-обоснование работало, аргументация в пользу корреспондентной гипотезы должна быть *априорной*. Вот что пишет У. Алстон: «Почему стандартное объяснение лучше, чем скептическое? Бонжур настаивает на том, что выбор между ними необходимо сделать только на основании анализа априорных вероятностей гипотез, но он только что сказал, что они одинаково

что «степень *априорной неправдоподобности* (unlikelihood) корреспондентной гипотезы достаточно высока, однако она существенно ниже, чем для модифицированной гипотезы Злого Демона, что делает корреспондентную гипотезу с гораздо большей вероятностью истинной как объяснение когерентности-стабильности; а значит, у нас есть основания принять (М)» (с. 188). Таким образом, с точки зрения Л. Бонжура, полученного представления о том, как мета-обоснование могло бы работать в когерентистской модели обоснования эмпирических убеждений, – несмотря на то что «многое еще предстоит сделать», – вполне достаточно для того, чтобы считать, что его концепция является «ведущим кандидатом на роль корректной теории эмпирического знания».

Некоторые замечания критиков

В качестве иллюстрации остановимся на двух примерах критических замечаний, которые не столько показывают, что «у Бонжура не получилось!», сколько акцентируют внимание на том, что границы проекта на самом деле можно было бы сделать чуть более гибкими, – и это, возможно, привело бы к более рефлексивной модели обоснования эмпирического знания. В литературе можно встретить бесчисленное количество объяснений, почему аргумент «от мета-обоснования» работать не будет. И наиболее последовательные критики, на наш взгляд, указывают на то, что даже если принять, что Л. Бонжуру удалось привести хороший пример в пользу (М), то наличие этого одного примера *ничего не доказывает*. В обычной ситуации система убеждений субъекта содержит большое число типов убеждений. Некоторые из этих типов убеждений будут отвечать тем, которые Л. Бонжур обозначает как «когнитивно спонтанные». Это убеждения наблюдения, на основании чувственного восприятия формирующие картину окружающей реальности. Но это не все. В системе убеждений будет достаточное число типов убеждений, которые можно интерпретировать как выводные, – опирающиеся (и «по происхождению», и «по обоснованию») на те убеждения, которые мы считаем «убеждениями наблюдения». Например, абдуктивно обоснованное убеждение, что недавно по пляжу прошел человек, которое мы сделали на основании наблюдения, что перед нами на песке находится характерная цепочка следов.

плохие (equally bad off). Однако после этого он предлагает более слабый аргумент в пользу корреспондентной гипотезы. Зачем? Он хочет сказать, что эволюционное объяснение должно быть частью стандартной гипотезы? Но если на основании приведенного примера мы потребуем что-то, что выходит за рамки простого утверждения, что эволюционное объяснение корректно, то мы столкнемся с плохой обратной связью (circularity), – основания принять эволюционную гипотезу являются следствием тех самых убеждений, которые мы пытаемся обосновать. Точно так же, например, мы можем включить в скептическую гипотезу представление, которое объяснит, почему демон предпочитает производить именно такие когерентные наборы данных органов чувств так, как будто бы его нет, а не другое. Любое предполагаемое преимущество корреспондентной гипотезы здесь опирается на обманом (surreptitiously) принятое допущение, что у нас есть независимые основания для того, чтобы принять эволюционное объяснение, и нет независимых оснований в пользу принятия скептической гипотезы. Эти независимые основания опираются на нашу доксистическую практику, а значит, в данном случае обязательно приведут к плохой обратной связи. Тем самым мы можем сказать, что преимущество стандартного объяснения у Бонжура не установлено благодаря анализу априорных вероятностей, а в не меньшей степени опирается на анализ простоты, экономии мышления, глубину аргументации и внимание к деталям» [Alston, 1993, p. 88].

Как отмечает Маршал Суэйн: «Если наше внимание ограничено исключительно убеждениями наблюдения, то я склонен согласиться с рассуждениями Бонжура о том, что согласованность на большом промежутке времени, предсказательная успешность и когерентности *наилучшим* образом объясняются тем, что система убеждений соответствует реальности. Есть, конечно, и другие объяснения, включая радикальные скептические гипотезы, но они (как показал Бонжур) с меньшей вероятностью истинны, чем корреспондентная гипотеза. Однако есть и другие типы убеждений. Это убеждения, которые по своей природе *более теоретические*, которые гораздо дальше *отстоят* от привычных представлений о прямом (direct) подтверждении убеждений наблюдения. И что более важно, они *специально сконструированы* (designed) таким образом, чтобы быть объясняющими и быть когерентными, соответствующими исходной системе убеждений. Такие убеждения могут быть *ложными*, и будучи такими, они могут занимать “центральное место” в когерентной системе убеждений, которая в то же время полностью удовлетворяет критериями Бонжура» [Swain, 1989, p. 122]. Это очень сильное замечание, которое можно использовать как в пользу, так и против концепции Л. Бонжура ¹⁹.

¹⁹ Рассмотрим пример, который приводит Гильберт Харман. «Очень важно, чтобы обоснование опиралось на простые обобщения, даже если мы опираемся на ложное объяснение этих обобщений. Субъект полагает, что показания барометра падают перед грозой в силу того, что растет сила притяжения. Сила притяжения не только влияет на показания барометра, но и буквально вызывает дождь, вытягивая его из туч. И хотя объяснение неверное, он обоснованно утверждает, что если показания барометра падают, то это к дождю. Тот факт, что убеждения субъекта опираются на вывод, который не может дать ему знание (в результате у него ложное объяснение), не означает, что те же самые убеждения не могут опираться на вывод, который потенциально может привести к знанию (если в результате мы получим истинное объяснение). Субъект обоснован, потому что он выводит не только “сильное” объяснение, апеллирующее к гравитации, но также и “слабое” объяснение. Он выводит объяснение корреляций между падением показаний барометра и погодой, он объясняет, что обычно падение показаний барометра означает дождь. И далее он использует это “слабое” обобщение в объяснении на следующем этапе» [Harman, 1973, p. 133]. М. Суэйн приводит аналогичный пример: «Религиозные убеждения широко распространены и обладают очень сильной объяснительной ролью в системах убеждений многих людей. Более того, они прекрасно соотносятся (cohere) и с наблюдением, и с другими теоретическими убеждениями. Эти убеждения могут даже увеличивать степень когерентности системы, уменьшая количество необъяснимых аномалий (оно из ключевых достоинств религии заключается в ее способности давать объяснение вещам, которые иначе являются тайной). И даже когда возникают другие объяснения, например, научные, то те, кто придерживается религиозных убеждений, могут продолжать сохранять их, делая относительно незначительные изменения других составляющих системы убеждений. И независимо от того, кто и что думает о ценности (merits) религиозных убеждений, несмотря на очевидный конфликт между ними и научными убеждениями, на недостаточность (lack) подтверждаемости и опровергаемости этих убеждений и прочее, мы должны согласиться с тем, что система убеждений, которая их содержит, может быть когерентной на протяжении большого промежутка времени. Должны ли мы априори заключить, что эти убеждения с большой вероятностью истинны? Я не смог найти у Бонжура ничего, что препятствовало бы этому заключению, которое я нахожу неприемлемым» [Swain, 1989, p. 123]. Оба эти примера, конечно, интересны тем, что мы можем интерпретировать их применительно к концепции Л. Бонжура. У рыбака есть барометр, он не знает, как тот работает, но умеет им пользоваться, что он может успешно предсказывать погоду. Именно на основании успешности рыбака мы и говорим, что он, по крайней мере, обоснован в том, какая погода будет завтра. И теперь к этой «истории успеха» мы добавляем ложное объяснение, использующее понятие «гравитация». Формально все сходится, увеличение «гравитации» влияет на барометр и одновременно влияет на тучи надлежащим образом. Рыбак обоснован, но не прав относительно причины явления. Система убеждений рыбака когерентна. Все предполагаемые условия обоснованности убеждения «завтра будет дождь» по Л. Бонжуру выполнены: (а) это убеждение согласовано с системой и в условном логическом и в вероятностном смыслах; (б) у этого убеждения наверняка есть значитель-

Второй пример также в стиле приведенного «замечания Суэйна» связан с анализом дополнительных условий, выполнение которых по замыслу Л. Бонжура должно показать, что «когерентность является необходимым и достаточным условием знания». Алан Голдман приводит несколько интересных замечаний, каждое из которых по-своему подчеркивает то, что «когерентизм Бонжура является *слишком сильным*. Знание в обыденном смысле апеллирует к соответствующему (right) отношению между убеждением и фактом. Если когерентность всей системы убеждений сообщает (confer) обоснование каждому из убеждений, ее составляющих, то, как только мы достигнем когерентности, автоматически все истинные убеждения должны считаться знанием. Но на самом деле это не так. Какие-то истинные убеждения будут считаться знанием, а какие-то – нет. Все будет зависеть от чувствительности (sensitivity) предмета убеждений к изменениям фактов и от того, каким образом изменения в системе убеждений продиктованы (occasioned) изменениями в фактическом положении дел. Сохранения (continuous) когерентности системы перед лицом этих изменений недостаточно. Демонстрация знания требует перспективы *за пределами* внутренней системы убеждений субъекта. И эпистемологи (правильные с точки зрения А. Гол-

но число «инференциальных связей» с другими убеждениями системы; (в) это убеждение не содержит и не апеллирует к «аномалиям», т.е. к другим убеждениям, которые с точки зрения системы не имеют объяснения (качество исходного объяснения пока не рассматривается); наконец, (г) наша система убеждений является «стабильной» в любых разумных (с точки зрения рассматриваемой «эмпирической ситуации») смыслах, на любом (с известными оговорками) промежутке времени. И мы попадаем в ситуацию, когда, с одной стороны, мы имеем дело с гипотезой, которая «с большой вероятностью истинна», а с другой «весьма невероятно, что все убеждения системы убеждений рыбака истинны». Да, можно сказать, что Л. Бонжур, рассматривая «нормальные альтернативные гипотезы», пытается схватить именно этот случай. С точки зрения рыбака, его объяснение погоды в терминах поведения стрелки барометра и будет «альтернативным объяснением» (внешний мир отличается от имеющегося представления, но при этом «причинно ответствен» при формировании соответствующих убеждений наблюдения) по отношению к корреспондентной гипотезе, утверждающей, что внешний мир именно таков (с учетом разумных ограничений), каким мы его себе представляем. С точки зрения Л. Бонжура, опираясь на исключительно априорные рассуждения, мы должны заключить, что весьма неправдоподобно то, что система убеждений рыбака будет оставаться когерентной и стабильной, поскольку теоретическое объяснение явления ложно. Л. Бонжур пишет: «Если предположить (concede), что когнитивно спонтанные убеждения, которые удовлетворяют Эмпирическому Требованию, действительно являются объективно достоверными, то априорно маловероятно, что система убеждений, которая будет оставаться когерентной и будет продолжать удовлетворять Эмпирическому Требованию, так и не сможет схватить (depict) ненаблюдаемые аспекты мира, по крайней мере приближенно» (с. 176). Однако именно это и происходит с системой убеждений рыбака. Он не схватывает соответствующий «ненаблюдаемый аспект», но с системой ничего не происходит. Как отмечает М. Суэйн: «Возможно, Бонжур и мог бы ответить на это возражение, но это сомнительно. Однако если бы мы приняли ту или иную версию релейбилизма, не важно, апеллирующую к достоверному процессу или к какому-нибудь индикатору достоверности по какому-либо показателю, то возможно в этом случае предполагаемый аргумент от мета-обоснования выглядел бы гораздо более многообещающим. Если система убеждений «привязана» к какому-либо достоверному процессу, то тогда мы можем сказать с большей вероятностью, что у нас больше оснований считать анализируемое убеждение истинным, чем ложным, – потому что именно это и обозначает «достоверность»» [Swain, 1989, p. 124]. Не будем забывать, что классический релейбилизм (А. Голдман, Д. Армстронг, Ф. Дретске и др.) – это экстерналистская концепция. И если рассматривать концепцию Л. Бонжура именно в рамках последних четырех глав книги, а также если ограничиться проблемами обоснования эмпирического знания в том виде, как их понимает Л. Бонжур, то да, скорее всего М. Суэйн и достаточно большое число критиков будут правы в том, что приведенные замечания действительно указывают на ограниченность концепции мета-обоснования Л. Бонжура.

дмана. – Н. Г.) начинают эту демонстрацию с основополагающих (foundational) убеждений, указывающих на внешние отношения (в дополнение к истинности) как на источник знания. Для того чтобы обосновать, что эти внешние отношения выполняются и являются источником знания, мы *должны* принять интерсубъективную (interpersonal) перспективу за рамками нашей индивидуальной системы убеждений. Обеспокоенность внутренней когерентностью является одновременно и слишком сильным требованием по отношению к системе убеждений обычного субъекта, и требованием, которое не является достаточным для того, чтобы превратить истинное убеждение в знание. Сейчас не принято использовать естественный отбор, влияние окружающей среды и т.д. как факторы обоснования, но апелляция к ним имеет больше шансов на успех, чем строго интерналистское мета-обоснование Бонжура, которое апеллирует к когерентности системы убеждений. В узком смысле понимаемый когерентизм не может преодолеть проблему несовместности разных когерентных систем убеждений. Мета-обоснование внутренней когерентности не может показать, что когерентность сама по себе является показателем истинности, а значит, *когерентность не является ни необходимым, ни достаточным условием*, которое нужно добавить к истинному убеждению, чтобы получить знание» [Goldman, 1989a, p. 125, 132]. В плане того, почему когерентность не может считаться *достаточным* условием знания, логика рассуждений А. Голдмана понятна, – это будет одна из вариаций Возражения (I) и демонстрация того, что Эмпирическое Требование на самом деле не помогает ²⁰.

²⁰ А. Голдман пишет: «Бонжур защищает когерентизм, предлагая решение в духе умеренного (moderate) фаундализма, но без базовых убеждений. Уловка состоит в том, чтобы потребовать эмпирическое (observational) пополнение системы, говоря, что сами убеждения наблюдения обоснованы только по отношению к убеждениям более высокого порядка, схватывающих их достоверность в тех условиях, в которых они появляются (acquired). Убеждения наблюдения появляются не инференциально, но обоснованы в силу их когерентности с другими убеждениями системы. Эта когерентность состоит в согласии (agreement) между перцептуальными убеждениями, полученными в различное время и посредством различных органов чувств, а также от причинных *объяснений* этих убеждений, которые подтверждают (endorse) их аккуратность. Субъект должен быть способен распознать данные неинференциальные убеждения как убеждения наблюдения, а также должен иметь достаточно мета-убеждений об их достоверности в соответствующих условиях восприятия (с. 122). И поскольку обоснование у Бонжура зависит только от выполнения субъектом соответствующих эпистемических обязательств (obligations), то мы имеем дело с достоверностью с точки зрения субъекта, а не с актуальной достоверностью перцептуальных убеждений, которая нужна. Требование перцептуального пополнения системы замещает требование наличия оснований, которые привязывают (anchor) когерентную систему убеждений к реальному миру. Непривязанная когерентная система не считается обоснованной. Только сохранение когерентности на протяжении достаточно длительного промежутка времени (long run) перед лицом непрерывного эмпирического пополнения системы означает истинность (с. 144). Но эмпирическое пополнение не может элиминировать множество несовместных когерентных систем убеждений. И даже если Бонжуру удалось схватить какое-то интуитивное представление о знании (в его собственном понимании знания), то оно не является интересным, так как требуется совсем другой тип теории.

Эпистемолог, в отличие от нормального субъекта, пользуется представлением (и должен это показать!), что в системе убеждений много типов (kinds) знания. Недостаточно просто показать, что собственная система убеждений внутренне когерентна и содержит невыводные убеждения. Для экстерналиста убеждение является знанием, если оно находится в соответствующем законоподобном отношении с фактом (или типом фактов), на который оно указывает. Бонжур не принимает экстернализм, но общая логика рассуждений должна сохраняться. Это отношение (между убеждением и фактом) состоит в том, что «факт» является заметной частью наилучшего объяснения убеждения, которое принимает (hold) субъект. Для большинства убеждений те факты, на которые они указывают, – это

В плане обоснования того, почему когерентность не может быть *необходимым* условием знания, А. Голдман вспоминает мета-обоснование и Доксастическое Допущение: «Интернализм Бонжура является слишком сильным, – обоснование зависит *только* от того, что в каком-то смысле доступно субъекту. Субъект должен имплицитно схватывать (*grasp*) свою систему убеждений. Но этого “просто-го” факта недостаточно. Субъект должен принять с обоснованием, что та система, с которой когерентно данное убеждение, сама по себе является когерентной. А вот это уже нельзя просто предположить, так как это будет равнозначно допущению, что убеждение обосновано, – а именно это субъект и пытается показать. Более важно то, что нормальный субъект, если и схватывает содержание своей системы убеждений, то сомнительно, что он схватывает абсолютно все когерентные отношения, а значит, он не может схватить все убеждения, которые являются знанием. Актуальная система убеждений содержит множества аномалий и несоответствий, и часть из них вполне рациональна. (Я могу принимать все предложения данного текста, но не их конъюнкцию). Эти несоответствия делают систему не когерентной, но они могут вообще не касаться, например, перцептуального знания, которое я получаю независимо от них. Чтобы обладать знанием, мне *не нужно* схватывать когерентность всей системы» [Goldman, 1989a, p. 128]. Однако общее заключение А. Голдмана довольно нейтрально: «Бонжур *расширил* стратегию аргументации когерентизма, добавив требование пополнения содержания (*input*). В принципе идея сходимости интерсубъективного (*interpersonal convergence*) (в терминах апелляции к одинаковой для всех объективной реальности. – Н. Г.) является признаком того, что перед нами хорошая теория, неважно, эпистемологическая она или нет.

только части, может быть опосредованные (*indirect*), этих объяснений. Мое убеждение, что по улице едет пожарная машина, объясняется не только самим фактом, что это так и есть, но и дополнительным фактом, например, что я смотрю в окно и ее вижу. Это значит, что, кроме прочего, я должен обосновать последнее утверждение, или мое убеждение, что я смотрю в окно и вижу пожарную машину. Убеждение, что по улице едет пожарная машина, обосновано, только если обосновано последнее и только (при прочих равных) по отношению к нему. В свою очередь, обоснованием того, что я вижу пожарную машину, будет то, что я смотрю в направлении окна, что на мои органы чувств оказывается соответствующее воздействие соответствующим образом и т.д. Фундаментальным допущением Бонжура является то, что он говорит, что наилучшим объяснением различных паттернов восприятия (как и обоснования когнитивно спонтанных убеждений, а также убеждений наблюдения и возможно интроспекции и памяти. – Н. Г.) является физический мир, который предположительно соответствующим образом и структурирован. И это допущение вообще ничего не говорит о том, что я организую убеждения когерентным образом, помещая элементарные восприятия в соответствующие психологические паттерны, которые и позволяют мне (пользуясь выводом к лучшему восприятию) сформировать когерентную картину мира. Бонжур же допускает, что если когерентная система не соответствует реальности, тогда последующие наблюдения будут нарушать когерентность (с. 172). Однако способность сознания (сила воображения) искажать (*alter*) данные и в то же время корректировать (*adjust*) убеждения более высокого порядка, чтобы оба уровня были согласованы (*concur*), вызывает вопросы. Эта способность может *заменить* в предполагаемом объяснении “факта” истинность на когерентность заданного множества сопутствующих убеждений. Тенденция сфабриковать когерентность, чтобы наблюдения ее не нарушали, ослабляет аргумент Бонжура. Не существует естественного стремления к когерентности. Акцент нужно делать на интерсубъективном согласии (*agreement*), а не на внутренней когерентности системы убеждений субъекта. Эпистемолог должен обратить (*reverse*) этот акцент на конструирование индивидуальной системы убеждений в пользу *социальных аспектов легитимности знания*. Сама по себе внутренняя когерентность не релевантна знанию, даже если мы будем настаивать на том, что поступающие эмпирические данные истинны и отражают реальность» [Goldman, 1989a, p. 126, 130].

И, конечно, Бонжуре нужно было бы *развивать ее дальше*, чтобы получилась достаточно сильная позиция, способная противостоять скептику.

Если мы принимаем эвиденциализм, то сумасшедший (обладающий когерентной системой убеждений, что он командует наполеоновской армией, а также соответствующими мета-убеждениями относительно достоверности своего восприятия реальности; ведь он вправе сформулировать такие мета-убеждения и прийти к выводу, что они истинны), не будет обоснован, когда речь заходит о его наваждении и соответствующих перцептуальных убеждениях, но жертва Злого Демона, если во всех остальных смыслах она такая же как мы, – будет. Сумасшедший похож на человека, который приписывает объектам цвет, не обращая внимания на условия освещения. Здесь не спасает никакая когерентность. Эпистемическое обоснование, сочетающееся с представлением о том, в чем мы в каком-то смысле должны (ought) быть убеждены, не предполагает, что у нас есть свободный выбор (genuine choice) сформировать убеждение. Это предмет эпистемических обязательств. Разница между сумасшедшим и жертвой Злого Демона заключается в том, что последняя формирует убеждения, опираясь на те же самые данные, которые доступны каждому из нас, а первый – нет. Актуальное объяснение, которое мешает признать когерентную систему убеждений сумасшедшего знанием, не имеет никакого отношения к истинности его перцептуальных убеждений» [Goldman, 1989a, p. 132]. Из приведенной цитаты достаточно сложно понять, в каком смысле мы знаем, что не являемся сумасшедшими прямо сейчас или что мы действительно что-то знаем о реальности. И когда мы говорим об актуальных сумасшедших, именно «интерсубъективное согласие», по выражению А. Голдмана, и другие «социальные аспекты легитимности» знания, – даже несмотря на то что они естественным образом культурно и исторически обусловлены, – и будут главными критериями. Примечательно то, что сам А. Голдман и подсказывает то, как Л. Бонжур мог бы ему ответить. Замечание А. Голдмана, что «система убеждений содержит много типов (kinds) знания», можно интерпретировать и так, что в системе допускается много соответствующих «выводов к лучшему объяснению» по *разным уровням* данных, – в том же самом смысле, как он сам разделяет убеждения наблюдения и «убеждения более высокого уровня». Однако очевидно, что тот уровень «эпистемических обязательств», к которому обращается Л. Бонжур, не включает «интерсубъективное согласие», поскольку предмет его анализа – обоснование, именно как «приведение аргументов в пользу истинности убеждения», где «истинность» понимается в каноническом смысле, – что естественно для «классического» (эвиденциализм, интернализм, реализм, корреспондентная теория истинности) эпистемологического проекта.

Судя по всему, единственный способ защитить построения Л. Бонжура – это снова напомнить о том, что каждый вправе сам выбирать метафизические основания своей теории, и главный критерий, который мы можем предъявить к оценке состоятельности теории, на самом деле заключается в том, чтобы иметь возможность проследить – построить подходящую интерпретацию тому, что «из данных посылок соответствующее заключение действительно следует». Л. Бонжур не просто так обозначает «главные затруднения», с которыми сталкивается когерентизм. Возможность альтернативных систем убеждений; необходимость

пополнения эмпирического содержания системы; и связь когерентистского обоснования с истинностью как целью познания, – все это найденные Л. Бонжуром значимые затруднения в проблемном поле, преодоление которых, по сути, и служит основной эвристикой, доказывающей состоятельность его концепции. Были ли преодолены эти затруднения? При ответе на этот вопрос, конечно, большое значение будет иметь то, какой «уровень анализа» мы выберем как основной. И тут мы легко можем ошибиться, попав в ситуацию, которая напоминает о разнице между «причинностью» и «объяснением». Мы настаиваем на том, что с точки зрения выбранных оснований Л. Бонжур может претендовать на то, чтобы мы признали его концепцию достаточно согласованной. Хотя бы с точки зрения преодоления обозначенных «значимых затруднений». Другое дело, что сопутствующие «объяснения», которые предоставляют и сам Л. Бонжур, и его критики, могут быть недостаточно строгими и необоснованно расширяющими основания построений самого Л. Бонжура. Что мы и видим на примере приведенных рассуждений А. Голдмана и М. Суэйна или на примере рассуждений С. Хаак в первой части обзора. Классический проект всегда требует четкости – нужные качества и характеристики всегда связываются с определенным объектом, предположительно ими обладающим. Идеи Платона, структура работы сознания в онтологии И. Канта, требование четкости понимания критерия «знания» и т. д. Именно поэтому хорошее причинное объяснение, как правило, всегда содержит в себе указание на набор «исходных дихотомий» – рациональное/эмпирическое, интернализм/экстернализм, фаундализм/когерентизм и т. д. – так структура представления знания выглядит более четкой. В этом смысле поиск нечеткости оснований, который предпринимают многие критики концепции Л. Бонжура, может просто-напросто упускать суть того, что хотел сказать автор на самом деле. В своих собственных терминах концепция Л. Бонжура остается прекрасным примером концепции обоснования именно эмпирического знания. И в этом смысле книга гарантированно Вас не разочарует.

Список литературы

- Головко Н. В.** Когнитивно спонтанные убеждения и достоверность внутри системы. Рец. на кн.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 105–137.
- Головко Н. В.** Проблема регресса и критика фаундализма. Рец. на кн.: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 109–153.
- Головко Н. В.** Проблема безбилетника и предел эффективности коллективного действия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 43–50.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III. Абдуктивный вывод // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6. № 1. С. 9–15.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. I. Скептический аргумент // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 1. С. 8–13.

- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4. № 2. С. 51–57.
- Головко Н. В., Эртель И. И.** Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Научный реализм и метафизика возможностей // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 4. С. 5–33.
- Alston W.** The Reliability of Sense Perception. Cornell University Press, 1993.
- Chisholm R.** Theory of Knowledge / 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989.
- Conee E., Feldman R.** Evidentialism. Oxford University Press, 2004.
- Fogelin R.** Pyrrhonic Reflections on Knowledge and Justification. Oxford University Press, 1994.
- Goldman A.** Bonjour's Coherentism // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989a. P. 125–133.
- Goldman A.** Bonjour's The Structure of Empirical Knowledge // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989b. P. 105–114.
- Haak S.** Coherentism Discomposed: A Critique of Bonjour's the Structure of Empirical Knowledge // Theoria et Historia Scientiarum. 1992. Vol. 2. P. 16–23.
- Harman G.** Thought. Princeton University Press, 1973.
- Swain M.** Bonjour's Coherence Theory of Justification // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** Problems of Knowledge: A Critical Introduction to Epistemology. Oxford University Press, 2001.

References

- Alston W.** The Reliability of Sense Perception. Cornell University Press, 1993.
- Chisholm R.** Theory of Knowledge / 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989.
- Conee E., Feldman R.** Evidentialism. Oxford University Press, 2004.
- Fogelin R.** Pyrrhonic Reflections on Knowledge and Justification. Oxford University Press, 1994.
- Goldman A.** Bonjour's Coherentism // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989a. P. 125–133.
- Goldman A.** Bonjour's The Structure of Empirical Knowledge // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989b. P. 105–114.
- Golovko N. V.** Cognitive Spontaneous Beliefs, and Reliability within the System. Book Review: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Siberian Journal of Philosophy. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 105–137 (in Russian)

- Golovko N. V.** Regress Problem and the Critique of Empirical Foundationalism. Book Review: Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Siberian Journal of Philosophy. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 109–153 (in Russian)
- Golovko N. V.** The free-rider problem and effectiveness of the collective action // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2012. T. 10. No. 3. P. 43–50. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments Against Scientific Realism. III. Abductive Inference // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2008. T. 6. No. 1. P. 9–15. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments Against Scientific Realism. I. Skeptical Argument // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2007. T. 5. No. 1. P. 8–13. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments For Scientific Realism // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2006. T. 4. No. 2. P. 51–57. (in Russian)
- Golovko N. V., Ertel I. I.** J. Ladyman, D. Dennett and E. J. Lowe: Scientific Realism and Metaphysics of Possibilities // Siberian Journal of Philosophy. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 5–33. (in Russian)
- Harman G.** Thought. Princeton University Press, 1973.
- Haak S.** Coherentism Discomposed: A Critique of Bonjour's the Structure of Empirical Knowledge // Theoria et Historia Scientiarum. 1992. Vol. 2. P. 16–23.
- Swain M.** Bonjour's Coherence Theory of Justification // J. Bender (Ed.) The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** Problems of Knowledge: A Critical Introduction to Epistemology. Oxford University Press, 2001.

Информация об авторе

Головкин Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент

¹ Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки, Новосибирский государственный университет;

² Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)

¹ Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University;

² Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Статья поступила в редколлегию 25.01.2024;

одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024

The article was submitted 25.01.2024;

approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 20.02.2024

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки», «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное двойное слепое (double-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных

материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 – «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru



II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже.

Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; <https://orcid.org/>; аннотация

на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) Название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) Текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Основной текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустроочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), **должны** выставить в настройках (включая настройки оформления номера страницы) стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире **только** одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Цитаты заключаются в кавычки «елочки». Если внутри цитаты, заключенной в кавычки, встречаются слова, в свою очередь заключенные в кавычки, для них нужно использовать кавычки «лапки» (две «шестёрки» и две «девятки» сверху).

5. Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках, через запятую указываются: фамилия автора, год издания, страницы со строчной с. или р.

При прямом цитировании после кавычек указывается: [Horton et al., 2006, p. 427–428] или [Целищев, Бессонов, 1979, с. 92].

При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Дарвин, 1939]).

При косвенном цитировании (парафраз) указание на страницы источника является обязательным, источник заключается в круглые скобки: (см.: [Пелевин, 2013, с. 215]).

Комментарии и замечания к тексту приводятся в подстрочных сносках (текст сноски располагается внизу страницы) и нумеруются по порядку с начала документа, начиная с цифры 1¹.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются **только** в виде подстрочной сноски.

Ссылка на документ из сети Интернет имеет вид: автор (если есть), название материала (как указано на странице), дата опубликования материала (если есть), официальное название ресурса, на котором размещен материал, URL ресурса, дата обращения к ресурсу автора статьи.

Не допускается указывать ссылки на документы из сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.), которые и включаются в список литературы.

Если сайт, на котором находится документ, запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в соответствующем реестре Роскомнадзора².

Если текст статьи содержит указание: а) на запрещенную организацию (либо ликвидированную или деятельность которой приостановлена); б) на некоммерческие организации / средства массовой информации / незарегистрированные общественные объединения / физические лица, признанные СМИ / физические лица, признанные «иностранными агентами»; в) на нежелательную организацию, то в подстрочной сноске **в обязательном порядке** указывается статус, – например, «организация, запрещенная на территории РФ», «организация, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ», «признан иностранным агентом» и т.д., – а также полное название соответствующего нормативного документа либо указание на раздел сайта соответствующего ведомства, закрепившего статус, и дата его последней редакции³.

6. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русскоязычные авторы). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), фамилии и инициалы редакторов (если речь идет о коллективной монографии или сборнике), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации (для книг), год

¹ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

² См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://cais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

³ Как отмечает комик Данила Поперечный: «Я думал до такого не дойдет». См.: «Меня признали иноагентом», видео, 3:07 [38:17] (8 июля 2024). YouTube, канал «Данила Поперечный». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3QXwMnKUwSc> (дата обращения 15.08.2024). Поперечный Д.А. включен в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/>) (дата обновления 30.08.2024).

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). Для статей (глав монографий и сборников) указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

NB! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года **прекращена** практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Также в списке «References»: вместо значка номера журнала «№» пишется «No.»; города именуются в соответствии с принятыми конвенциями без сокращений: Moscow, Saint Petersburg, New York; для русскоязычных источников указывается (in Russian).

7. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 x 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии, без цветных элементов и мелких сплошных заливок). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте **должны иметь подписи** на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

- Аристид.** Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.
- Целищев В. В.** Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вopr. философии. 2013. № 8. С. 12–23.
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

- Aristid.** Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aletea, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.
- Tselishchev V. V.** Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент
Научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences